

АЗИЯ И АФРИКА
В ИСТОЧНИКАХ

И МАТЕРИАЛАХ

Посланник Петра I на Востоке

Посольство
Флорио Беневени
в Персию и Бухару
в 1718 - 1725 годах

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Института востоковедения

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»

АЗИЯ И АФРИКА

В ИСТОЧНИКАХ

И МАТЕРИАЛАХ

Посланник Петра I на Востоке

Посольство
Флорио Беневени
в Персию и Бухару
в 1718 - 1725 годах

Главная редакция восточной литературы

Москва 1986

Редакционная коллегия

М. Л. Вайс, О. К. Дрейер,
Н. А. Кузнецова (ответственный секретарь),
В. И. Мазаев, В. А. Ромодин, А. В. Станишевский,
С. Л. Тихвицкий (председатель), Н. А. Халфин
(заместитель председателя), П. М. Шаститко

Ответственный редактор

Н. А. Халфин

Подготовка текста, вступительная статья и комментарии

В. Г. Воловникова

П61 Посланник Петра I на Востоке. Посольство
Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718—
1725 годах. М., Главная редакция восточной лите-
ратуры издательства «Наука», 1986.

159 с.

Публикуемые дописания, письма, путевые журналы Флорио Беневени — уникальные источники по истории, экономике и политике крупнейших в XVIII в. среднеазиатских ханств — Бухарского и Хивинского. Документы российского посольства дают также представление о состоянии и развитии взаимоотношений России с Персией в этот период. Во вступительной статье рассказывается о личности самого Ф. Беневени, причем материалы, на которых строится этот рассказ, лишь недавно обнаружены в архивах.

П 0504030000-048
013(02)-86 24-86

ББК 63.3(0)51

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

ПО ДОРОГАМ ВОСТОКА И ВРЕМЕНИ

(Введение)

I

«...Достойна его гения была мысль пайти путь в Индию для нашей торговли».

А. С. Пушкин. История Петра

С. М. Соловьев: «Петр, стремясь к достижению своей „великой цели“ — получению Россией выхода к Балтийскому морю, не спускал глаз с Востока, зная хорошо его значение для России, зная, что материальное благосостояние России поднимется, когда она станет посредницей в торговом отношении между Европой и Азией... Страны Востока, от Китая до Турции, одинаково обращали на себя внимание Петра» [44, т. 18, с. 345].

Россия еще в XVI в., после завоевания Казанского и Астраханского ханств, получила возможность прямого общения с Персией. Через Иран и Закавказье пролегал «шелковый путь» с Востока в Европу. Из Персии, Средней Азии шли новые для России, не изведенные пока торговые дороги в другие дальние «страны чудес». Но то, что было сделано для их поиска, а также для укрепления и развития уже налаженных связей в первой четверти XVIII столетия, далеко превзошло все начинания предшествующих времен. Решение политических и коммерческих задач, унаследованных от XVI и XVII вв., в Петровскую эпоху было поставлено с большей определенностью и размахом. Кроме того, с именем Петра I связаны первые в России научные работы, посвященные изучению стран Востока.

Уже в 1695 г., когда Петру I было только 23 года, он посылает купца гостиной сотни Семена Маленького в Персию и Индию. Маленький везет царские грамоты к шаху и Великому Моголу. Его снабжают деньгами и товарами, ему приказывают описать местоположение земель, рек, населенных пунктов — весь путь, которым он будет следовать. Семен Маленький доплыл до Персии, побывал в Исфахане, Тегеране, имел несколько аудиенций у шаха. Затем московский купец добрался до Индии, получил от Великого Могола подарки — знак доброго расположения — для себя и для передачи царю — слона. К несчастью, на обратном пути, уже в Астрахани, после пятилетнего путешествия С. Маленький умер, не успев ничего описать, никому не рассказав никаких подробностей¹ [14, с. 279—281; 18, т. 1, с. 246].

Это была первая во времена Петра I миссия на Восток. И сразу — в Индию! Таковы были масштабы «мысленной» карты будущего российского императора.

В 1699 г. датчанину Шельтрону, бывшему на русской службе, было приказано описать берега Каспийского моря. Он тоже погиб в пути [см. 34].

При отъезде в Прутский поход (1711) Петр I подписал в Москве указ сенату «Что по отбытии нашем делать», где среди других государственных дел первой важности было следующее: «Персицкой торг умножить, и армян, как возможно, приласкать и обলেখчить в чем пристойно, дабы тем подать охоту для болшева их приезде» [35, вып. 1, с. 102—103]. Армянские купцы были посредниками в российской торговле с Ираном; для поощрения этой коммерции была значительно снижена пошлина на ввозимые в Россию шелк и ткани, а с драгоценных камней и жемчугов она вообще не взималась. Кроме того, для защиты армянских караванов выделялись русские военные отряды [35, вып. 1, с. 412; 49, кн. 2, с. 49—50].

Внимание Петра I привлекала возможность расширения торговли и через Среднюю Азию.

В России были известны слухи о том, что существовало старое русло Амударьи, по которому она впадала раньше прямо в Каспийское море, но хивинцы или калмыки (в начале XVIII в. калмыками в России называли ойратов, уйгуров и киргизов) совсем «недавно» отвели эту реку в Аральское море, устроив где-то плотину; они сделали это, чтобы «обезопасить свои владения». Или иначе: у Амударьи было два устья, которыми она впадала одновременно и в Каспийское и в Аральское моря, и хивинцами было засыпано одно из них.

Если бы можно было разрушить плотину, восстановить прежнее течение важной реки, и тогда из Волги через Каспий попасть в Амударью и по ней плыть дальше, к Индии... Русские и европейские купцы могли бы возить беспрепятственно туда свои товары, а с Востока двинулись бы «индийские» «пряное зелье, шелк, хлопчатая бумага с происходящими из нее полотнами, разные металлы, алмазы, драгоценное камень, дерево и порцелен с другими из Индии, а особливо из Китая и из Японии выходящими вещами»... Через Россию!

Слухи о старом и новом русле надо было проверить.

К тому же в мае 1714 г. от сибирского губернатора князя М. П. Гагарина² в Петербург поступило еще одно важное известие: «В городке калмыцком Эркета³... на реке Дарье промышляют песошное золото»; этот город — «в расстоянии от Тобольска по сказке эркетинских жителей, что доходят из Эркета до Тары в полтрети месяца (т. е. в два с половиной месяца.— В. В.) нескорою водою, а от Тары до Тобольска в пять дней». Далее губернатор предлагает для овладения этим городом организовать военную экспедицию, по пути же к нему построить несколько крепостей, оставив в них гарнизоны солдат [26, с. 7; 32, с. 126—150].

Сведения М. П. Гагарина были основаны на рассказах дворянина Федора Трушниковца, ездившего ранее через «калмыц-

кую землю» в Синьцзян (или, как его называли в то время, Малую Бухарию), в г. Яркенд, находящийся на р. Тарим, или Тарим-Дарья, и купившего там золотой песок. Часть этого песка как образец М. П. Гагарин отправил вместе со своим донесением в Петербург. В столице же в это время был известен другой слух, исходивший от одного туркменского странника Ходжи Нефеса, захватившего в Астрахань, — слух о золоте, которое есть в Бухарии⁴, на р. Амударье. Оба слуха — сибирский и астраханский — переплелись: Малая Бухария и Бухария, Тарим-Дарья и Амударья. Яркенд стал Эркетом, и точное его местоположение никто не знал. Не знали, что от Тобольска до Яркенда почти 2,5 тыс. верст, что от Ямышева озера⁵, где М. П. Гагарин предлагал построить один из фортов, до Тарим-Дарьи останется еще 1,3 тыс. верст непролазной тайги, болот, диких рек и топей.

Как раз в это же время, когда было получено известие от сибирского губернатора, в Петербурге находился хивинский посол Ачерби. Ему показали золото, присланное М. П. Гагариным, и он сказал, что в Хивинском и Бухарском ханствах такое золото есть и особенно река Амударья «оним славна» [18, т. 5, с. 235; 26, с. 9]. Его же спросили о плотине на Амударье, и он подтвердил ее существование.

Малая Бухария окончательно превратилась в Бухарию, Дарья — в Амударью, и наоборот.

Своего золота, своих приисков у России тогда еще не было. И, конечно, огромнейшей удачей для государства, затеявшего невиданные по размаху начинания, было приобрести его. О значении известия можно судить по скорости реакции на него правительства: донесение М. П. Гагарина пришло в начале мая, а уже 22 мая был подписан приказ подполковнику И. Д. Бухгольцу выступить с 1,5 тыс. солдат к Ямышеву озеру, там построить крепость, перезимовать в ней, а весной двинуться к Эркету, овладеть им и потом разведать об устье Амударьи [32, с. 126—150].

Бухголец вышел со своим отрядом к Эркету, дошел до Ямышева озера, построил у устья р. Преснухи крепость, как ему было приказано. Но здесь, среди тайги и болот, его солдаты стали болеть. Людей уносили эпидемии, холод и голод. Многие, не выдержав испытаний, бежали. К тому же кочевавшие в этих местах калмыки-джунгары считали, что крепость построена на их земле, и зимой 1715/16 г. осадили ее. Русский отряд оказался в очень тяжелом положении. Подполковник И. Д. Бухголец доносил своему начальству, что продвигаться далее невозможно. Не дождавшись нового приказа, вместе с оставшимися в живых 600 солдатами он был вынужден скрыть крепость и повернуть обратно, не выполнив главного пункта приказа⁶.

В то время как И. Д. Бухголец с отрядом пробивался к «соблазнительной Эркети» (С. М. Соловьев) через сибирские топи и болота, из Астрахани через Каспийское море к Амударье отправился капитан-поручик гвардии князь А. Бекович-Черкасский⁷.

С возможностью оживления или даже полного изменения существующих взаимоотношений с государствами Средней Азии связывались особые надежды и потому, что, как стало известно русскому правительству, и Бухарское и Хивинское ханства в последние годы были охвачены острыми внутренними междоусобицами (узбекская родовая аристократия вступила в борьбу с ханской властью) и находились на грани краха⁸. Можно было бы воспользоваться этой борьбой и слабостью ханств, чтобы поставить их в зависимость от России. Возникла идея поместить с согласия ханов в Бухаре и Хиве русские военные отряды (ханскую гвардию) для помощи ханам в их борьбе со своими противниками.

Еще 20 мая 1714 г. А. Бековичу-Черкасскому было приказано отыскать устье р. Амударьи и выяснить, где находится плотина, загромождающая ее вход в Каспий, т. е. найти «водяной путь» в Индию [21, ч. 2, с. 354—356; 36, № 2809]. В его распоряжение были предоставлены «тысячи полторы военных людей да на всякие расходы тысяч пять денег», и, кроме того, велено было воеводам в Астрахани «чинить отправление во всем, что он будет требовать, без всякого задержания». А. Бекович-Черкасский взял с собой еще 500 яицких казаков и в апреле—октябре 1715 г. в первый раз прошел по всему восточному берегу Каспийского моря. 4 августа он доносил Петру I, что прибыл в местность Актам, где в прежнее время впадала в Каспийское море Амударья, отведенная в 4 верстах от Хивы в Аральское море «особливой плотинной», и что купил местное золото. 24 октября он писал, что закончил составление карты Каспийского моря и возвращается в Астрахань [42, с. 3—5].

Петр, находившийся в Либаве, с нетерпением ожидал приезда А. Бековича-Черкасского. Вопрос первостепенной важности — наличие у Каспия устья Амударьи — был разрешен положительно. В Либаву А. Бекович-Черкасский прибыл в начале февраля 1716 г., а уже в конце месяца он в чине капитана гвардии был отправлен назад в Астрахань с новым приказом: ехать в Хиву, попытаться склонить хана «к подданству» и предложить ему русскую гвардию, «чтоб он за то радел в наших интересах», — тысячи две казаков, а плотину, перекрывающую русло Амударьи, «разорить» и на этом месте построить крепость. И далее: если необходимо будет прорыть какой-то дополнительный канал к реке от моря, верст, например, в двадцать, — сделать это. Для всего капитану дать 6 тыс. солдат и казаков. Найти Эркет. Послать по реке «под видом купчины» морского поручика А. Кожина, чтобы плыл по Амударье, сколько «время допустит», в Индию, для чего ему была дана особая инструкция [36, № 2993—2994].

Осенью 1716 — весной 1717 г. была построена крепость у Красноводского залива. Отряд под командованием А. Бековича-Черкасского начал поход к Хиве. Поход нелегкий: если в Сибири люди страдали от холода и гнуса, то здесь — от паляще-

го солнца и жажды. Отряд достиг Хивы, но поход окончился неудачей: хивинский хан, встревоженный постройкой крепости и опасавшийся, что русские «под видом посольства» захватят ханство, обманул А. Бековича-Черкасского. Он сказал, что шеститысячный русский отряд невозможно прокормить в одном месте и его надо рассредоточить в пяти городах. Отряд был разделен, после чего хивинцы предательски на него напали и учинили резню. Сам А. Бекович-Черкасский погиб⁹ [18, т. 7, с. 64—65; 21, ч. 2, с. 354].

А. С. Пушкин: «Неверность тогдашних географических сведений была главною причиною гибели Бековича» [39, с. 272].

«Неверность... географических сведений»... А. Бекович-Черкасский был одним из первых, кто добывал новые сведения. Первому трудно всегда.

«Предание гласит,— пишет А. С. Пушкин,— что Петр на одре смерти жалел о двух вещах: что не отмстил Турции за прутскую неудачу, а Хиве за убийство Бековича» [39, с. 190].

Вернулся живым поручик Кожин, который не выполнил приказа — не попал в Индию. «Петр отдал его под суд за *ослушание*» [39, с. 272]. А. Кожин, оправдываясь, говорил, что не мог войти в Амударью, потому что нет того старого русла, о котором было столько слухов и существование которого подтвердил князь А. Бекович-Черкасский. Для проверки этого на месте Петр в мае 1718 г. вновь послал поручика А. Кожина вместе с другим поручиком флота, князем Василием Урусовым, к восточным берегам Каспийского моря [21, ч. 2, с. 387—391].

Незадолго до описанных событий, в 1715 г., отправленному посланником в Персию для заключения торгового договора подполковнику Артемию Вольпскому¹⁰ среди прочего было поручено разведать, «каким способом в тех краях купечество российских подданных размножить и нельзя ли чрез Персию учинить купечество в Индию» [см.: 13; 18, т. 6, с. 32; 49, кн. 3, с. 74—82].

Итак, 1718 год. Экспедиции И. Бухгольца, А. Бековича-Черкасского, А. Кожина закончились неудачами. Никаких практических результатов не получено. Водный путь в Индию по Амударье не найден. Таинственный и столь желанный Эркет не обнаружен.

Но поиски продолжаются.

«Сколь разумны чудеса натуры, дорогой брат мой Бертран! Сколь обильна сокровенность странств, то непостижимо даже самому благородному сердцу! Зришь ли ты, хотя бы умозрительно, местожительство своего брата в глубине азийского континента? Ведомо мне, что того ты не умопостигаешь. Ведомо мне, что твои взоры очарованы многошумной Европой и многолюдством родного моего Ньюкестля, где мореплавателей всегда изрядно и есть чем утешиться образованному взору.

Тем усерднее средоточится скорбь во мне по родине, тем явственней свербит во мне тоска пустынножительства».

А. П. Платонов. Епифанские шлюзы

«И потратил лучшие дни моей жизни и все мои усилия, стараясь, по лучшему разумению, посвятить их на службу... во всех тех поручениях, которые на меня возлагались...»

Джон Перри¹¹

В феврале 1716 г. в Россию приехал бухарский посол Хан-Кули-бек [21, ч. 2, с. 259—262].

Посольство это не было каким-то особенным, можно даже сказать, оно было вполне рядовым. Довольно часто и раньше из среднеазиатских ханств в Россию приезжали посольства¹², иногда даже без всяких видимых причин, а просто для того, чтобы засвидетельствовать почтение, «привезти привет» соседу. В ханских грамотах, доставлявшихся послами, содержались поздравления по поводу вступления на царство или рождения наследника, либо же хан извещал о своем вступлении на ханство, порой в грамотах просто были заключены весьма общие фразы о желании продолжать взаимную торговлю, обещание оказывать всякое содействие и покровительство русским купцам и т. п. Для доставки подобных грамот достаточно было бы гонца, но для большей официальности собирались «великие», громоздкие посольства. Такое «великое посольство» принимали по высшему классу, щедро одаривали хорошими подарками. И русское правительство иной раз справедливо считало, что ханские заботы о торговле — всего лишь предлог для прикрытия главной, сокровенной цели — получения дорогих подарков. Иногда ханы прямо заявляли о том, что именно они хотят получить, передавая через послов свои «любительные номинки», т. е. специальные списки. Не довольствуясь обычными русскими дарами, такими, как соболя, чернобурки, сукна, юфть и т. п., они просили еще что-нибудь особенное, «диковинное»: чаще всего кречетов, очень высоко ценившихся на Востоке, образцы современного огнестрельного оружия и др. [см. 15].

Посол Кули-бек¹³ и 62 (1) его спутника (среди них вся его семья — мать, жены, дети) прибыли с пожеланием мира и развития торговли, «для содержания любви и обязательства союза между нами», как писал хан Абул-Фейз¹⁴ в своей грамоте, с поздравлениями Петру I, одержавшему победы над шведами [3, 1718 г., д. 1, л. 23—24].

Петр I узнал о прибытии посольства, находясь за границей¹⁵, и немедленно послал сенату указ принять бухарского посла как можно лучше, оказать ему те же почести, что и послам европейских государств, и задержать его до своего возвращения в Россию: он хотел лично принять Кули-бека [21, ч. 2, с. 364—365]. Это свидетельствует о том большом значении, какое Петр I придавал визиту посла из Бухарского ханства.

Так как царя не было в столице, посольство на 120 подводках не спеша двинулось из Астрахани на Саратов и Москву. Только в июле 1717 г. оно прибыло в Петербург, где ему была оказана пышная встреча, а 20 октября Кули-бека торжественно, со всеми необходимыми церемониями, «подняв над ханской грамотой руку», принял Петр I [18, т. 6, с. 634; 21, ч. 2, с. 424—425].

Хан прислал подарки: шелк, парчу, лошадей, двух обезьян и двух барсов. Обезьяны и барсы умерли в пути, поэтому были привезены только «чучелы» (т. е. шкуры) несчастных животных [3, 1718 г., д. 1, л. 28—29об.]. Но главным подарком были 36 освобожденных русских пленников, приехавшие из Бухары вместе с послом [там же, л. 40об.]. В свою очередь, хан Абул-Фейз просил прислать ему девять кречетов, часы, ружья [3, 1719 г., д. 1, л. 83—85]. Далее следовала уже совсем необычная просьба: хан, узнав о славных победах русских над шведами и наслышавшись о храбрости этого северного народа, хотел бы, чтобы Петр прислал ему... девять шведок [15, с. 88]. В заключение посол объявил также о желании хана видеть у себя в Бухаре с ответным визитом русского посла — «разумного человека» [3, 1718 г., д. 1, л. 33—35]. Подобное приглашение, надо думать, очень понравилось Петру I и было очень кстати. Появилась новая, удобная возможность «официально», дипломатическим путем, а не силой оружия (ведь как раз в это время пришла весть о смерти А. Бековича-Черкасского) выяснить обстановку в Средней Азии, попытаться заключить с Бухарой союз, разведать, как можно расширить коммерцию через бухарские земли с другими странами Востока.

Аудиенция, данная царем Кули-беку, состоялась 20 октября 1717 г., а 18 марта 1718 г. посольство торжественно проводили в обратный путь [там же, л. 39, 44, 87об.].

Петра I, наверное, ободряло еще и то, что Бухарское ханство не поддерживало действий хивинцев по отношению к русским. Посол объявил, что хан осуждает убийство князя А. Бековича-Черкасского и его спутников. А. С. Пушкин: «Хан хивинский послал к хану бухарскому голову несчастного Бековича, хвалясь, что избавил себя и своего соседа от опасного врага. Бухарский

хан, пользуясь плодами его коварства, изъявил негодование и назвал Ширгази¹⁶ человекаядцем, чем угодил Петру, который через него думал возобновить свои предприятия и для того послал к нему Флорио Беневени, Иностранной коллегии секретаря» [39, с. 274; см. также: 18, т. 7, с. 65; 41, с. 32—33].

Именно этому посольству, а не другим, предыдущим и последующим, посвящается настоящий сборник, и, следовательно, о нем мы расскажем подробно.

Прежде всего — кто же такой Флорио Беневени? Среди документов Коллегии иностранных дел¹⁷ мы обнаружили «Челобитную об отпуске секретаря... Флорио Беневени на родину...» [2, д. 2396, л. 5—5об.]. Начало ее, говоря по-современному, — это автобиография Беневени. Она, к сожалению, очень краткая. Но она единственная.

Мы узнаём, что Флорио Беневени — рагузинец¹⁸, приехал в Россию в 1714 г., но на русской службе состоял уже давно. «В 1708-м году бывший в Константинополе полномочным послом граф Толстой принял меня в службу...»

Петр Андреевич Толстой¹⁹ был отправлен в Адрианополь и Стамбул в ноябре 1701 г. Всегда предпочитая для дела людей умных, ловких, Петр I сам выбрал этого талантливую, гибкого дипломата, человека образованного и «в уме зело острого», для отправки послом в очень важную для России страну — Османскую империю [см. 31, с. 19]. Начав войну со Швецией, русское правительство крайне нуждалось в мире со своими восточными соседями, и особенно с Портой, которую Швеция и другие европейские страны всячески толкали на обострение отношений с Россией. Можно представить, какого труда стоили русскому послу годы мира с Османской империей. Сложность заключалась и в том, что русское посольство, сами русские постоянно находились в атмосфере подозрительности, недоверия и враждебности со стороны султанского правительства. «На двор ко мне, — писал П. А. Толстой в апреле 1703 г. Ф. А. Головину²⁰, — ни одному человеку пройти невозможно, потому что отовсюду открыт и стоят янычары, будто для чести, а в самом деле для того, чтобы христиане ко мне не ходили. А у французского, английского и других послов янычары не стоят» [31, с. 20—21].

Вероятно, нуждаясь в надежных помощниках-толмачах, П. А. Толстой и принял Флорио Беневени, отлично знавшего персидский, турецкий, татарский и итальянский языки (последний в то время часто использовался на Востоке в дипломатических делах) [41, с. 33].

В России охотно брали на службу иностранцев²¹: страна нуждалась в опытных, «современных» моряках, военных, инженерах и др. «Милости и щедроты его... ежедневно распространяются на великое множество людей, которые из чужих стран поступают к нему на службу», — писал современник-иностранец о Петре I [34, с. 26]. Представители русского правительства в Стамбуле, городе, расположенном на двух материках, предпочи-

тали при необходимости пользоваться услугами «християн» — сербов, словенцев, хорватов, далматинцев и других славянских народов, а также греков. В них русское правительство всегда видело своих друзей и потенциальных союзников²². Можно вспомнить, например, Савву Рагузинского²³ или Луку Барку²⁴, которые немало сделали для русского посла в Порте [о них см.: 28; 30, а также: 10; 47, с. 238—243]. Вероятно, именно они познакомили Ф. Беневени с П. А. Толстым, или же это произошло при посредничестве жившего в Стамбуле деда Беневени — архиерея.

Флорио Беневени «служил переводчиком языков ориентальных и в тамошних делах посольских верно» и, можно предположить, более или менее спокойно до 1710 г. Каких-либо подробностей о его деятельности нам неизвестно. Очень важные дипломатические документы — статейные списки²⁵ и прочие дела посольства П. А. Толстого — не приводят, к сожалению, никаких сведений о Ф. Беневени. Его имя даже не упоминается в списке лиц, которым полагалось жалованье: «...от великого государя жалования годового ему, послу, и при нем служителям». Из этого небольшого списка (всего девять имен) мы можем, например, узнать, что переводчик посольства Петр Сафонов²⁶ имел 100 руб. годового жалованья [4; 1708 г., д. 3, л. 34; 1709 г., л. 2, л. 10—10об.]. Вероятно, существовал особый список для иностранцев на русской службе. Быть может, имя Ф. Беневени встретилось бы нам в документах следующих лет, но статейные списки обрываются на второй половине 1709 г.

20 ноября 1710 г. на торжественном заседании дивана было принято решение начать против России войну. А через неделю, 28 ноября, были арестованы П. А. Толстой и весь состав русского посольства. Архив посольства был захвачен и уничтожен, имущество разграблено [28, с. 16—17; 50, с. 31, 38]. «И с ним же, помянутым послом, заточен был в тюрьму, именуемую Едикулу» (или, как ее называли русские, Семибашенную крепость), Флорио Беневени.

«Когда турки посадили меня в заключение, — писал П. А. Толстой, — тогда дом мой, конечно, разграбили и вещи все растащили, малое нечто ко мне прислали в тюрьму, и то все перепорченное. А меня, приведши в Семибашенную фортецию, посадили прежде под башню в глубокую земляную темницу, зело мрачную и смрадную, из которой последним, что имел, избавился (освободился. — В. В.) и был заключен в одной малой избе — 17 месяцев. Из того числа лежал болен от нестерпимого страдания семь месяцев и не мог упросить, чтобы хотя однажды прислали ко мне доктора посмотреть меня, но без всякого призрения был оставлен. И что имел, и последнее — все иждивил (истратил. — В. В.), покупая тайно лекарство чрез многие руки. К тому же на всякий день угрожали мучением и пытками, спрашивая, кому министрам и сколько давал денег за содержание покоя» [31, с. 25].

В тяжелых условиях содержались в Семибашенном замке и другие члены посольства, а с ними и Флорио Беневени. Их пребывание в заключении, наверное, было даже более суровым: П. А. Толстой, как человек богатый, мог давать большие взятки, чтобы «избавиться» от чересчур жестокого обращения, к тому же он был главой посольства, не «рядовым».

«...Сидели полтора года», — писал Ф. Беневени. Их выпустили 5 апреля 1712 г. После освобождения П. А. Толстой направил канцлеру Г. И. Головкину²⁷ следующее прошение: «С кровавыми слезами, припадая мысленно к ногам вашим, молю: буди милостивый представитель всемилостивейшему нашему государю, чтоб умилосердился надо мною и повелел бы меня из сего преисподнего тартара свободить по десятилетнем моем страдании». Это слова «закаленного» за свою долгую политическую деятельность дипломата [31, с. 25]. Петр понял П. А. Толстого, разрешил ему вернуться в Россию, но... турки не отпустили.

Ф. Беневени: «...после прутской баталии, по приезде в Константинополь полномочных министров барона Шафирова и генерала-майора Шереметева²⁸, после освобождения нас из Едикулы, помянутый граф Толстой отдал меня к делам барону Шафирову, и служил я при нем за переводчика в тамошних делах со всякою верностию и радением, не щадя живота своего в опасных случаях, о чем вышепомянутые господа министры свидетельствовать могут, при котором (с Шафировым.—*В. В.*) паки сидел при жестоком заключении едикулной тюрьмы с полгода». И П. А. Толстой, и подканцлер П. П. Шафиров, и М. Б. Шереметев, сын фельдмаршала Б. П. Шереметева, и все остальные, в том числе Ф. Беневени, снова попали в тюрьму «в жестокое заключение», на этот раз на шесть месяцев как заложники выполнения Россией условий Прутского договора.

И снова: «Посадили нас в тюрьму едикульскую, в которой одна башня да две избы, — пишет П. А. Толстой, — и держат нас в такой крепости, что от вони и духу в несколько дней принуждены будем помереть» [31, с. 26]. П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев: «Помолитесь о нас, грешных!.. Мы чаем, что над нами, как над аманатами, поступит султан свирепо и велит нас казнить... Истинно, государь, вне ума от превеликой печали и смертного страха обретаемся...» [33, с. 330, 343—344].

Только в 1714 г., после 12 лет пребывания в Османской империи, П. А. Толстой возвратился в Россию²⁹. С ним приехал и Флорио Беневени. И если первому было радостно снова видеть родину, интересно, наверное, найти ее во многом другой (и вместе с тем грустно: он успел постареть — 69 лет), то второй впервые попал в государство, которому служил уже в течение шести лет. Впрочем, возможно, что Ф. Беневени получил отпуск и успел на короткое время съездить домой — в Рагузу. Об этом мы не знаем.

«В 1714 году, по возвращении вышепомянутых министров в Россию, також служил я... переводчиком в Ориентальной экспе-

диции в Коллегии иностранных дел», — пишет он сам. «В 1715-м году генваря в 1-й день по указу его императорского величества велено прибывшему из Константинополя в Санктпетербург с полномочными его величества министрами послами иноземцу Флорио Беневени, который при тех послах был в Турецкой земле за переводчика итальянского и турецкого языков, быть в посольской канцелярии в переводчиках. Годового окладу учинено ему 300 рублей да кормовых по 10 рублей на месяц. Итого в год 420 рублей» [2, д. 1120, л. 2].

Прошло еще около двух с половиной лет более или менее спокойной службы Беневени переводчиком. Службы, которую он сам считает не заслуживающей особого описания, рядовой. Но «в 1717-м году, когда вышепомянутый граф Толстой послан был для известной комиссии в Италию, тогда я был при нем даже до окончания той комиссии...»

Дело в том, что меньше чем за год до этого, в сентябре 1716 г., из Петербурга в Вену, ко двору Карла VI, бежал царевич Алексей Петрович. Петр I организовал его поиски. Русский резидент в Вене Абрам Веселовский и капитан гвардии Александр Румянцев напали на след беглеца. Царь, находившийся в поездке по Европе, летом 1717 г. в г. Спа поручил П. А. Толстому крайне трудную задачу — отправиться в Вену и привезти в Россию скрывавшегося у императора царевича [см.: 31, с. 28; 29, с. 247—256; 44, т. 17, с. 152—167; 46, т. 6, с. 111, 402].

Для подобного деликатного и важного (не только семейного, но и государственного) дела Петр I выбрал именно П. А. Толстого — известного дипломата, тонкого хитреца, «лису»³⁰. И вообще, отправь Петр другого человека, неизвестно, смог бы он столь умело вести переговоры с Венским двором и в конечном счете выманить Алексея, а нам не пришлось бы упоминать об «известной комиссии», потому что в ней не участвовал бы Флорио Беневени.

П. А. Толстой не забывает про старого «товарища по несчастью», держит его подле себя даже за границей, ценя его опыт и знания (хотя, конечно, главными для Ф. Беневени оставались его деятельность в качестве переводчика и служба в канцелярии П. А. Толстого).

26 июля 1717 г. П. А. Толстой и А. И. Румянцев (с ними вместе и Ф. Беневени) приезжают в Вену³¹. Но Алексей уже в Неаполе. 21 августа они направляются в Неаполь и 24 сентября прибывают в этот город. 26 и 28 сентября состоялись два свидания с царевичем. П. А. Толстой проявил все свое умение, весь свой дипломатический дар и гибкость, чтобы растопить «замерзлое упрямство». Он действовал уговорами, угрозами, лестью, подкупом и, по словам современника, «обманул царевича, выманил».

14 октября 1717 г. Алексей под неусыпным бдением П. А. Толстого выехал из Неаполя в Россию. Три с половиной месяца они следовали через Рим, Венецию, Берлин, Ригу и в конце ян-

варя 1718 г. въехали в Москву. За то, что П. А. Толстой привез царевича и весьма активно участвовал в следствии по его делу, он, как уже говорилось, получил большие награды и почести, а также поместья близ Переяславля. Другие, хотя и не главные участники «известной комиссии» тоже не остались без наград. Естественно, не таких высоких и щедрых. «И за оную мою службу,— пишет Ф. Беневени,— пожалован я тогда секретарем Ориентальной экспедиции». Из переводчика он стал секретарем. Это произошло в июне—июле 1718 г. Но ему даже не успели положить новое, более высокое жалованье.

Вспомним, что 20 октября 1717 г. (как раз в эти дни Алексей, П. А. Толстой и их спутники находились в самом начале пути в Россию) Петр I официально принимал бухарского посла и получил предложение послать в Бухару посланника — «разумного человека». И нет сомнения, что Петр не оставил без внимания, не забыл этого приглашения. Но воспользовался он им, может быть, из-за других важных и неотложных дел не сразу. 18 марта 1718 г. Кули-бек торжественно, с врученной ему царской грамотой к хану и презентами, выехал из столицы на Москву и далее на юг и восток — к себе в Бухарию³² [3, 1718 г., д. 1, л. 39, 44, 87об.]. Дорога была долгая, свита у посла — большая, и ехал он медленно. Только через три с лишним месяца, в конце июня, добрался он до Астрахани. И здесь принужден был задержаться дольше ожидаемого. Дело было в том, что из Петербурга гонец доставил срочную депешу астраханскому губернатору с приказом задержать бухарского посла под каким-либо предлогом до тех пор, пока в Астрахань не придет царский посланник в Бухарию. Ему и Кули-беку надлежало затем уже вместе продолжить путь.

Этим царским посланником был секретарь Ориентальной коллегии Флорио Беневени. «В 1718-м году отправлен я посланником к бухарскому хану».

Вероятно, в выборе для такого весьма важного дела именно Беневени сыграли роль соответствующие рекомендации П. П. Шафирова и П. А. Толстого, у которых, как мы знаем, Ф. Беневени работал долгие годы и на деловые качества и знания которого они могли положиться.

Указ о его отправлении был подписан 5 июля 1718 г. [1, 1725 г., д. 1]. То, что до этого дня с момента приглашения «разумного человека» прошло больше восьми месяцев, возможно, связано с первоначальной мыслью Петра I об отправлении в Бухару «великого посольства». А этого нельзя было сделать быстро. Требовались долгие сборы, подготовка — во всем необходимо было следовать букве дипломатических ритуалов и традиций. Но в последний момент царь изменил прежним планам и решил отправить не громоздкое «великое посольство», а «легкого» посла, или посланника. Тогда уже не требовалась большая подготовка, все сборы можно было провести за несколько недель. Петру показалось, что незачем откладывать важное дело,

тянуть с отправлением и что будет лучше, если его посланник и бухарский посол придут в Бухару одновременно и вместе. «Легкий» посланник сумеет догнать «тяжелого» бухарца в пути³³.

Действительно, сборы прошли быстро. Об их срочности свидетельствует, например, тот факт, что не все необходимое было подготовлено сразу и деловая переписка продолжалась и в дороге [3, 1718 г., д. 2, л. 35—38 об.].

В Москве Флорио Беневени была дана царская грамота к хану Бухары [там же, л. 9—9 об.], а также собраны подарки для хана, его матери, министров, фаворитов и др.— всего на 3 тыс. руб.³⁴; среди них «мягкой рухляди» (белок, лисиц, соболей) — на 1 тыс. руб. и на 2 тыс. других «разных вещей, которые тамо в почтении»: бобров, кож, сукон, фарфора, «оловянной посуды три пуда», одни «часы большие, боевые, с курантами за 245 рублей», множество «серебряных английских часов с репетицією» и много-много другого (перечень занимает в делах несколько листов³⁵) [3, 1718 г., д. 2, л. 2—3, 5 об.— 6, 34; 1, 1725 г., д. 1, л. 15—18 об.]. Из «особенных» вещей, как видим, были часы. Ф. Беневени были даны деньги «на тамошнее прожывание» — 3 тыс. руб.; в Астрахани он получил годовое «секретарское» жалованье на 1719 г.— 400 руб. [3, 1719 г., д. 1, л. 1; 1726 г., д. 1, л. 6 об.].

Посланнику был вручен еще один важный, секретный документ — инструкция (от 13 июля 1718 г.), или программа его деятельности в Бухаре, состоявшая из семи пунктов [3, 1718 г., д. 2, л. 14—17 об.] (она публикуется в настоящем сборнике в Приложении). По содержанию некоторых пунктов инструкции можно увидеть, что задачи экспедиции Ф. Беневени во многом сходятся с задачами его предшественников: главное — разведать о путях на Восток, водных и по суше, «как можно» расширить русскую торговлю, попытаться склонить среднеазиатского хана к военному союзу с Россией и предложить ему русских солдат в гвардию и узнать о золоте — где и сколько.

Таким образом, поездка Флорио Беневени — продолжение, составная часть предпринимаемых русским правительством дипломатических шагов в Средней Азии в первой трети XVIII в.

Такую программу, большую и обширную, конечно, нельзя было выполнить за несколько недель, месяцев или даже за год. Ф. Беневени, должно быть, представлял себе, что вернется из поездки довольно не скоро. Но он даже не мог предположить, каким долгим это путешествие окажется на самом деле. Не мог он не знать и о трагической судьбе А. Бековича-Черкасского и, надо думать, не строил иллюзий относительно своего положения на Востоке, «в глубине Азийского континента». А. Бекович-Черкасский: «Сказывают, ни один человек не бывал никогда в тех местах, где мне повелено ехать. Однако, буди воля творца всех, — принужден ехать!» [42, с. 3]. Так мог думать и Ф. Беневени. Однако он все же собрался в путь: отказаться от поездки

было нельзя, кроме того, его тянуло на Восток, который он хорошо знал и любил; не последнюю роль, вероятно, сыграли и определенные материальные выгоды: он мог захватить с собой товары для продажи в Бухаре.

Итак, в сентябре 1718 г. Флорио Беневени (с ним его толмач и курьер) выехал из Москвы и на стругах по Москве-реке и Волге двинулся к Астрахани [3, 1719 г., д. 1, л. 1об.—2, 87об.]. «Прибыл я сюда, в Астрахань, 13-го прошедшего ноября [1718 г.]. И то не водою, понеже за великим льдом принужден на Черном Яру струг свой покинуть и степью до сих мест сухим путем ехать. И я, сколько мог, трудился и поспешал путем, однако ж за худыми и противными погодками заранее поспеть не возмог... По приезду моему на первой день свидание имел с послом бухарским и довольно со оным о пути нашем переговорил».

В инструкции Ф. Беневени среди прочего было наказано: «С послом бывшим бухарским искати доброй дружбы и конфиденции, також и из людей его, чтоб войтить тем с ними в дружбу и чрез их бы получать там всякие ведомости». Как видим, в первый же день своего пребывания в Астрахани Флорио Беневени познакомился (или, если они уже были знакомы ранее,— возобновил знакомство) с бухарским послом (который, сам не ведая причин своего задержания, дожидаясь спутника на дальнейшую дорогу уже почти пять месяцев) и приступил, таким образом, к выполнению инструкции.

Они обсудили, какую дорогу к Бухаре выбрать. Можно было поехать через Хиву. Беневени не хотел рисковать и предлагал следовать через Персию: «Из-за учинившегося известного нещастья князя Черкасского ехать чрез Хиву до Бухары никоим образом невозможно». И Кули-бек ему «ответствовал и мнение свое открыл, что он [тоже] не весьма чрез Хиву ехать надежен, хотя б и от двора своего получил указ, а чрез Персиду ехать готов и по совету... поступать». Решили «согласно» ехать на Астрабад. Но, конечно, ни о каком выезде раньше весны нельзя было и помышлять.

Наступила зима, и появилась возможность закончить необходимые приготовления, которые в спешке не были сделаны. Ф. Беневени переписывается с Иностранной коллегией. Просит (в декабре 1718 г.) прислать ему официальную грамоту к персидскому шаху для проезда через Персию. Получает ее 15 апреля следующего, 1719 г.

Проходит весна, а сборы еще не закончены. 20 июня 1719 г. Ф. Беневени пишет о том, что «месяц и больше как наряжался я выезжать отселе, но помеха — вначале за суднами, которые от сего нового, на время, управителя³⁶ достать не могли», потом Кули-бек все никак не мог решить своих таможенных проблем (в Россию он привез свои товары, продал их и теперь что-то вез продавать из России в Бухару). Изменилось и первоначальное намерение: вместо Астрабада решили ехать к Шемахе, хотя это был и более долгий путь. Точные причины этого нам неизвестны,

узнаем лишь, что «понеже многие препятства и трудности явились».

24 июня 1719 г. Ф. Беневени и Хан-Кули-бек в сопровождении русского военного отряда (солдаты должны были проводить их до Низовой пристани³⁷, а потом на тех же судах возвратиться обратно) отплыли из Астрахани. И «4-го июля прибыл к персидскому берегу в Низовую, где получил я от сего шамахинского хана письмо одно, в котором всяким удобством и вспоможением ласкал нас. Со всем тем 20 дней продержал нас, пока подводы были присланы... А как сюда (в Шемаху.—В. В.) прибыли, против обещания нам учинено не было, но всякая противность показана... пропуску нам не отказывают... и ...время протягивают... лишняя мешкота меня и моего товарища посла в полное разорение приведет... До сих пор на свои деньги кормимся, а от сего хана, кроме квартиры, ничего не выдали». Это написано в октябре 1719 г. Май 1720 г.: «И ныне о том же доношу, что состояние мое толь к худшему идет, яко (так что.—В. В.) вне всякой моей надежды... и доныне в сем проклятом месте обретаемся, и чинятся нам великие протори (убытки, траты.—В. В.), а отправления себе нимало не видим». Действительно, Кули-бек пришел «в полное разорение». Вероятно, вспоминая великолепный прием, оказанный ему в России, он тоже пишет Петру I и просит заступиться за него перед шемахинцами — помочь с проездом [1, 1721 г., д. 2, л. 1—3]; не раз, наверное, писал он и своему хану, и из Бухары даже приезжал специальный посланник с поручением выручить его из беды. А Беневени пришлось, поддерживая «дружбу и конфиденцию», содержать Кули-бека на свой счет («посол бухарской непрестанно мне досаждаст и претендует явственно, чтоб я оного содержал и кормил»), хотя у него самого было немало проблем с финансами (ему приходилось брать в долг у купцов-иностранцев, торговавших в Шемахе)³⁸.

Дипломатическая служба всегда нелегка, но в те времена перед посланниками возникало особенно много подобных проблем.

Ошибался все же Ф. Беневени, когда в Астрахани в 1718 г. писал: «...и нам чрез Персиду всегда безопасно ехать мочно, разве от персиян не было б нам какой противности, что не чаю...»

Теперь, в 1720 г., он постоянно требует у шемахинских властей разрешения на дальнейший проезд и объяснения причин задержания. Но следуют отказы, а объяснения весьма расплывчаты. Из России тем временем приходит рескрипт (Ф. Беневени «не надлежит тамо задерживаться более» и если невозможно следовать через Персию, то «поехать из Шемахи ко двору нашему»), а вместе с указом — «от нашего государственного канцлера к шемахинскому хану письмо» с просьбой скорейшего пропуска русского посланника [1, 1720 г., д. 1, л. 34—35 об., 38—40 об.].

Задержание Флорио Беневени в Шемахе можно объяснить той запутанной обстановкой, которая сложилась во всей Персии ко времени его приезда. Страна находилась на грани развала, потери целостности и независимости из-за непрерывных междоусобиц, вторжения афганских племен и усиливающейся угрозы со стороны турок-османов³⁹.

Ф. Беневени, конечно, не повезло: он оказался в Иране в то время, когда там «началось быть возмущение, бунт и война». Но волей-неволей он стал свидетелем крайне важных событий: приезд турецкого посла Дурри-эфенди (Ф. Беневени был с ним знаком еще по Стамбулу, и ему удалось побеседовать с ним) и посла французского; столкновение протурецких и антитурецких настроений; междоусобная борьба; восстание подвластных Персии лезгин⁴⁰, взятие ими Шемахи и разграбление купцов (среди них и русских — факт, который впоследствии явился поводом для Персидского похода Петра I⁴¹). Да и сама задержка Ф. Беневени была не обыкновенным простоем, потерей времени: случались стычки, однажды даже перестрелка (когда был убит толмач), побеги. Обо всем, что Ф. Беневени видел, он подробно сообщал в Петербург, и сведения эти были важны для русского правительства накануне Персидского похода.

В середине августа 1720 г. Флорио Беневени и Кули-бек смогли выехать в Тегеран. Там им удалось получить у шаха разрешение на дальнейший проезд, и 25 мая 1721 г. они наконец двинулись к персидской границе.

В пути они находились уже два года. (Вспомним, что бухарский посол еще зимой 1716 г. прибыл в Россию, значит он «путешествовал» немногим более пяти лет.)

И вот 25 сентября 1721 г. путники въехали в пределы Бухарского ханства — в пограничный город Чарджоу. «И понеже оной посланник (Флорио Беневени. — В. В.) не с большою свитой отважненья свою показал и без конвою пришел в самые опасные времена, того для хану бухарскому и всем озбекам весьма удивительно было, и все генерально русской кураж и смелость похваляли...» Еще через пять недель, 3 ноября, «оной посланник имел свой въезд в город» Бухару.

С первых же дней пути, еще из Астрахани, Флорио Беневени начал выполнять те поручения, какие были определены ему в инструкции. «...И во всех... странах какие города... положения мест, какие большие и малые реки... какие фортеции... и то все он... по возможности... сам видел и присмотрел, а иное от других и чрез нарочные посылки верно разведывал и в мемории записал...» Такие записи велись в продолжение всего времени, «дабы [позже] о том генерально в журнале обстоятельно и подробно расположить и описать. Также в мемории... записано, сколько расстояния от места до места, от города до города, от владения до владения, от уезду до уезду... дабы со временем (ежели возможно будет) на особой карте со описанием все то, как сам видел и слышал, присовокупить и изобразить. Мемо-

рия... одного посланника имеется короткая на италианском языке...».

К сожалению, упомянутой в документе мемории на итальянском языке, а также какой-либо карты нам обнаружить не удалось⁴². Но очень много сведений Ф. Беневени сообщает в своих реляциях, отправляемых в Коллегию иностранных дел непосредственно с места событий, по ходу своей поездки. Важная информация и интересные подробности содержатся в таком любопытном документе, как «Краткой журнал посланника... Флориа Беневени, в Бухарах бывшего», составленный в традициях статейных списков.

В этих документах собраны данные, которые, безусловно, были интересны и важны правительству. Здесь оценка внутреннего положения среднеазиатских ханств; картина политической борьбы в них (в разгар ее и приехал Флориа Беневени); показываются полнейшая анархия в делах управления, совершенное падение престижа верховной власти и ее шаткость (как в Бухаре, так и в Хиве); говорится о постоянной вражде двух ханов по отношению друг к другу и к своим прочим соседям; рассказывается о том впечатлении, какое произвел на правительства ханств Персидский поход русской армии; приводятся сведения, касающиеся личностей самих ханов и их ближайшего окружения, нравов при дворах. В реляциях много места уделяется вопросам торговли. Но нам известно, что существовал и отдельный документ, посвященный этим проблемам. «Какие товары бухарские в своих областях имеют и куды оными торгуют, он, посланник, усмотрел и разведал, о чем особливую имеет роспись». Но, к сожалению, «роспись» в делах отсутствует.

«В столице Бухарах токмо видел оной посланник 14 полковых пушек, взятых у мунгалцов (здесь: подданных Великого Могола.— В. В.)... Притом — и другие две пушки большие: одна — медная, другая — чугунная... и понеже в дело не употреблены и валяются просто на земли без станков, да и человека не имеют, чтоб умел оными владеть... А в иных городах никакой артиллерии не имеется». Это уже касается военных сил Бухары. Об этом, а также о хивинском войске говорится много и довольно подробно.

«Хану бухарскому... за непостоянство его он, посланник, не посмел никакого числа воинских российских людей в гвардию... представить». По мнению Ф. Беневени, безвольный хан всецело находился под влиянием бухарской знати, которая была враждебно настроена по отношению к России. «Стали явно оные озбеки посланника клеветать и шпионом называть и самому хану не единократно внушали, чтоб приказал его, посланника, ограбить и убить али де в полон взять, следуя образцу, как хан хивинской учинил над князем Черкасским». За все время своего пребывания в Бухаре Ф. Беневени не смог встретиться с ханом Абул-Фейзом с глазу на глаз, наедине, без свидетелей, и обсудить наиболее деликатные проблемы. Например, такие, как

предложение хану русской гвардии и заключение военного союза. Говорить же о таких вещах в чьем-либо присутствии Флорио Беневени — совершенно справедливо — не решался. Можно предположить, что и сам хан был бы не против завести у себя «нейтральную иноземную» гвардию (несколько сот или тысячу казаков), на которую он мог бы всегда положиться и благодаря которой ему не были бы страшны «коварные» аристократы, «озбеки», и не менее коварный хивинский хан. Но он побавивался заводить об этом разговор, опасаясь все тех же аристократов. Его же недруги, догадываясь о возможных предложениях русского посла и желаниях хана, в буквальном смысле не теряли их из виду. «В 1722-м году в день тезоименитства... его императорского величества, к тому ж получа он, посланник, чрез посторонних известие, что мир с шведами заключен, для того он... чинил иллюминацию и потеху изрядную, и хан бухарской... приезжал инкогнито к нему... на двор с намерением, чтоб с ним видеться, и для того пришествия он, посланник, приготовил было нарочитой банкет. Однако ж и тут оного хана обретающиеся при нем ближние придворные два министра... [на] конфиденцию не допустили... А стоял он, хан, на оного посланника дворе даже до окончания той потехи».

Но все-таки Ф. Беневени приходит к выводу о невозможности заключения военного соглашения с Бухарой: «...а ежели б... та ханская и всего его двора и всех озбеков к тому (к заключению соглашения.— В. В.) склонность была совершенная, и то в дело поставить невозможно... [потому], что оной народ по природе весьма непостоянный и обманливый и что в первом часу говорит, на другой час от того запирается».

С таким «непостоянным и обманливым народом», т. е. с ханом и бухарской знатью, Ф. Беневени действует довольно гибко. Изучив ханских ближайших помощников, придворных, познакомившись с его родственниками, он сумел кого-то из них подкупить, кого-то уговорить и при случае пользуется их услугами: передает через них свои просьбы, пишет записки, назначает встречи. Так, особенно близко Ф. Беневени сошелся с фаворитом хана евнухом Ходжой-Улфетом, и тот несколько раз защищал посланника от нападков «озбеков» перед ханом.

Вернемся же к документам. Нет необходимости пересказывать все их содержание: публикации этих материалов, научное значение которых действительно трудно переоценить, и посвящен настоящий сборник. Но еще более 100 лет назад один из первых востоковедов, обратившихся к материалам Ф. Беневени, Н. И. Веселовский, совершенно верно отметил: «Из его донесений и дневника мы ясно видим тогдашнее положение описываемых им стран» [16, с. 178]. Излишним, наверное, будет пытаться улучшить подобную оценку.

Остановимся еще на тех известиях Ф. Беневени, которые казались важными для правительства вопросов — куда течет Амударья и есть ли в Средней Азии золото.

«Оная река Дарья идет из Индианской земли из гор от города Кабула мимо некоторых индианских городов и подошла под Балаксан, а из-под Бадаксана идет мимо некоторых городов и деревень бухарских и хивинских...» «Помянутая Аму река течение свое имеет в море Аральское, разстоянием от Хивы день езды, а в древних временах (как он, посланник, известился от тамошних) течение имела в Каспийское море...». Сообщая об истоках Амударьи, Ф. Беневени ошибался. Река Пяндж, продолжение которой именуется Амударьей, берет свое начало значительно северо-восточнее Кабула. Но все-таки эти указания в значительной мере уточняли имевшиеся до этого весьма смутные представления о течении реки. Безусловно, думать, что в то время первые же сведения об истоках реки, берущей начало в горной, почти недоступной местности, окажутся точными, было бы неправильно. Даже ныне иногда бывает трудно точно определить истоки некоторых рек земного шара.

И «по той же де реке есть золото», оно есть и «по Сыр реке, по берегам в песках... везде мочно золота сыскать. Но и в Индижане, и в Мергаламе зело довольно». Сообщая о золоте, Ф. Беневени, по словам В. В. Бартольда, «доставил несколько преувеличенные сведения» [8, с. 395]. В этой преувеличенности, возможно, сыграло роль то, что русский посланник не посещал те места, где, по слухам, могло добываться золото. Ему было опасно выезжать за пределы города, так как все государство было «охвачено смутой». И он не рисковал. «Он тамо посылал некоторых ухожан по узбекским юртам в округлость о разведывании руд, золотой и серебряной. И потом камердинера своего посылал в Балх и Бадаксан, и что он тамо видел и слышал, о том приказал ему... учинить реляцию на словах и посылал с ним [в Россию] образец купленного в этих местах золота». Только однажды Ф. Беневени самому удалось взять «пробу» «золотоносного» песка из Амударьи: «Когда из Хивы ехал... для пробы также вывез с собою тамошнего песку, который, видится, якобы походит на прежде отправленный с золотыми искрами песок от одного посланника из Бухар».

Вряд ли этот песок действительно содержал золото, и те «золотые искры» ему, неспециалисту, скорее всего только представлялись. Но можно предположить, как сильно ему хотелось, чтобы золото обнаружилось, хотелось «порадовать» тех, кто его послал.

Сообщая о золоте, Ф. Беневени, следовательно, ссылается только «на изустные» известия. А они, конечно, могли быть отнюдь не достоверными, и в них могли оказаться вплетенными многие и многие легенды. (Тем не менее сообщений о мифическом «Эржете» у Флоридо Беневени нет.)

Так, можно догадаться, чего стоят сведения упоминавшегося выше камердинера Николо Минера, рассказывавшего о том, что «от Бухар в трех днях, есть город Карсий, около которого в полях паходят всегда летним временем манну, наподобие сахару

леденцу малыми кусками, которая идет в лекарство в аптеки и оного де тамо зело много, так что употребляют вместо сахару в конфекты и вместо меду в иствы (яства.—В. В.) кладут и пьют с чаем». Конечно, это легенда, сказка. И манна — это всего лишь какая-нибудь восточная сладость, всегда диковинная для европейца⁴³. Но так хочется поверить в чудо, в «манну», собираемую «в полях»! И сейчас порой мы не сразу убеждаемся в неправдоподобности иных легенд и слухов, а эта манна «падала» в начале XVIII в., и притом на Востоке — сказочном уголке света. Кроме того, кому неизвестно о той манне небесной — чудесной пище, которую в продолжение 40 лет бог посылал ежедневно израильтянам в пустыне?! В это искренне верили.

Конечно, не следует думать, что Ф. Беневени привез одни лишь преувеличенные сведения. Просто при определении достоверности приводимых документов мы должны помнить о той эпохе, в какую они были написаны, и о том, что уже знали в России (и в Европе в целом) и что еще известно не было⁴⁴.

Свои реляции Флорио Беневени отправлял в Россию с гонцами. Среди них нам известны толмач грек Иван Дементьев, башкир мулла Максута Юнусов, камердинер итальянец Николо Минер. Непросто было благополучно добраться за тридцать земель по «диким степям» и пустыням, при подозрительности и явной недоброжелательности к пришельцам бухарцев, хивинцев, казахов, калмыков, туркменов, притом что «дороги весьма опасные и непроходимые» были и гонец «неоднократно смертию угрожен был».

Иван Дементьев под видом купца через Хиву повез в Россию донесение. Хивинскому хану стало известно, что Дементьев не «торговый человек», а гонец русского посланника в Бухаре. Неделя его самого и его спутников продержали в крепости, угрожая пытками. Однако ему удалось скрыть бумаги, которые он вез. Выбравшись из Хивы, он по дороге был ограблен каракалпаками, но письма опять-таки сохранил. Наконец, добравшись до Астрахани, он передал эти бумаги, превратившиеся уже в лохмотья, царским чиновникам (это было во время Персидского похода, и Петр находился в Астрахани) [1, 1722 г., д. 4, л. 1].

Итак, несмотря на все приключения гонца, реляция была доставлена довольно быстро, «всего» за три месяца. А ведь случилось, что письмо путешествовало полгода, год и даже больше.

Николо Минер в апреле 1724 г. привез в Москву реляцию, написанную в Бухаре в апреле 1723 г.

Подобным образом обстояло дело и с теми письмами, которые шли из Москвы и Петербурга к Ф. Беневени. В марте 1723 г. он просил у Коллегии иностранных дел разрешения покинуть Бухару: посланник считал свою миссию выполненной. Его письмо получили быстро (в ноябре того же года) и отвечали: «Повелеваем, чтоб тебе ехать из Бухары ко двору нашему немедленно, которым путем безопаснее и способнее ты усмотришь. А для ведома твоего... объявляется, что ныне в персиц-

ких краях войска наши обретаются... дабы ты... ежели способно тебе будет, на те места, где оные войска наши... проехать мог». Позже из Москвы было послано еще одно письмо, в котором спрашивалось: «Получил ли ты оные указы, о том мы известия не имеем» — и повторялось, что Ф. Беневени должен выезжать из Бухары желательно, для облегчения проезда, к месторасположению русских войск, находящихся в Персии [1, 1724 г., д. 1, л. 11—11об.; 1723 г., д. 1, л. 38—39об.]. Но и первое и второе послание из России Ф. Беневени получил только в 1725 г.

Некоторые донесения Ф. Беневени были написаны тайнописью — цифирью (каждая цифра обозначала определенную букву); они расшифровывались в Коллегии иностранных дел. Но, к сожалению, не все документы до нас дошли: Флорио Беневени «неоднократно в Бухарах при некоторых случаях со страху принужден был многие записки и реляции, касающиеся до тамошнего состояния, которые были на русском языке, жечь, дабы не сыскались».

«К тому же тамошние озбеки за причину князя Черкасского имели его, посланника, в великом подозрении». И, как нам уже известно, «самому хану... внушали, чтоб приказал его... ограбить и убить али де в полон взять...» Вполне понятны поэтому слова Ф. Беневени: «...чего ради я вне ума моего обретаюсь, не знаю, что делать, как бы от сего варварства освободиться. Везде страх, везде смерть признаваю». Он не мог выехать из Бухары, и, хотя имел прощальную аудиенцию у хана и получил от него грамоту к русскому царю, его «отпустили только на словах»: никакого конвоя не дали, сроки отъезда не объявили. У хана не было настоящей власти, и его «управительство» названо Ф. Беневени «без основания... ибо все хана... больше для фигуры токмо и слушаются». Хан, повторяем, зависел от бухарской знати, а она не желала сближения с Россией. Для начала хан должен был не отпускать русского посланника.

Обстоятельства этого «неотпуска» очень подробно описаны в журнале Ф. Беневени. Упомянем только, что он все-таки решился выехать из Бухары в Персию 16 февраля 1725 г., но в дороге чуть не был убит посланным из Бухары ему вдогонку отрядом туркмен и вынужден был вернуться назад.

«...Хивинской хан Ширгазы... (тот же, которой был во время князя Бековича), — сообщает Ф. Беневени, — писал ко мне неоднократно и секретно... призывая и увещевая, чтоб я ехал чрез Хиву и его земли... без всякого сумнения, и обещал мне свободной проезд с пристойною честью и с провожатыми до границ российских, не нанося никакого вреда и убытка... И поспе же я никою мерою не хотел верить лживым обещаниям и предательным словам Ширгазы хана, для того добрым способом всегда извинялся, что я не мог воспрять такой путь...» Хивинский хан, как видно, стремился всячески загладить свою вину перед Россией, боясь мщения за Бековича-Черкасского, и желал угодить — помочь русскому посланнику. Но, конечно,

трудно было решиться и «воспринять путь» через землю «злодея», где можно было и «погибнуть, как Бекович».

И все же в сложившейся ситуации в Бухаре, при все усиливающейся вражде к русскому посланнику со стороны знати и самого хана, после попытки убить его, Флорио Беневени решился на риск — ехать через Хиву.

8 апреля 1725 г. он тайно, никого не посвящая в свои планы, глубокой ночью бежал из Бухары на Хиву. Никто из бухарцев, конечно, не мог ожидать, что он отважится на это, и никто его не поджидал на дорогах, ведущих в соседнее ханство. Побег удался. 19 апреля он въехал в Хиву.

В журнале подробно описаны его пребывание в этом ханстве, встречи и беседы с ханом, его ближайшим окружением, дается оценка настроений хивинского правительства, обстановка в ханстве.

Ф. Беневени действительно не тронули (хану не нужно было этого) и даже дали с собой подарки. А Ширгазы направил в Россию вместе с русским посланником своего посла для примирения. В начале августа 1725 г. они выехали из Хивы. После «поспешания денного и ночного», «понеже дороги небезопасны были», быстро, «а именно в 23 дни, из Хивы к Яику, к Гурьеву городку, 30-го августа прибыл... где принужден был 8 дней отдохнуть». В сентябре Флорио Беневени приехал в Астрахань.

Вместе с ним возвратились 92 русских пленника (среди них двое драгун из отряда А. Бековича-Черкасского), которых Ф. Беневени выкупил из неволи. Он привез из Бухары грамоту, написанную по-персидски золотом и с ханской печатью, к русскому царю Петру I (самого царя уже восемь месяцев не было в живых) [1, 1725 г., д. 1, л. 4, 6]. Персидский шах и оба хана передали с Ф. Беневени свои подарки (всего, как потом точно подсчитали казначеи, на 7461 руб.). От бухарского хана среди прочего были посланы два барса и четырнадцать отличных иноходцев, «но из-за безводицы те лошади все пали, токмо из оных восемь или девять в живых остались» [1, 1726 г., д. 4; 2, д. 2396, л. 14].

«Езда оногo посланника продолжалась 7 лет и три месяца...» Вспомним также, что подобное путешествие бухарца Хан-Кулибека продолжалось более 5 лет, «срочная» миссия Артемия Вольнского в Персию — 3,5 года, посольство П. А. Толстого в Порте — почти 14 лет, служба англичанина инженера Джона Перри в России — 17 лет.

Семь лет в чужих, незнакомых местах, в «тридевяти царстве», среди недругов, без близких, один...

А русскому правительству того времени и ученым последующих лет столь долгая поездка могла показаться даже замечательной в том смысле, что у посланника была возможность за много лет собрать более точные и ценные сведения о тех странах, где он был. Если же подсчитать все годы русской службы Флорио Беневени (его пребывание в Стамбуле, Петербурге,

поездки в Вену и Неаполь, миссию в Среднюю Азию), получится 18 лет. В человеческой жизни — это большой срок. Но эти 18 лет, как и сам век одного человека, — мгновение в жизни целого государства.

21 сентября 1725 г. Ф. Беневени отправил из Астрахани письмо на имя императрицы Екатерины с просьбой, чтобы он «налегке по почтам ко двору... немедленно отправлен был». Это письмо императрица получила через месяц, и соответствующие распоряжения были отданы, вероятно, немедленно: всего через два с небольшим месяца, в начале декабря, Ф. Беневени приехал в Москву.

По указу полицейской канцелярии для него была определена квартира, «а именно двор куриера Коллегии иностранных дел Мануйла Дмитриева, которого двор имсется в Басманной слободе в приходе церкви Никиты Христова Мученика». В эту квартиру Ф. Беневени вселился 21 января 1726 г. [2, д. 1089, л. 5—5об., 7]. Но еще раньше, 3 января, он подал в Коллегию челобитную об отпуске его на полгода на родину, в Рагузу (этот документ, а точнее, один из его списков от 26 февраля, начинающийся кратким жизнеописанием Ф. Беневени, мы уже упоминали).

«И будучи в таком дальнем разстоянии от отечества моего Рагузы,— пишет он,— лишился отца и матери моих. К тому же поне получил известие, что в оной же Рагузе не стало и деда моего, который прежде сего был архиереем в Константинополе... И понеже из фамилии имеюся старшим наследником я, нижеименованный... и братья мои и протчие родственники наши после смерти родителей наших в несоюзе обретаются и дом и протчее разоряется. И оные братья мои требуют моего присутствия на время, чтоб дом наш осмотреть и их вспомнить, а при том бы мне предуспеть в завладении хотя и небольшого наследства, которое имеется после деда моего смерти» [2, д. 1120, л. 1—1об.].

«...Братья мои требуют моего присутствия... чтоб дом наш осмотреть и их вспомнить...» Сколько событий произошло без него за долгие 18 лет в «милой сердцу» Рагузе!

Однако прежде чем уехать на родину, Ф. Беневени просит у казны денег для оплаты долгов и «на расплату заслуженного служителям, при нем страдавшим». Требуется и «причитающихся... денег за прошлые годы», напоминая, что порученную ему «комиссию нужнейшую по возможности исправил, по «возвратился в крайней скудости». Следует огромная переписка, связанная с денежными расчетами (несколько дел) [1, 1726 г., д. 1—14; 2, д. 1120, л. 2—8об. и др.].

Ф. Беневени пишет в Коллегию иностранных дел, которая ходатайствует перед Верховным тайным советом. Далее челобитные обращены к Екатерине, Петру II. Поступают ответы. Все считают, пересчитывают.

Первоначально он просит выплатить ему 2660 руб. Но Верховный тайный совет отвечает, что «ему, секретарю Флорию, за

долговременное тамо житие дать в награждение 2000 рублей, а за сею выдачею секретарского оклада выдавать ему уже не надлежит, понеже в сей... сумме [заклучен и оклад]... И тамо он от ханов кормовых и подарков и от купцов под образом займу получил великое число...»

Ф. Беневени объясняет, что одолжил очень много денег у разных купцов в разных городах (как посчитали — на 18 639 руб.), но оплату этого долга он отнесит на счет казны, так как одалживал на нужды посольства, т. е. на казенные нужды. Правительство соглашается заплатить все долги, но в то же время напоминает Беневени, что от поездки он имел и личную выгоду: сумел продать свои товары на большую сумму, кроме того, лично ему были сделаны подарки от бухарского и хивинского ханов. Снова следуют подсчеты. В них фигурируют такие удивительные цифры, как, например, 10 001 руб. В итоге Ф. Беневени соглашается принять 2 тыс., которые ему предлагали сначала. Но от Верховного тайного совета приходит указ выдать только 1 тыс. руб. Дело передается на рассмотрение императору Петру II⁴⁵. (Даже П. А. Толстой, инициатор создания Верховного тайного совета и один из шести его членов, не идет навстречу своему давнему сотруднику.)

Все же первоначальные 2 тыс. руб. Ф. Беневени были выплачены, и все, кто помогал ему в его поездке, были вознаграждены сполна.

Это тянулось два года.

Наконец 18 декабря 1727 г. был дан указ: «Секретарь Флори Беневени отпущен во отечество, и ему дан пашпорт», а также «подводы по его рангу» и поверстные деньги [2, д. 1120, л. 7об., 12].

Мы не знаем точной даты отъезда Ф. Беневени на родину. Не знаем, возвратился ли он потом снова в Россию (ведь он просился в Рагузу только на полгода). Его следы теряются в декабре 1727 г. Нам удалось восстановить лишь историю тех почти 20 лет его жизни, которые были связаны со службой России⁴⁶.

III

В то время, когда Флорио Беневени находился еще только по дороге к Бухарскому ханству, в Сибирь «для розыска» о злоупотреблениях князя Матвея Гагарина был послан гвардии майор И. М. Лихарев. Среди множества данных ему поручений было и такое: «Трудиться всеми мерами разузнать о золоте еркецом (эркетском. — В. В.), подлинно ли оно есть, и от кого Гагарин узнал, тех людей отыскать, также и других знающих людей, и ехать с ними до тех крепостей, где посажены наши люди... потом проведывать о пути к Эркети, как далеко и возможно ли дойти?» [32, с. 182—209; 44, т. 16, с. 496].

Как видим — очередная попытка (после И. Бухгольца) разузнать о золоте «с сибирской стороны». В 1719 г. И. М. Лихарев с небольшим отрядом (440 человек) дошел до оз. Зайсан и даже проплыл оттуда еще некоторое расстояние по Черному Иртышу. Но Эркета не достиг и не смог отыскать тех людей, которые первые поведали М. П. Гагарину о том городе [8, с. 397] ⁴⁷.

В 1722—1724 гг. от Тобольска по Иртышу совершил поездку капитан Иван Унковский, в частности тоже проверяя слухи об эркетском золоте [37а; 25, с. 120—121].

Ряд предприятий, вызванных слухами об Эркете, завершился уже после смерти Петра I посольством к калмыкам в 1732—1733 гг. плац-майора Угримова. Ему удалось наконец выяснить вопрос о загадочных золотых россыпях. Оказалось, что золото добывалось в Восточном Туркестане (Синьцзяне), причем не у Яркенда (который неправильно называли Эркет), а у г. Керии. С тех пор как было определено точное географическое положение этих приисков, идеи о военном походе с целью завладения ими более не возникало [8, с. 398—399; 11, с. 105—106; 37а, с. 233—237].

Мысль же об открытии новых торговых путей в Индию не покидала Петра I до самой его смерти. Он верил в возможность добраться туда, причем и по воде, и по суше через Среднюю Азию.

В 1722 г., во время Персидского похода, произошел довольно любопытный, во многом показательный разговор Петра с капитан-лейтенантом Ф. И. Соймоновым ⁴⁸. «„Голландцы и прочие в купеческом их мореплавании, обходя кап Бона-Эксперанпа, идучи в Восточную Индию, как труды, так и продолжительное время... претерпевают,— сказал Ф. И. Соймонов.— А как вашему величеству известно, сибирские восточные места, и особенно Камчатка, от всех тех мест и Японских, Филиппинских островов до самой Америки... не в дальном расстоянии найтиется может, и потому много б способнее и безубыточнее российским мореплавателям до тех мест доходить возможно было против того, сколько ныне европейцы почти целые полкруга обходить принуждены“. „Слушай, я то все знаю... да то далеко“,— ответил Петр I и спросил: „Был ты в Астрабатском заливе? Знаешь ли, что от Астрабата до Балха и до Водокшана и на верблюдах только 12 дней ходу? А там во всей Бухарии средина всех восточных коммерций. И видишь ты горы? Ведь и берег подле оных до самого Астрабата простирается. И тому пути никто помешать не может“» [43, с. 552—553].

Есть также известие о том, что в 1722 г. Петр I встречался в Астрахани с находившимся там московским купцом Андреем Семеновым (тем самым, который почти 28 лет назад побывал в Индии вместе с С. Маленьким). Петр еще раз, уже лично, расспрашивал его о давнем путешествии, о тех путях, какими он следовал в Индию [41, с. 292]. А. С. Пушкин: «Петр сверх города при Куре думал завести еще пристань в Зинзилинском зали-

ве для Гиляни, другую — для складки товаров, третью в Астрабаде для торгов с Хоразанью, Бухарой, Самаркандом и *Индией*. Он приказал их и строить, а между тем отправил... к индейскому моголу в Бенгалию вице-адмирала Вильстера, капитана Мяснова и капитан-поручика Кошелева на трех фрегатах... Велено было им заехать и в Мадагаскар и предложить *королю* наше покровительство» [39, с. 310].

Вольтер: «Давно уже пираты разных наций... разбойничали на морях Европы и Америки; всюду беспощадно преследуемые, они удалились на берега острова Мадагаскар. Это были отчаянные люди... которым не хватало только чести для того, чтобы считаться героическими. Они искали государя, который бы принял их под свое покровительство. Как только стало известно, что Карл XII вернулся в Швецию, они возымили надежду, что этот государь, терпя недостаток во флоте и в солдатах, окажет им благосклонный прием» [17, с. 154—155].

Петр, как победитель шведов, считал себя сильнейшим, и, следовательно, это он, а не шведский король, должен предоставить протекторат «хозяевам южных морей». Заманчивым казалось приобрести могущественные армады, наводившие ужас на многие флотилии мира⁴⁹. Мадагаскар мог стать опорным пунктом на пути русских кораблей в Индию.

В декабре 1723 г. были снаряжены два фрегата под командованием вице-адмирала Даниеля Вильстера. Им надлежало тайно, без флага, без всяких морских церемоний, не заходя в попутные порты, следовать старым (но еще неизвестным русским морякам) морским путем вокруг Африки к Мадагаскару, а оттуда дальше, к главной цели — к Индии, в Бенгалию. В инструкции Д. Вильстеру поручалось склонить Великого Могола к торговле с Россией, разведать, какие товары могли бы выгодно продаваться в Индии, привезти оттуда для пробы кое-какой товар в Россию.

Ввиду того что экспедиция собиралась в спешке и не была подготовлена как следует, вскоре после выхода в море она была прервана, а в январе 1724 г. корабли возвратились назад. Новое ее отправление отложили на неопределенный срок (не только из-за необходимости специальных, более тщательных сборов для плавания в южных морях, но и из-за того, что в начале 1724 г. русскому правительству стало известно действительное положение пиратов Мадагаскара, у которых бесполезно было искать какую-либо поддержку и помощь в установлении прочного торгового пути в Индию [14, с. 281—283; 18, т. 8, с. 434, т. 9, с. 301—303, т. 10, с. 370—382; 19; 21, с. 91—102].

Петровская эпоха — удивительнейшая и, по словам А. С. Пушкина, «ужасная пора», частица всей предыдущей и последующей всемирной истории, ее звено. В истории этой эпохи есть множество интересных страниц, связанных с Востоком, как изученных, так и пока еще не исследованных. Наш сборник рассказывает лишь об одной, весьма маленькой, хотя в то же

время и весьма важной странице — поездке в восточные страны русского посланника Флорио Беневени. В нашем введении мы посчитали необходимым упомянуть (к сожалению, кратко и сжато) и некоторые другие, наиболее значительные моменты рассматриваемого периода, чтобы показать читателю исторический контекст, в котором проходила миссия нашего героя. В заключение отметим, что представленные документы частично были опубликованы в 1853 г. А. Н. Поповым в качестве приложения к его статье «Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом» [37]. Но, учитывая научную важность документов, а также то, что работа А. Н. Попова вышла давно и ограниченным тиражом, было решено осуществить новое их издание. В дополнение к уже известным материалам публикуются еще шесть писем и реляций, а также такой важный документ, как «Краткой журнал посланника...», составленный в традициях старинных русских дипломатических документов.

В предыдущей публикации (А. Н. Попова) «Краткой журнал текущего 1725-го году...» был приведен в итальянском оригинале. Мы помещаем его русский перевод, выполненный сразу же по возвращении Ф. Беневени из поездки П. Сафоновым — переводчиком Коллегии иностранных дел. Текст этого перевода может считаться одним из образцов русского делового языка петровского времени и (как, собственно, и тексты всех документов) приобретает, таким образом, дополнительную ценность. Перевод сверен нами со списком итальянского оригинала. Тексты всех помещенных в сборник материалов приводятся по спискам, хранящимся в ЦГАДА и АВПр. (Некоторые реляции сверены Н. В. Котрелевым.) Документы, касающиеся личности Ф. Беневени, обстоятельств его отправления в Бухару и возвращения в Россию, использованные в предисловии, были до сих пор неизвестны и впервые вводятся в научный оборот. Несколько частных замечаний. Во время своего путешествия Ф. Беневени фактически очень мало соприкасался с *народом*, т. е. с простыми людьми тех стран, где ему приходилось бывать. Общался же он преимущественно с ограниченным кругом придворных и представителей феодальной знати, где царил — и это свойственно не только Востоку — дух интриг, завистничества, обмана, лжи и подкупа, проявлявшийся иной раз довольно откровенно и ярко (читатель узнает из текста хотя бы рассказ Ф. Беневени о том, как грубо вымогал у него подарки ханский фаворит в Хиве). Атмосфера торгашества и наживы была характерна в среде купцов, менял и ростовщиков, с которыми Ф. Беневени также приходилось часто сталкиваться. Отсюда, к сожалению, явно ложные выводы и неправомерные характеристики народов, населяющих ханства. Конечно же, в действительности подобные оценки, содержащие негативные дефиниции («обман», «ложь», «коварство» и т. п.) общенационального характера, совершенно необоснованны.

В. Г. Воловников

**«И ВРУЧЕННУЮ МНЕ КОМИССИЮ НУЖНЕЙШУЮ
ПО ВОЗМОЖНОСТИ ИСПРАВИЛ...»**

(Письма, реляции, журналы Флорио Беневени)

**Письмо из Астрахани
от 13 декабря 1718 года
в Коллегию иностранных дел
Г. И. Головкину и П. П. Шафирову¹**

Милостивейшии государи мои, граф Гаврило Иванович и барон Петр Павлович.

Нижайше вам, государям, доношу, что я прибыл сюда в Астрахань 13-го прошедшего ноября. И то не водою, понеже за великим льдом принужден на Черном Яру струг свой покинуть и степью до сих мест сухим путем ехать. И я, сколько мог, трудился и поспешал путем, однако ж за худыми и противными погодками заранее поспеть не возмог. А на том Господа Бога благодарю, что меня оной по милости своей в таком нужном пути препроводил и от смерти, почитай, избавил, как податель сего вам изустно донести может.

По приезде моему на первой день свидание имел с послом бухарским и довольно со оным о пути нашем переговорил, и сперва оной стал мне представлять, что и чрез Хиву не худо бы ехать, ежели б на то указ от своего двора (до которого сказует, будто с нарочным писал и ответ ожидает) получил. На что я оному бухарскому послу ответствовал: «Хотя бы такой указ от своего хана оной получил, я бы без вашего указа не отважился бы ехать». Потому советовал я ему, чтоб нам ехать чрез Персиду на Шемаху или на Астрабат до пограничного города Мечети, а оттуда, ежели нам в пути какое-нибудь препятствие будет от неприятелей, как ноне слышно (что из Мечети до бухарской границы, а именно до Чарджова, от жестоких набегов хивинских и озбекских проехать невозможно), нам легко будет с бухарским двором описаться (списаться.— В. В.). И для оберегательства нашего вспоможение требовать, однако ж надежду имею, что в нынешний случай хивинцы, с погрешения своего опасаяся гнева государева, будут в своих землях качать (кочевать — В. В.) и оные оберегать, а в чужие далеко не заезживать, и нам чрез Персиду всегда безопасно ехать мочно, разве от персиян не было б нам какой противности, что не чаю. На что помянутой бухарской посол мне ответствовал и мнение свое открыл, что он не весьма чрез Хиву ехать надежен, хотя б и от

двора своего получил указ, а чрез Персиду ехать готов и по моему совету поступать. Того ради положили согласно чрез Персиду ехать, а именно отсель на Астрабат, а не на Шемаху, для того что от Шемахи до Мечета сухим путем больше трех месяцев езды и окроме несносного иждивения в такой дальней дороге весною самая трудная езда была. А в прочем, как вы, государи, поволите, так буду поступать.

Опасаясь мы, чтоб в Астрабате обоз и нас не задержали и тамошних подозрения и, не описавшись с двором шаховым, не пропустили нас за границу. По прошению вышеломянутого посла бухарского, которой особливо к вам, государям, пишет, сего моего человека отправил с прошением, чтоб вы по милости своей исходатайствовали нам вкупе от лица его царского величества грамоту к шаху персицкому [Хосейну] или вы от вашего лица поволите к хану шемахинскому написать с прошением, чтоб меня и посла бухарского чрез их землю препроводить без задержания и всякос б приятство нам показывать, и прочая. А я тую грамоту, как скорее получу здесь, с нарочным курьером отселе в Шемаху и пошлю от себя. Или велите здешнему обер коменданту, чтоб он особливо писал к хану шемахинскому и просил, чтоб тот хан послал указ в Астрабат о нас, чтоб нам от тамошнего хана какого задержания не было, понеже мы, как скорее лед пройдет, прямо туда поедем.

Бухарской посол просит вас, государей, едино капральство солдат нам в конвой. И просил меня, чтоб я также о том вам прошение учинил. И вы, государи, о том как поволите, чтобы вам в том противности не было². Тот же бухарской посол просит часового мастера, которой вельми нужен, понеже часы, которые к хану посылаются, отчасти попортились. А здесь такова человека нет, чтоб направить. Я, когда на Москве был, искал такова мастера и сыскал было шведа одного и с ним договор учинил, а потом оной не похотел, сказывая, что миру ожидает. В Санкт-Петербурке есть такой часовой мастер, прусак, которой дело свое хорошо знает. Естли его мочно достать, поволите приказать его сыскать и поговорить. Ему, ежели склонится, с сим моим человеком поволите отправить к нам в Астрахань. А ежели оного сыскать не мочно, то б поволели приказать сыскать иного, которой бы мог те часы починить, и потому ж прислать сюда, а без починки те часы послу бухарскому везти напрасно.

Писал к вам, государям, с Москвы о недаче мне на Москве из верхней аптеки лекаря и лекарств без особенного указа господина архиатера³ Арешкина, и что принужден был я лекаря на свои деньги нанимать и лекарства покупать, а именно купил на 60 рублей лекарств, а с лекарем договор учинил по сту по пятьдесят рублей в год давать жалованья. И во отдалении моем чтоб чрез такие лишние утраты в деньгах мне скудости никакой не было. Ноне паки прошу вас, государей, не токмо о выдаче годового жалованья помянутого лекаря и издержанных деньгах

на покупку лекарств, но и моего жалованья наперед за будущей год против моей братьей (т. е. как и другим секретарям.— В. В.).

Велено мне с Москвы взять куриера, которому на дорогу не определено на проезд денег и не дано, и оной затем и не поехал. Прошу, дабы изволили определить и послать ко мне с Москвы куриера или поволите определить которой ноне при мне обретается, Константина Дмитриева брат—Мануйло, которой в такое дело годен. А в Астрахани мне по вашему указу дано три человека в куриеры. Из которых я одного выкинул, а на его место другого взял в толмачи бухарского языка, также русского человека, которой был в полону в Бухарах и служил в воротниках (страже.— В. В.) при дворе умершего хана, а от нынешнего на волю отпущен (чаю, вам, государям, известно), понеже с бухарским послом ездил отсюда в Санкт-Петербурх, и паки вновь сюда прислан, чтоб здесь ему в толмачах быть, и ему б жалованье определено было, однако ж ничего до сих мест не сделано. А ежели и делается—самое нищее жалованье определяют, которым и прокормиться нечем будет по его состоянию, прошу вас, государей, поволить приказать оному толмачу для такой дальней дороги жалованье по надлежащему разсуждению определить, дабы из охоты и из доброго сердца служил, а сей человек искусный и ведает тамошнее при дворе поведение. И немала польза мне будет. А про куриеров выписал пример, сколько дано оным куриерам, которые были при покойном князе Бековиче. И явилось, что дано только по десяти рублей на человека. Изволите разсудить, мочно ли в такой дальней дороге одному человеку десятью рублями пробыть и с какою охотою служить будет, а на годовое жалованье и смотреть нечего. И помянутые двои куриеры, из которых один дворянин, а другой от татарской породы христианин же, со слезами просили у меня, чтоб я об них заступился. И вы, государи, о том как поволите, а я как толмача, так и помянутых куриеров милостию вашей обнадежил и велел им потерпеть до времени, для того что ни одному из них ехать не хочется.

При сем яз остаюся

ваш, милостивейших государей, низжайший
и всепокорнейший слуга Флори Беневени.

Из Астрахани 13-го декабря 1718-го.

[3, 1718 г., д. 2, л. 35—38 об.]

Реляция из Астрахани от 20 июня 1719 года Петру I

Всемиловитвейший государь.

Указы от Вашего Величества от 17-го февраля месяца и резолюцию по доношению моему чрез посланного от меня человека прошедшего апреля 15-го числа исправно получил. При том

же — грамоту Вашу к персичкому шаху и письмо государственного канцлера к хивинскому хану. Которую грамоту и письмо с нарочитым от меня отправленным куриером к шемахинскому хану, дабы по желанию Вашего Величества и по прошению государственного канцлера мне и бухарскому послу в пути нашем удобное вспоможенне учинено было, наперед послать не оставил.

По прошению моему требованные деньги на лекарства, курсиров и толмача, також жалованье мое на нынешний год, всего восемь сот десять рублей, в целости получил.

Намерен был я прежде сего вместе с бухарским послом к Астрабату путь воспринять, но понеже многие препятства и трудности явились, паки на Шамаху, как о том чрез посланного от меня куриера в письме моем к шамахинскому хану объявил, ехать положили.

Месяц и больше как наряжался я выезжать отселе, но помеха — вначале за суднами, которые от сего нового, на время, управителя достать не могли, объявляя он нам указ от вице губернатора казанского, чтоб, кроме купечества, на тялки⁴ никого не сажать. А, кроме тялок, иных суден не было в готовности, и затем лишнюю помеху до сего времени имел. К тому же помешательство от бухарского посла, которой ехать не хотел и день от дни время продолжал, объявляя, что затем и ехать не хочет, что из таможни взятые пошлинные деньги четырехста рублей ему не выданы. А вице губернатор казанской хотя и указ Ваш получил, чтоб оному послу те деньги выдал, однако ж оной вице губернатор весьма в том отказал⁵. Да и для того, что будто ожидает дядю своего из Казани и с ним хотел видеться. А он по се время не бывал. Я вначале, опасаясь гневу Вашего и чтоб чрез столь лишнюю мешкоту в великое не прити разорение, нарочно судно свое, на котором багаж мой покладен, отпустил к устьям, а сам остался здесь его к пути понуждать. И надеюсь, что отселе три или четыре дни спустя совсем отправимся, понеже оной мне такое слово дал.

По указу Вашему отсель, из Астрахани, капральство солдат с нами определяется. И я оное, когда в Низовую пристань прибудем, на тех же судах назад паки отправлю.

Вашего Величества всемилостивейшего
государя нижайший и вселокорнейший
раб Флори Беневсни.

Из Астрахани 20-го июня 1719-го года.

Получено в Санкт-Петербурге ноября 5-го дня 1719-го.

[3, 1719 г., д. 1, л. 29—30 об.]

**Реляция из Шемахи
от 1 октября 1719 года Петру I**

Всемилолюбивейший царь государь.

Вспокорно доношу Вашему Величеству, что я вместе с бухарским послом 4-го июля прибыл к персическому берегу в Низовую, где получил я от сего шамахинского хана письмо одно, в котором всяким удобством и вспоможением ласкал нас. Со всем тем 20 дней продержал нас, пока подводы были присланы к нам. А как сюда прибыли, против обещания нам учинено не было, но всякая противность показана. Вначале 22 дни вне города нас продержали. А как они, принявши с некоторою ласкою, до сего числа удерживают нас, пропуску нам не отказывают, но манными словами, будто от сего шаха об нас указ не получили, и отпуску время протягивают.

По сведому моему, существо дело сие есть: как чюлфяне армяне⁶ с первыми судами прибыли, весьма Величество Ваше обнесли сему хану, а именно что Вы имсете войну жестокою с царем и с другими потентами. Грамоты Ваши и рекомендации почитать не стали, и для того сей хан в своей к нам ласке вдруг перемену показал, пока другие наши судна прибыли в Низовую, и полутче осведомился российский постоянного. А меж тем капитан поручик фон Венден проходом появился в Низовой, от которого маленько устрашились. И вместо трех кораблей 20 почли. А меня спрашивали, за каким делом оной по сему Каспийскому морю так многочисленно вооруженно гуляет, на что я им удобной ответ отдал. Потом получил я ведомость из Астрахани, что Ваше Величество весной некоторую викторию получили и великие приуготовления против неприятеля чинятся, чего ради сей хан полутче нас стал почитать и ласково принимать. Однако ж не без заговорки спрашивая меня: за каким делом послан я к бухарскому хану, и его посол давно ли к Вашему Величеству из Бухарии приехал, за каким делом? И для чего назад тою дорогою не возвратился оной посол? А наипаче объявлять стал мне, что отчасти узбецки народ неприятелями является шахову величеству⁷. И осведомился я от посторонних людей, что хан меж своими переговаривал, понеже Ваше Величество в начале войны с шведом шахова величества посла чрез свои земли к шведскому королю пропустить не изволили, что также не надлежало бы и нас чрез шаховы области пропускать. Сие мне не имянно объявлено, но мнение их было такое. А что надлежит до присылки бухарского хана посла и моей посылки ко оному хану, надлежащей ответ подать [мне следует].

От шахова величества до сих не один курьер прибыл сюда, однако же нам никакого определения не учинено. Сколько натрудился я, чтоб грамоту Вашего Величества отправить к шаху и объявить о моем сюды приезде, оною сей хан не допустил, но еще заказывал, чтобы я никого не посылал и на заставах имянно никого не велено от моих пропускать, что понеже шахово ве-

личество в Казбине. А мне путь надлежит чрез Казбин, и оную грамоту я сам могу шахову величеству поднести. И понеже зима настает и последний путь нашим суднам к Астрахани, требовал я последней резолюции у хана с великим дерзновением, для чего он меня и бухарского посла удерживает, чтоб мне он иманно объявил причину, и, если от шахова величества — пропуску позволение, чтоб во оправдание мое Вашему Величеству мог донести. Или назад возвращаться, а не напрасно здесь столь временно мешкать. На что оной хан мне ответствовал, что будто на сих днях ожидает от шахова величества указ, чтоб меня и бухарского посла со всякою честью и удовольствием отправить в Казбин. Также по премногу просил, чтоб на несколько дней еще претерпел и объявил бы Вашему Величеству, что за великими делами, которые ныне шах имеет, сколько время здесь замешкались и указы про нас получить не мог. И что по Вашему царскому желанию пропуск нам чрез шаховы области со всяким удовольствием и охранением учинен будет.

Сколько я не трудился, проведать не мог, за какую причину нас здесь одержали. Но токмо осведомился, будто сперва нам доброго лица не показали и в мнении было нас не пропускать, для того фальшиво осведомлены доброго и щастливого состояния от Вашего Величества, а потом, когда услышали подлинныя ведомости, стали вновь нас ласково почитать, и слышал я подлинно, что ожидается на сих днях новой курьер об нас, а что будет, не ведаю; доношу Вашему Величеству, что здесь наша лишняя мешкота меня и моего товарища посла в полное разорение приведет. А меня — наипаче, понеже оному послу принужден домашние его нужды управлять деньгами и прочим ссудить. Жалуется оной, что деньгами оскудел и себя содержать не может чрез долгое время на чужой стороне, а мне столько мочи нет. И ежели пропуск нам будет, что на сих днях ожидаем, то подводы и прочее нам заплатить и подыматься на такую дальнюю дорогу не без малой трудности будет. А по готову послу бухарскому подняться невозможно, для того что имеет людей много.

До сих пор на свои деньги кормимся, а от сего хана, кроме квартиры, ничего не видали, а на их обещания и ласку надеяться не возможно, понеже люди самые лгуны и весьма в слове не постоянны, что часто слово переменяют.

Нынешнее здешнее управление самое плохое, а лучше сказать варварское. Сей новый хан из своей головы ничего не делает. Другие, которые при нем, своевольно управляют делами и обиды великие делают в народе. Ежели б я не был здесь, наших русских в пущее разорение привели. Кое-как по сю пору заступаю их, также и в долгах не малых, которые имеют на здешних начальниках.

Ноне слово есть такое, что шах, опасаясь от набегов хивинских и трухменских с стороны мечетской, с войском сам туда ехать намерен. В последних числах марта мечетской хан с две-

надцать тысяч войска меж Мавром и Мечетом хивинцов, трухменцов и узбеков хивинских восемь тысяч победил; после как оные хивинцы из-под Мечета возвращались с великим пленом, которой во округе Мечета, а именно десять тысяч полоненников везли, и те все от помянутого хана назад отняты, а хивинцов четыре тысячи на поле остались изрублены, а достальные бегом ушли. Того ради хивинцы и трухменцы стали грыстися на персиян и жестокой над ними реванш сыскать грозятся. Ежели бы не имели опасности и страху от Вашего Величества, с той стороны летнею порою давно б вновь под Мечеть приехали.

Хивинской посол, которой отпущен к шаху из Хивы прежде вышепомянутого их побеждения и набегу их в земли шаховы с мечетской стороны, при шахе в Казбине задержан, которого чуть и не казнили, имея мнение, что он силы за собою привел. А он себе оправдание учинил, что набег учинен с мечетской стороны не от хивинцов, а от трухменцов, и тем себя на время выправил и от смерти избавился.

За неделю езды от Мечета в сторону в нарочитой (известный.— *В. В.*) персицкой город Ирад, которым года с два как авганский народ завладел, ноне шах под командою мечетского хана великие войски посылал, чтоб оной город назад возвратить, однако ж от помянутых авганов на главу побиты и сам хан с сыном убит на батални.

Бывший милитинской (имеретинский.— *В. В.*) князь Вахтанг, которой при шахе под арестом сидел, отпущен и от шаха паки милитинским ханом поставлен. Въезд его в столицу⁸ учинился 15-го августа. С начала самого вдруг весьма жестоко стал поступать и больших бояр милитинцов немалое число, на которых имел подозрение недружбы, переказнил. Некоторые секретно, а некоторые и явственно сказывают, что ноне, после принятия бусурманского закону,— в отмене (особенно жесток.— *В. В.*), токмо до своих фамильных склонен является.

Лезги, которые отселе недалеко в горах живут, шавкахские (шавкальские или шамхальские.— *В. В.*)⁹ и другие, обиды великие чинят шаховым подданным. Пршедшей зимы хана здешнего, шемахинского, которой послан был с войском против, оно-го уходили, а последней зимы (т. е. текущей зимой.— *В. В.*), опасаясь, чтоб набегом не ударили сюда, на Шемаху, шах повелел сему новому хану с войском подняться против помянутых лязгов, также милитинской князь Вахтанг с своим милитинским войском вместе с ханом от Генжи к тому ж походу определен.

Слышу, что хан и другие господа рады новоприезжему в Низовую французскому консулу, понеже давно как персицкой двор ожидает французских кораблей на том Персицком море (Персидском заливе.— *В. В.*) в Бендер-Абасе. Понеже и там народ некоторой от владения персицкого отцепился и завладел некоторыми островами на помянутом море, при которых островах жемчужная ловля была. И шах немалые доходы с тех ловель имел. Сколько купецких кораблей из Франции послано, не ве-

даю, однако ж персияне чрез посредство французское с помянутыми купецкими кораблями потерянные острова назад возвратить уповаю.

Вашего Величества низжайший раб
Флори Беневени.

Из Шемахи 1-го октября 1719-го.

Получено в Санкт-Петербурге генваря 20-го 1720.

[3, 1719 г., д. 1, л. 31—36 об.]

**Реляция из Шемахи
от 5 января 1720 года Петру I**

Всемиловитейший царь государь!

Прошедшего октября 1, 1719-го году, всепокорно доносил я Вашему Величеству, что сей ширванской хан меня и бухарского посла так долго здесь, в Шемахе, задержал и отпуску нам не учинено. Ныне паки доношу Величеству Вашему, что по сю пору также мы здесь, в Шемахе, удержаны, ни туды ни сюды нам дорогу не дают, но по вся дни показывают лицо, что будто от шахова величества указу еще не получили, и до сих пор, сколько я ни трудился и письменно объявлял, что Величеству Вашему в таких их поступках весьма противно будет, со всем тем никакого ответа получить от хана не мог, токмо что повседневно указов ожидает. Окромѣ того, просил хана, чтоб мне проводника дали и допустили б собственного человека моего до Казбина, где шахово величество обретается, отправить и чтоб оной с подлинным ответом ко мне назад возвратился. И в том хан мне многократно не токмо отказал, но везде по заставам, а наипаче на перевозе чрез реку, где сей уезд Ширванской кончится, караул поставил и не велел никого без проезжего письма пропускать. Однако же послал я тихим образом курьера одного пешего тому ныне два месяца, и понеже тот курьер назад еще не бывал, незнаю за какою причиною, и другого также отправил, которой в двух местах на перевозах остановлен и пройтить не мог, то я напоследие прошедшего 21 декабря отправил двух человек своих собственных верхами и велел проводить их, где застава до помянутого перевоза. И оные тою заставу благополучно проехали.

А со оными моими людьми до шахова двора писал я о задержании своем в Шемахе на такое долгое время и просил, чтоб мне и бухарскому послу резолюция учинена была против грамоты Вашего царского Величества, в которой нас поволите рекомендовать его шахову величеству. И по последней мере на другой неделе ответу ожидаю из Казбина.

Мы здесь, в Шемахе, в великом страхе от лезгинцов обретаемся, понеже оные грозят под город, чего ради все ближние деревни опустели и люди все ушли сюда, в Шемаху¹⁰, а дерев-

ни, которые отсель день или полтора в разстоянии, многие от оных лезгинцов разорены. Также немалая часть персиян, которые шли против их войною, побиты и в полон взяты. Ныне непрестанно прибирают людей и посылают на оборонение, однако ж все напрасно, понеже лезгинцы в великом собрании и ни во что поставляют их, персиян.

Сам хан не один указ получил, чтоб ехать ему на войну, которой, опасаяся смерти, время продолжает и не едет.

Опасение есть, чтоб сей народ шемахинской на сих днях великий бунт не поднял против хана и других, а наипаче против назиря¹¹, которой зависит от ихтиматдевлета¹² и мешается в дела, которые до него не надлежат, собирая великие поборы с народу бездушно, а на что деньги употребляет и куда посылает, никто не ведает.

Слышно также, что и в Казбине при дворе шахове великое возмущение. Одни говорят, будто хотят шаха переменить, а вместо его хотят поставить брата его, которой в Испогани заперт обретается. И будто партизаны (сторонники.— *В. В.*) его бунт подняли. Другие говорят, что в Казбине бунт подняли против ихтиматдевлета, налагая на него вину, будто он разорил Персидское государство с его непорядочным управлением. Однако ж ни то ни другое заподлинно Вашему Величеству не доношу, пока посланные от меня люди не возвратятся. Месяц тому будет, как приезжий один из Казбина сказывал мне, что шах весьма гневен явился против ихтиматдевлета, для того что войску не давал, а высылал насильно, без жалования, и ежели бы не было зятя его (ихтиматдевлета.— *В. В.*), куларагасы¹³, брата Вахтанга хана, мелетинского князя, который упросил его (за него.— *В. В.*) у шаха, то за такую б его вину весьма б казнен был.

Дни с четыре тому как прибыл курьер сюды от шаха с указом, чтоб все шаховы кули (работники.— *В. В.*) немедленно б к Казбину ехали, а за какую причину, не ведаем. Вчерась под вечер курьер один приехал, а с какими ведомостями, в тайности содержат. Однако ж чрез некоторых друзей слышал, будто ихтиматдевлета убили или ушел от помянутого бунту.

Заподлинно доношу Вашему Величеству, что нынешнее персидское состояние при великом разорении стоит. Со всех сторон их разоряют, как прежде сего доносил Вашему Величеству. Сверх того, из стороны Былиштанской (т. е. из Белуджистана.— *В. В.*) гулящей народ, которой называется былиши (белуджи.— *В. В.*), те ныне недавно поднялись и город один, Акирмен, в 12 днях в разстоянии от Испогани, достали и разорили, а тот город весьма персиянам нужен был, понеже от того города было в провожении (т. е. через город проходило.— *В. В.*) хлебное отправление к Бендер-Абасы. И слух такой, что помянутые былиши, народ, с авганом, о которых прежде сего доносил, в союз вошли.

Что надлежит до состояния о житии моем вместе с бухарским послем, чрез такое долгое время за неотпуском... (слово

неразборчиво.— В. В.), и в том полагаюся на Ваше, всемило- стивейшего государя, разсуждение, понеже в великом обретаем- ся разорении и не знаю, как бы впредь поступать. Посол бухар- ской непрестанно мне досаждает и претендует явственно, чтоб я оного содержал и кормил, а наипаче, ежели дорога нам объяв- лена будет, подводы и протчая от меня требует. А не так — хо- чет назад возвращаться в Астрахань. А ведает, что я принужден был у наших торговых денег занять, из которых, кроме оного (так в тексте.— В. В.), 250 рублей и здешних (персид- ских.— В. В.) денег ему ж в долг выдал.

Оной посол сам не хотел чрез Хиву ехать, а ныне за неот- пуском нашим пеняет, для чего воля ему не дана тогда чрез Хиву ехать.

Отправленной Димитракий, куриер¹⁴, также здесь обретает- ся, и ему по сию пору отправления не чинят. Французский кон- сул также не отпущен.

Отправил я сии письма с татаринном, астраханским жителем, и велел ему паки назад возвратиться, ежели от Вашего Вели- чества повеление какое будет.

Вашего Величества нижайший и все- покорнейший раб Флорий Беневени.

Из Шемахи 5-го генваря 1720-го.

1720-го г. марта в 21 [-й] день получена в Санктпетербурге.

[1, 1720 г., д. 1, л. 1—8 об.]

**Перевод италианского письма Флорио Беневени
для подканцлера барона Петра Шафирово *¹⁵
[и графа Г. Головкина]**

В прошлом [1719] году в первых числах октября доносил я о своем затрудненном состоянии, которое претерпеваю давним своим здесь, в Шемахе, пребыванием. И ныне о том же доношу, что состояние мое толь к худшему идет, яко вне всякой моей надежды (как изволите Вы разуместь из другого моего доноше- ния) и доныне в сем проклятом месте обретаемся и чинятся нам великие протори, а отправления себе нимало не видим. Я с сим ханом и с другими его служащими поступал и добром и лихом, объявляя им, что его величество, всемилоствивейший наш государь, то примет за противно, понеже такие поступки и трактанты не суть приятельские, но неприятельские. И спер- ва хану и другим его [людям] учинил я нарочитые презенты (богатые.— В. В.), ибо тогда он, хан, объявлял мне клятвенно, что вскоре учинит отпуск со всем, что надлежит в дорогу, та- кож и послу бухарскому. Но все обман, и от него, хана, по мно- гим моим старательствам и поныне не было иного ответа, токмо: «Ныне де или завтра ожидаю указов от шаха из Ареса во

удовольствование, и излишние де ваши здесь, в Шемахе, прото-ри будут награждены». Я давно проведал чрез некоторого прия-теля, что указ пришел пропустить токмо меня, а не посла бухарского, и хан, ведая, что мне невозможно ехать без него, посла, не похотел объявить мне указу, но будто в другой ряд писал ко двору. А другие сказывают, что помянутой хан давно получил указы и обо мне, и об коллеге моем, токмо медлит отправ-лять нас, дабы не итить ему на войну, экскузуясь (изви-няясь.— В. В.) тем, будто имеет отправлять многих иноземцев, из которых ныне обретаеца я нас четверо.

Вашим превосходительством донесу другую новизну, что в первых числах ноября мы были подлинно готовы к отъезду от-сюда, но приезд господина Димитракия, достойного курьера, попортил гораздо доброе ханово намерение. Понеже, когда он прибыл в Низовую и услышал об нас, что мы здесь, тотчас учал (начал.— В. В.) оказывать глупости свои и противное о нас говорить, и наипаче там же, в Низовой, прилучился неко-торой человек от двора ханского, и ему он же, Димитракий, го-ворил: «Кто де приказал нашему посланнику ехать чрез Шема-ху? Его де дорога вкупе с коллегою надлежала чрез Хиву». И на такие его речи турчанин сказал: «Мы де имели рекоменда-тельные грамоты от страны его царского величества к шаху», но он ему отвечал, что то нимало не правда и что грамоты те фаль-шивые и будет де он о том доносить своему монарху. И оной турчанин по прибытии своем сюда, в Шамаху, рассказал все хану, и некоторой из его, хановых, служащих прислал ко мне о сем ведомость чрез моего толмача, да притом и сам тот турча-нин, с кем Димитряка разговаривал, сказывал устно послу бухарскому те же речи. Он, [Димитракий], как сперва прибыл, надеялся я от двора какую-нибудь помочь выходить, дабы склонить сих об отпуске нашем, и вместо добра нажили мы себе лихо.

Донесу к вашим превосходительствам сначала, что учинил помянутой господин, и потом окончу мою речь. Как он, Димит-раки, прибыл в Низовое, прислал к хану толмача своего, тако-го ж доброго человека, каков сам, именуемого Адама, родом из Греции, с письмами, и с ним в провожатых два человека дра-гун, которой, по данному себе приказу прибыв к ескию кагасы¹⁶ и дав ему знать о приезде, сказал, что имеет он подать хану грамоты его величества. И ески кагасы говорил ему, что надле-жит де грамоты отдать ему, а он донесет их хану, или ежели не хочет отдать ему, то б отдал их здесь посланнику своему (т. е. Ф. Беневени.— В. В.), а он пусть их отошлет к хану. И тот грек отвечал, что его господин не имеет никакого дела с посланни-ком. Потом ески кагасы, видя, что тот грек очень упорлив, ото-слал его от себя прочь, и тако принужден он жить здесь шесть дней с грамотою, пока получил ответ и приказ от господина своего Димитракия вручить те грамоты ескию кагасы. И на другой день призвал меня хан к себе и между другими разгово-

рами спросил меня: «Для чего де приезжий курьер сюда не явился или не отозвался прежде вам?» И я, хотя выкрутить его грубянство, во ответ учинил: «Может быть, что не ведал он еще о бытии моем здесь и для того не приказал человеку своему явиться мне».

А поутру в тот день, когда я был у хана, призывал к себе того грека и говорил ему, чтоб он показал мне грамоты, имеющие к поданию хану, и шел бы со мною, и я бы их вручил самому хану, но он нимало к тому был склонен да и грамот мне не показал, в чем я его и не неволил. Ему ж велел было я жить в наших квартерах. Но он и в том послушать не хотел, говоря: «Мой де господин приказал мне стать в кервансарае, где станвятся греки купцы».

Не описую вашим превосходительством о приезде сюда, в Шемаху, помянутого господина Димитракия, о афронте, учиненном от него коллеге моему, от которого претендовал, чтоб он ему прежде отдал визиту! Однако ж после с ним помирился. Наделал он столько дурачеств, из которых некоторые суть смешны, а иные, однако ж, до живота достают, ибо проклятым своим языком многократно зацеплял честь мою. Однако ж я постоянным терпением побеждал сердце. Не говорю, что он в глаза меня бранил (ибо не поволил никогда быть у меня), но довольно: ежели б счесть со всем великую его пышность, наглость и протчая, то б не достало четырех листов бумаги на обстоятельное описание. Окончить [хочу] токмо одним его действием во исполнение его ж дурачества, да и того я сам стыжусь донести вашим превосходительством.

Меж тем, однако ж, уже тому двадцать дней прибыли сюда из Казбина два человека калмыцких посланцев. Один послан от хана, а другой — от сына его Чапдержапа (точнее, Чапдержаба.— В. В.). И как я уведомился о их приезде, а наипаче о посланце Аюки хана ^{16а}, которой татарин есть и человек доброй, именован Абдулат бей, послал позвать его к себе, ибо мне не очень тогда могло, которой был у меня здважды и стрижды. Проведав о сем, он, Димитраки, учал сердитовать зело на того посланца калмыцкого и, злясь него, искал всякими образы подискаться над ним, как и учинил. Послал он верно своего грека Адама под обманом звать его к себе в дом. И тогда, понеже тот день не был ему свободен, оной честно в том отказал. А на другой день паки послал по него звать, и в том часе, понеже случились у него гости и не могли отбыть их, не пошел к нему. Потом тотчас послал его звать и в третье с притужностью, дабы, понеже недалеко один от другого стоят, учинил ему любовь и пришел бы токмо с одним слугою, ибо имеет ему вручить некоторую комиссию ради губернатора астраханского, господина своего, и дать ему с рук в руки два камня дорогих его ж господина. И по таким словам он, посланец, оставя гостей, пошел к нему, Димитракию, с одним токмо слугою, и, сколь скоро вшел в хоромы, предупредил (встретил.— В. В.) его добрый Ди-

митраки, как дьявол; и тот поздравляет его, а он стал его так жестоко бранить по русски, что не оставил у себя ни малого скверного слова, примешивая в той же брани и мое имя, говоря ему: «Бестия! Для чего ты не отдал мне визиты, а ему (сиречь обо мне) учинил? Дам де я себя знать и вам и ему, кто я таков! Аль де вы не знаете, что господин мой Артемой Петрович есть губернатор астраханской¹⁷, и могу де сделать то, что повесить вас и отнять все ваши пожитки?» От таких слов он, посланец, помертвел и говорит ему: «За что поносишь Аюку хана, от которого я отправлен на сию комиссию?» Тогда Димитраки, осердясь еще пуще и понося и самого хана, закричал людем своим, чтоб его бросили на землю и били б его плетьюми. И он первым четверем человекам, которые пришли на него, не дался, потом пришли другие четыре человека и, сняв с бедра его саблю, разложили его. И велел дать ему 150 ударов, не по человеческу, но по собацки, как я сам осматривал сину его и приказал на другой день лечить его, а именно вчерашнего числа. И по таком жестоком побое посадил его за арест. Дело сие случилось поутру рано, а я сведал о том по трех часах от посланца калмыцкого Чапдержапова. Не можете, ваши превосходительства, поверить мне, что я всем ужасен был. И послал я тотчас человека своего к нему, Димитракию, со объявлением, что такую его глупость Аюка хан, яко верный подданный нашему монарху, примет себе за противно, ибо афронт учинен ему, а не посланнику его, и понеже он толико безделиц здесь при очах ханских и других министров шаховых в повороте своем от двора его поделал, что сей хан не токмо учинит ему какой великой афронт, но еще даст о том знать шаху, который потом и по готову истинные причины будет иметь приносить жалобы об наших поступках. Наконец, велел я ему сказать, чтоб он тотчас освободил того из аресту, понеже не за что было такими противностями его трактовать, хотя он и учинил визиту мне, а не ему. Також, что он не имел облигации (дела, претензий.— В. В.) ни ко мне, ни к нему.

И на вышепомянутое мое объявление отвечал он глупым образом, будто, что он делал, сделал очень хорошо и не требует в том никакого совета, говоря, что не бил и не арестовал его за то, что он был у меня, а не у него, но за то, для чего он к нему не пришел тогда, когда его призывал, и будто невежничал пред ним, и за то на злость всем не токмо будет его держать за арестом, но и еще хотел его всячески бить, а потом скованна послать к губернатору, своему господину, в Астрахань.

Потом посылал к нему посол бухарской. И ему также отказал. Посылал и я в другой ряд, но всё втуне.

И держал он того посланца во весь день тот за арестом, и не велел ему ни пищи давать, и запер его в такое место, что не допускал никого и говорить с ним. Да он же, Димитраки, во весь день тот трактовал (потчевал.— В. В.) обедом русских купцов.

О вышереченном поступке когда донеслось хану, зело за противно себе принял и тотчас послал человека своего к Димитракию сказать, что не тракуются как посланные приятелей шаховых, ибо есть в том афронт и его персоне, и ежели он того ж часу не освободит его из аресту, то он велит вынать его силою. И притом приказал уже мушкетерам своим близ его дому стоять. Тот ханский человек пришел к нему, Димитракию, в то ж время, когда брат Алдигиреев, шамхалов також, прислал к нему со объявлением, что ежели он его скоро не выпустит, то он придет с своими людьми доставать с позором ему. И тако он, Димитраки, убоясь посланных хановых и шамхаловых, выпустил тотчас обруганного посланца калмыцкого. Однако ж своим проклятым языком примолвил и то, что он выдает его по старательству шамхалову, а ежели б не то, конечно б послал его скованна в Астрахань.

Все, кто ни слышал о таких бездельных (пакостных.— *В. В.*) поступках, дивилися. Господин консул французский был у меня и соболезновал о бедном том человеке и об моем великом терпении, обнадеживая меня, что он, Димитраки, понеже признал свои пакости, больше не поедет в дом свой (так в тексте.— *В. В.*).

Вашим превосходительствам зело известно есть должность моя, в которой поступаю с великим терпением, ни же (и не.— *В. В.*) могу показать досады моей, ибо живу под послушанием со всею моею верностию. О сем свободно могу похвалиться.

Отправляю сии письма с некоторым надежным татаринном. И поехал он с сими посланцами калмыцкими, которые вместе с некоторыми людьми шамхальскими приходили ко мне и жалобу приволили о учиненном им от нашего куриера афронте, и не им еще (только.— *В. В.*), но самому Аюке хану, говоря, дабы, ежели я признаваю в них какую неверность или преступление, к его царскому величеству учинил бы о том доношение и они готовы принять себе казнь, какую поволит. А ежели ни (нет.— *В. В.*), то б я донес монарху о учиненной обиде хану (т. е. Аюке хану.— *В. В.*), то б я донес монарху о учиненной обиде хану (т. е. Аюке хану.— *В. В.*) в персоне его посланца. Да они ж просили у меня и письма к хану со объявлением об околичности (обстоятельствах, подробностях.— *В. В.*) обиды и о невинности его посланца. На что я дал им в ответ, отчасти утешая их, что учиненная им от куриера обида не надлежит быть оставлена, паче должности¹⁸, хотя и учинена от неразумной персоны и не ведется по самым правам посольским, однако ж за то не уйдет он от надлежащего наказания. Что же надлежит до письма к Аюке хану, я хотел им в том отказать, говоря, что довольно и того, что я о сем деле пишу до его величества. Но они учили плакать, что они без письма моего не поедут, а наипаче просили письма на русском языке, а не на турецком. Того ради не мог я отбиться от того письма и с претекстом (предлогом.— *В. В.*) на доношение его величеству отправляю сего куриера татарина.

Впрочем, я ожидаю отповеди и людей своих из Казбина, чтоб дать как возможно правдивую реляцию его величеству об месте, где я обретаюсь, и о таком нашем томительном отправлении, чему не видно и конца.

Я в другом моем доношении о учиненных мне от помянутого Димитракия афронтах ничего не упоминаю, ниже (и не.— *В. В.*) приношу в том жалоб ныне, понеже обретаюсь далеко, но блюду до моего здравого возвращения и тогда буду просить суда слезно, и вы извольте по вашему благоразумию учинить, что за наипристойное изобретете, а наипаче как чаю, что Аюка хан не оставит жалоб своих, понеже такое дело не учинилось скрытно, но ведомо всему городу Шемахе.

Я zelo дивовался, послыша об отправлении сего Димитракия, понеже знавал я его и прежде, и довольно того, что он был турчанин (т. е. служил раньше туркам.— *В. В.*); и может и в другой ряд переменить штандарт свой; и окроме того, довольно, что он грек.

Я так признаваю, что его комиссия великого следования есть, понеже с толикою отменностию поступает, и кажется ему, что, какое б наилучшее лицо не было, не может с ним равняться. Он же разгласил многим своей братье грекам, что его величество обременил его тяжелыми и важными делами, обещая ему за добрую службу равные награждения. И при самом часе, когда его величество отправлял его, будто ваши превосходительства сказали, что он таких великих дел управить не может, а на то будто его величество отвечал, что признает его за остроумного zelo. А наипаче рассказывает своим друзьям, что идет к Астрахани много полков, которые, конечно, будут к будущему лету для нападения и вступления в сии земли, и что он рад бы совершить комиссию свою заранее. И протчие также новинки рассеиваются от уст до уст.

Четыре дни тому, как ескакасы объявил ему, что прислан указ об нем и готовился б к отъезду. А ныне сказал ему он же, что 4 дня тому, как ему о том сказано, но что то неправда, но будто тот указ пришел о консуле французском, а об нем еще и поныне ведомости от двора не учинено, но будто по вся дни ожидают. Сие пременение (перемсна.— *В. В.*), может всяк догадаться, что учинилось за вышеозначенные его своевольства. Опасно еще, чтоб и нам в том же не принять какой новой противности, а всё грех ради наших.

Когда сей татарин прибудет туда (к вам.— *В. В.*) с письмами, прошу ваших превосходительств пожаловать хотя небольшим награждением из Коллегии, чтоб он мог и впредь усердно служить, ибо, как я его искусил, видится zelo верен. А ежели помянутой татарин захочет остаться в Астрахани для ожидания указов, вашим же приказом и губернатор может с ним також де поступить.

Нынче я стал без курьеров, ибо двое суть в Казбине, а один болен. Того ради посланному сему надлежит возвратиться на-

зад к нам. Я zelo сомневаюсь, не захватить бы нам здесь весны, хотя и ныне сие наше путешествие гораздо опасно. Покорно пребываю ваших превосходительств нижайший, покорнейший и обязательный слуга

Флорий Беневени.

Получено в Петербурге 21 марта 1720 года.

[1, 1720 г., д. 1, л. 13 об.— 22 об.]

Реляция из Шемахи от 1 июля 1720 года Петру I

Всемилоостивейший царь государь.

В последних числах мая месяца до Вашего Величества письма отпавил на суда в Низовую, и то чрез толмача моего Павла Дмитриева. И как оной в дороге был, керельские деревенские жители забунтовали против кизилбашев¹⁹ в уезде Дербентском и великие разбойства по Низовской дороге чинить стали и несколько деревень сожгли. Притом же помянутого толмача с посторонними, одним калмыком и одним татаринном, в десяти верстах от Низовской пристани изрубили и ограбили, а именно в той партии разбойников было сорок, которые также на тот день и иных армянов и кизилбашев, едущих в Низовую, уходили и в полон взяли. Потом все вместе собравшиеся на Ширван город напали и взяли. И султан дербентской, которой за день приехал, был в Ширване, чтоб бунтовщиков примирить, насили [с] шестми из своих уходом спасся и приехал в Бакус. Ныне паки слышно, что тот бунт отчасти утих, и то с посредством шавкала. Будто оной с войскоу сына своего выслал для примирения или чтоб против оных бунтовщиков стоять.

Тогда сему новому хану об убитом толмаче объявил, и оной об розыске указ послал. Однако ж до сих пор ничего не явилось.

В оных письмах, которые при толмаче были, доносил я всепокорно Вашему Величеству так о моем, как и посла бухарского задержании по се поры здесь, в Шемахе, и каким образом ихтимаддевлет проводит нас. Ко мне едно пишет, а к здешнему хану и к министрам другое, как из включенной копии с грамотки ихтимаддевлета²⁰, ко мне писанной в ответ на мои так ко оному ихтимаддевлету, как и шахову величеству об отправлении нашем чрез нарочных моих людей отправленные письма, явственно усмотреть можно. Понеже, когда я оной ответ получил, бывшему хану показал, и сам объявил мне, что имеет указ нас немедленно отправить и чтоб нам убраться. Со всем тем [ихтимаддевлет] целые два месяца нас провел. На приклад (например.— В. В.), день один нас высылал, а на другой и удерживал. Такой проклятый народ. Сколь более божбою обещавает, столь

более обманывает и без никакого стыду вдруг запирается в своих словах, так что об ни котором деле с кизылбашами говорить невозможно. При сем же причина не малая, что здешние управители русских на смерть не любят и готовы нам всякие пакости и обиды чинить. И тому не дивно, понеже пример берут от ихтиматдевлета, али, за правду сказать, оной потакает, чтоб русским, кто ни есть, противность показывали, а сам будто ничего не ведает.

В последних числах марта месяца старый хан переменен, а на его место ихтиматдевет своего кума поставил, и оному велено войска собрать и побеждать неприятелей, которые сею Ширванскую провинцию разорили, сиречь лезгинцов (про которых я прежде сего писал). А сам хан, яко и ихтиматдевет, лезгинцы природоу.

После перемены старого хана не отставил повседневно докучать прочим управителям, чтоб нас отправили или б волю дали, как мы знаем, так управляться, и того не допустили также и куриеру Димитрею, которой налехке был, отказали и велели дожидаться сего нового хана, которой еще тогда из Казбина не тронулся. И оной куриер вид показал, будто назад возвращаться хотел, и, нарочком убравшись, за город выехал. Потом новой виц хан выслал людей и оного куриера возвратил, обещая оного и без хана в четырех днях ко двору отправить. И двенадцать дней спустя оного отправил, а именно в 23 апреля. Прибытие сюда, в Шемаху, сего нового хана 15 мая месяца случилось, и по прибытии его так я, как и бухарской посол непрестанно трудился, как бы нам отселе вырваться. И оной хан таким же образом проводил и обманывал нас добрыми словами. Напоследке увидел я, что консула французского, которой пять месяцев спустя после нас сюда прибыл, отправлять намерение имеют и что оному в дорогу потребно было, сполна выдали. Последнее домогание чинить не оставил, а именно, свидавшись с ханом, выговаривал ему, хану: за какую причину нас здесь держат? Ежели от шахова величества указу не имеет впредь нас отправлять, волю бы нам дать назад возвращаться. Притом же оному хану упрекал, что так с соседями делать не надлежит, понеже явственно нелюбовь показывает и, вместо чтобы нас напреж отправить других, последних наперед отправляет. На то оной мне отвечивал, будто он в том не виноват, но — старый хан, называя оного дураком и бездельником, а все так, для лица. Притом же обещал мне при всех министрах и слово дал с божбою, что нас прежде консула отправит, и нарочком при мне велел нам подводы готовить, чтобы в четырех днях выезжали. За что я благодарил и поехал домой убираться, и когда (в готовности у меня было выезжать) хватился подвод, а те подводы отданы под консула, то мы и стали вновь, понеже сами нанимать не допускают, ниже (даже. В. В.) мне вновь с ханом повидаться ближние его не допустили. Но токмо дал знать, что, понеже таким образом меня проводят и обманывают, а наипаче хан,

которой божбою слово мне дал, [я], того ради вид подал назад возвращаться и нарочно выслал на поле полатку, а сам на завтрее после ангела Вашего выезжать хотел. Что услыша, хан на Ваш ангелов день двух капитанов со всеми стрельцами его, также даругу (подобно коменданту)²¹ с своими ж стрельцами выслал и велел весь двор мой осадить, недопустить меня выезжать. А какой иной указ был, того не ведаю. На тот дсьнь о полудни приехал ко мне бухарской посол для поздравления и просил меня, дабы под вечер к нему в гости приехал, понеже ближние ханские хотели тут съезжаться и упросить, чтобы мне назад не ехать. И я его слова послушался. Лишь оной бухарской посол съехал с моего двора, а из вышеломянутых стрельцов многие в соседние армянские дворы спрятались, и вдруг по нашим стали стрелять. И, видя их такой дикой намерок (намерение.— В. В.), каждой за свое оружие хватился и вне ума также стали стрелять, тут же и достальные тюфячки²² последовали, и хотя оных премногое число было, а нас токмо — которые ружье знают — 16, однако ж божиею милостию всех принудили отступиться, так что [через] полчаса бою в глаза никто больше не явился, но все бегом ушли. Сам даруга, которой верхом был, в бок ранен остался. Пятеро убито, а может быть, и более, для того что они укрывают. Столь же числом других, раненых. Из моих служащих трое убито, о которых zelo сожалею. В таком случае удержаться не возможно было, а се сами на нас напали. И прошу всепокорно Вашего Величества, дабы не повелели принять в гнѣве, понеже за Вашу честь всегда готов умереть.

Сие дело так хана, как и всех ближних его в великое возмущение привело, и сами не знают, что делать и как бы помириться. К бухарскому послу непрестанно подходят, чтобы оной помирил меня с ханом и нам бы выезжать ко двору. Сперва я не хотел слышать, потом слово дал, что, ежели хотят поскорее нас отправлять, поеду. Со всем тем конца еще не видал, чаю, хан опасается, чтоб я на него самому шаху не жаловался, а ихтиматдевлета не опасается, понеже у них слово за одно. Ежели бы комиссия моя была до шаха, не описавшись, отнюдь бы не поехал. Но, понеже на моих руках иной интерес, того ради за благо рассуждая, ежели пропуск нам дадут, путь свой к Казбину воспринять и от сего проклятого народу и города освободиться. А протчее положил на милостивое разсуждение Вашего Величества.

Ежели бы мне теперь и назад возвратиться, не возможно, для того по мостам везде караулят, думая, что я уеду, и кизылбаши, которые нас отвѣдали, сами не посмелятся караулить, но в помощь берут армянов, которых, вправду сказать, можно почете за кезилбаш.

Куриер Дмитрий пишет ко мне из Казбина, что оной, когда там прибыл, об нас доносил ихтиматдевлету и оной ему ответствовал, будто мы в дороге обретаемся. И в другой раз, когда мои письма получил отселе, также говорил ему, ихтиматдевле-

ту: «За какую причину нас держат год целый?» И оной паки же ответствовал: «Я чаю, что они в дороге». На то сказал ему курьер: «Я имсю письма от самого посланника самые свежие». И оной ихтиматдевлет сказал от сердца: «Я приказал отпускать и вновь указ к шемахинскому хану пошлю, чтоб немедленно отправить так посланника, как и посла бухарского». А пишет именно курьер, что шах про нас и не ведает. И в сих поступках, Ваше Величество, можете явственно признать коварство ихтиматдевлета и имеет ли добрую склонность к интересу Вашему, понеже я признаваю, что в нем ничто иное кроме непостоянства.

Прибыл в Казбин от бухарского хана нарочный курьер с листом и жалобою к шахову величеству, для чего так долго посла его задержал в Шемахе и ежели не хочет его пропустить чрез свою землю, то б назад отправить. И на тот лист тот курьер ответу еще не получил. Протчие вести, которые из Бухар получены, сам посол реляцию посылает. Слава Богу, ныне там, в Бухарах, все смирно. Правда, что хана уходить хотели. Однако ж он прежде злонамеренным живот прекратил, меж тем и оных уходил, на которых самое малое сумнение имел, дабы впредь в покойстве и безопасности [он] был.

Вашего Величества всемилостивейшего государя нижайший и всепокорнейший раб Флори Беневени.

Из Шемахи 1 июля 1720-го года.

Получено в Санкт-Петербурге 7-го сентября 1720.

[3. 1720 г., д. 1, л. 23—26].

Реляция в Коллегию иностранных дел

Из Тихрана, 25-го мая 1721-го.

Августа 1-го [1720 г.] ширванской хан паки получил прямой указ от двора, чтобы нас немедленно выслать и в дорогу отправить, что чрез великие труды получили, понеже хан и по тому указу нас отправить не хотел, представляя нам, что дорога до переправы Куры реки нечиста и везде кругом лезгинцы пакости чинят. Однако ж на все то я не посмотрел и докучал непрестанно, чтоб меня или назад [в Россию] отпустили, ведая подлинно, что ребелицанты (мятежники, бунтовщики.—В. В.) (про которых преж сего доносил) вскоре под город подъезжать и оной атаковать намерение имели. Наконец оной ширванской хан 11 августа, увидя мое упрямство, волю дал мне за город выезжать и определя нам верблюдов да лошадей, которые [спустя] дён шесть после поезду нашего из города едва [нас] достали. За день пред поездом оной хан, получа подлинное известие, что с Низовской стороны помянутых бунтовщиков, а имянно Даут Бея, Исми и Сурхая, войско поднялось и приближается к Ше-

махе, послал ко мне ближнего своего, чтоб я немедленно к городу паки ретировался, понеже неприятели приближаются. На что я присланному от хана отказал, отвещая, что город чрез столь долгое время докучил и люблю лутче на поле обретаться, нежели в городе. И паки против сего моего ответу вновь ко мне присылка была, под самый под вечер, со объявлением — ежели к городу возвратиться не хочу, то б той ночи в дорогу поехать (а верблюдов и лошадей на тот вечер в собрании не было). И я на то ответ учинил, что мы готовы схать, токмо верблюд и лошадей ожидаем, которые все почитай розбежались было, для того что хан хозяевам, чьи лошади были, плату не выдал, и принужден я оным заплатить и поскорее собрать, а именно на другой день после полудни. Лишь мы поднялись и с полверсты от того места не отъехали, а неприятели в трех верстах из-за гор и появились, чего ради сочинилася в городе великая тревога, стали убираться на оборону. Ближние деревни со страху вдруг опустели, к городу бросились. Также и кочевия иные, покидая все свое имение лезгинцам на прожиток. Со всем тем я от пути остаться не хотел и прямо к Куре реке поспешал, когда бухарской посол почитай со слезами стал просить, чтоб назад в город возвратиться, а тут бы напрасно на поле не пропасть. Однако ж я того не учинил, ведая подлинно, что ежели б возвратиться, то б все вещи наши пропали. Токмо запотешил одного посла: в ближнюю, с полверсты от города, деревню спустился и оттоле, яко в проспективе, шемахинскую смотрели трагедию. Вначале, когда лезгинцов часть една — с небольшим 1000 в близ города подъехала, муханской хан²³, которой тогда тут с своими войсками командирован, с тремя тысячами или больше выехал, чтоб оных лезгинцов отогнать. Однако ж то оному не удалось, понеже помянутая часть лезгинцов так добро против кизилбашев устояла, что вдруг одного хана с поля сбили и принужден уходом к городу живот спасать, а не так, тут бы на месте всех прерубили. Глупость токмо лезгинцов, что вдруг за помянутым ханом в городские улицы почитай до половины города гнались. Но понеже улицы к ханскому двору тесные и те бревнами закладены и верхами проехать невозможно, все добычи ради вниз вне закладу больших улиц наразно бросились. Тут же и другие подъехали и без всякого порядку грабеж чинить стали, и что кто ухватил, паки уходом назад тащить, а до иного дела попечение не имеют. Пушечной из города также и оружейной стрельбы с обеих сторон довольно было. Но от оной стрельбы убитых немного, разве порубленных или с дворов камнем придавленных, понеже место на то зело способно и в том вся шемахинская крепость содержится. На тот день лезгинцы не успели лутче гостинные дворы ограбить, понеже, как ночь стала, к достальным партиям вне жилья ретироваться принуждены были, а имянно к Даут Бюю, который вначале был во управлении помянутых ребелицантов. На тую ночь ничего иного сделать не могли, токмо в напрасной стрельбе всю ночь пробавили [св]. При свете

вновь с великим набегом вошли, чтоб разбить индийские гостиные дворы, и тогда им не удалось, понеже лутые^{23а}, или городская каналия, бодро против оных отступила (выступила.— В. В.) и прочь отбила, а потом сама грабить индийские богатые гостиные дворы и разорять принялась. Один токмо гостиной двор индийской нарочитой цел остался. Русской гостин двор и другой еще также не штурмован, а что другие, все ограблены. Ежели бы помянутые лутые так бодро не поступили, весьма бы лезгинцы местом завладели, понеже на первой ночи сам хан, наместник его, также и вышепоманутой муганской хан хотели уйти и город покинуть, ежели б городской караул их не удержал. А потом они, покрывая свой стыд, объявили, будто тихим образом караулу осматривать ходили.

На тот день лезгинцы також не отставили труждаться, однако ж поздно очень, понеже сперва, что надлежало быть, не сделали и без разсуждения поступили и неприятелю дали ко укреплению время.

На третий день увидя мы, что никакого побеждения не учинено, но токмо что час от часу лезгинцы с заплечен вещами отходят назад от города, и мы также, спустясь на волю божию, в дорогу поехали, поспешая как скорее возможно было Куре реке добраться, и после в восемнадцать часов непрестанной езды Куре прибыли, где хвалу Богу воздали, что нас освободил и от таких бед избавил. Путь свой чрез Гилян восприяли и 9-го октября прибыли в Казбин, где надеялись шахово величество застать, а оной за 15 дней прежд нас [от] сюд [а] поехал, чего ради задержаны были в Казбине с лишком месяца, пока от старого ихтиматдевлета указ получили.

14-го ноября прибыли сюда, в Тихран. Старый ихтиматдевет сперва показал нам доброе лицо и вид такой, будто во всем желает нас удовольствовать, и частые были от него ко мне присылки не за иную причину, токмо чтоб я за учиненные нам в Шемахе причины на него не пожаловался б, признавая оной, что все по его приказу чинено. 12 дней спустя помянутый ихтиматдевет переменен, а курчибаши²⁴ на его место посажен. Тая перемена столь страшная показалася, сколь такой мочный министр вдруг пресекся, а никто причины не ведал. Токмо на тот час слово было в народе, будто он той ночи намерен был убить шаха. Пополудни шах позвал к себе курчибаши и токмо сказал ему: «Правда явилась, что ты многократно об ихтиматдевете верно мне доносил, а я тебе поверить не хотел. Поди его арестуй и что знаешь над ним сделай». И оной курчибаши прямо с своею кампаниею на двор ихтиматдевлета приехал будто для посещения и сыскал его не во многолюдстве, объявляя указ шахов, арестовал и непристойным образом на том месте оного трактовал, а именно бив и посадя на катыря (осла, мула.— В. В.); на свой двор привез, а потом, переловя вссх его дворовых и партизанов, заарештовал же, весь двор, пожитки и другое перепечатал. Тут же взят за арест и туфенкиагасы²⁵, кото-

рой преж сего послом был на Москве. А на завтрее по всему государству разосланы указы, чтоб всех чинов, которые ему ближние друзья или свойственники, некоторая часть арештована была, а достальная — чинов лишена. Вначале велено арештовать испасалара²⁶, сиречь фельтьмаршала над войском, которого ожидали из Ширазу в двадцати тысячах войска. А оной испасалар — его дядя и брат ширванского хана, которой также арештован, и все их добро и пожитки на шаха взяты.

Чрез целые три дня оного ихтиматдевлета под арестом мучили, дабы подробну сказал, где что имеет пожитков, денег и другого, окроме того, что на лицо сыскалось, чего тьма, и сказывают, что будто ничего не утаил.

А на четвертый день и глаза ему выкололи. Спасся от смерти токмо по прошению куларагасы, зятя его, и велено ему здесь, в Тихране, живот свой продолжать, и то на свободе. Из ясырев²⁷ дано ему на службу несколько человек и две ясырки. А как шах отселе выезжал, паки позволил оному жену свою с детьми при себе иметь. Из казны ему определено на корм только по полчетверти рубли на день.

Сколько богатства, предрагих камней, перлов и наличных денег сыскано, заподлинно сказать никто не может. Что касается до денег, подтверждают, будто на восемьсот тысяч червонцов одних, а что предрагого камни — множество, и цену превеликую кладут. Верблюдов — двадцать тысяч, аргамаков и иной скотины — без числа, понеже нет такого места во всем государстве, где б не было его прикащиков и заводу лошадиного и другой скотины.

Двадцать дней прежде беды своей отпустил было большой караван с великим богатством в Индею. Притом посылал на продажу двести аргамаков самых добрых, что и шах таких не имеет у себя, и те аргамаки с караваном с дороги возвращены.

Помянутого ихтиматдевлета вина не весьма явственна. Сказать одним словом, шах сам не ведает заподлинно, понеже оной ни в чем не повинился, и ежели б так скоро его не ослепили, шах, понеже что часто переменяет намерение свое, а се любил его чрез меру, могло статься, чтоб вновь его пожаловать. Перемена ихтиматдевлета, сказуют заподлинно, что учинилась с притчины той, что оной подлинное имел намерение шаха пременить, а каким образом, совершенного известия нет. Одни говорят, будто донесено шаху, что ихтиматдевлет с дядею своим испасаларем секретну имел корреспонденцию: токмо ждет, чтоб оной прибыл с войском в Испагань и возвел бы на престол брата шахова, а он своими партизанами шаха и здесь уходит. С другой стороны, слышно, будто помянутой ихтиматдевлет имел секретную корреспонденцию с выщепомянутым туфенкчиагасою и с Михри ханом, которой обретался здесь с войском тевризским яко наместник испасалар, и непрестанно меж собою конференцию имели, как бы шаху живот прекратить, а себя ж

шахом учинить, обещая одного ихтиматдевлемом, а другого курчибаши чином наградить, и дал обоим за рукою своею письмо, токмо бы первой своими маскитирами (мушкетерами.— В. В.), а другой свое войско по [спо]собствовал. Но Михри хан, имея опасение, дабы не произошел на лицо такой их худой умысл, взявши врученное ему уверительное письмо от ихтиматдевлета и прямо к молебашию, сиречь начальному духовнику шахову, пошедши, письмо показал и объявил их худое намерение. Что услыша, мола прямо к шаху и пошел и с слезами ему доносил, а во свидетельство объявил письмо за печатью, и то услыша, шах арест повелел и протчая.

Из всех причин одну токмо к поверению достойную предлагаю. Сия есть, что ихтиматдевелет, имея дружбу с туфенкчиагасою и с Михри ханом Тевризским, в одном случае подпил вместе и для конфиденции стал оным жаловаться на шаха, будто человек весьма пренный в своем уме, и не знает, как больше с ним ладить и как угождать. Притом же сказал: не худо было с переменою шахова наше государство поправить, а вместо его — брата короновать. Сие говорено ночью порою. На завтра помянутой Михри хан в надежде премены чином те слова донес курчибашию, нынешнему ихтиматдевлему. Однако ж оной, не имея свидетельства также и опасаясь гневу шахова, не смел донести, но выдумал иную штуку. Ведал, что на тех днях дивитар²⁸ ихтиматдевлета глазами хворал, а вместо его письма печатал иной писарь, которой верен был одному курчибаши. Призвавши его к себе, всяким образом, напоследи чрез деньги, склонил его, чтоб фальшификовал такое письмо уверительное ихтиматдевлета до Михри хана и тут бы печать оного приложил. Курчибаши, получа письмо такое фальшивое, научил хана, чтоб понес к молебашию и объявил бы слезно такой худой умысл против монарха. Час места спустя ихтиматдевелет, услыша, что некоторые худые письма поданы оному шахову молебашию, тотчас послал оного к себе попросить, и тот мола, сказавшись, будто недомогает, и дабы не потерять время, прямо к шаху и пошел. А ежели бы ведал заподлинно ихтиматдевелет такое письмо, николи б в беду не попался, для того мог бы персонально при шаху оправдаться и уличить такое фальшивое доношение, что не мог сделать, понеже больше его к шаху не допустили, понеже сам шах с великой любви так зело сожалел об ихтиматдевлете, что два месяца почитай с печали хворал.

В такой перемне ихтиматдевлета несмая нам остановка учинилась, понеже все министры стали отговариваться, что великими делами никакую резолюцию нам дать не могут.

Декабря 12 позвали меня грамоту вручить и принять на аудиенцию шахова величества, которой благим лицом меня принял и сам стал спрашивать, каким образом задержаны были мы в Ширване и протчая. Притом не оставил я рассказать все то, что в Ширване чинилось и сколько времени задержали нас. На что оной шах, показуя в лице великое удивление, ответство-

вал: «Не сомневайся. Розыщу сие дело, кто виноват и от кого такие поступки недобрые произошли, понеже я ничего не ведаю».

На завтрее новый ихтиматдевлет [Фатх Али-хан Дагестани] по указу шахову велел к себе позвать и оной зело приятно меня принял. Меж иными словами объявил, что шахово величество повелел тех, которые были причиною такой инконвениенции (несогласия, недоразумения.— *В. В.*), жестоко наказать вначале и изъявил, что все то учинилось по повелению старого ихтиматдевлета, которой иного дела не искал — токмо причину недружбы между двумя монархами и последнее разорение всего государства. И для того шах, уведая его безверность и худое намерение, от своей милости откинул и в первом случае слепотою наказал; и ширванского хана тут же для причины нашей повелено арештовать с его партизанами и все их добра и пожитки взять велено на шаха, которой, понеже крепкую с его царским величеством дружбу и союз всегда имети желает, весьма гневен явился, что против его воли такие его коварственные министры добрым и старым друзьям чрез недобрые поступки ссоры и недружбы причину подают. Другие такие ж экспрессии оной новой ихтиматдевлет говорил и просил меня, чтобы написать ко двору, что все те причины учинились не от шаха, но от ихтиматдевлета, которой уже за прегрешение свое воздаяние получил вместе с ширванским ханом, обнадеживая меня, что со всякою честью и удовольствием в скорых числах в дорогу отправлен буду вместе с бухарским послом. При том случае, правду сказать, ихтиматдевлет так равен мне показался [прежнему ихтиматдевлету] и готов во всем жаловать, что больше склонности желать невозможно, когда все той комплименты на словах токмо были, а в дела не положены. И то явилось немного времени спустя, а именно по прибытии турецкого посла, с приезде которого весьма дрогнули, сомневаяся, дабы ввелась война с турками чрез какие-нибудь претекстии (предлоги.— *В. В.*) или не была ли какая-нибудь секретная интеллигенция (здесь: связь, общение.— *В. В.*) с старым ихтиматдевлетом. И того ради не скоро допустили оного посла на аудиенцию, пока чрез подарки и оное отчасти доведались комиссии его. А се человек зело к деньгам похотлив. Потом был на аудиенции, и принята грамота султанова, а три месяца спустя паки назад отправлен. Также от сего двора определен к султану посол, человек нарочитый. Дан ему богатой экипаж. А он же сам — сын одного хана. Хотели отправлять его вместе с [турецким] послом, а потом оного (своего.— *В. В.*) посла обманули, обещая, что после нескольких дней спустя отправят. И тоже не сделали, понеже отправлен, как шах отसेле уехал, [т. е. через] два месяца и более после отъезду турецкого посла, и то не весьма отправлен, ибо велено ему ждать в Казбине до нового указа. А посол турецкой на границу прибыл, ведомость есть, и мешкал в дороге, ожидая оного посла.

Я зело труждался доведаться комиссии турецкого посла, с которым и свидание имел, понеже в Цареграде мне знаком был, тогда секретарем и камисаром при султанском тефтердаре²⁹, именован Дури Эфенди, и доведася часть некоторую; [1-й пункт]: что султан, не знаю по каким резонам, претендует от шаха, дабы весь гиланский шелк везен был в его область, а не чрез Каспичкое море, в Россию, понеже оттоле во всю немецкую землю (т. е. Европу.— *В. В.*) рассылается (так себе турки имеют на уме), не знаю, заправду или под каким претекстом хотя, чтоб в Русь не пропускать шелку. Однако ж то не явственно написано, а чаю, что не без того, понеже мне сам посол о том заговаривал.

2 пункт комиссии: будто желают турки, чтоб шах комерцию французскую на то Персичкое море не допустил, советова оному для лутчего способства тую комерцию французскую обратить и завести чрез земли султанские.

3 пункт: имеют некоторые старые претенксии (т. е. претензии.— *В. В.*) турки над провинциею Эриванскою, а в чем содержится оная претенксия, заподлинно не ведаю. Слышно токмо, что за шелк, которой по капитуляциям (договорам.— *В. В.*) довелося туркам получать от персиян по вся годы. Та же претенксия с некоторою иною прибавкою учинена от визирия Али Паши после взятия Мореи от венецианов во время, когда посланник наш Волынской в Испогани обретался. Однако ж после для приключившейся беды турецкой с немецкой стороны³⁰ оная претенксия тогда весьма уничтожена.

От нарочитой особы уведомен я, что помянутой турецкой посол в имеющей конференции с сим ихтиматдевлеетом и об наших делах разговаривался, выпрашивая, для чего воля такая в Каспичком море русским дается, вначале (прежде всего.— *В. В.*) для какую резон оным в Низовой пристани фортецию строить позволено, советова оному ихтиматдевлеету свои суды строить для комерции, а столь великую волю нашим не давали б. На что оному послу ихтиматдсвлет отвечивал: «Мы в землях наших фортецию строить не поизволяем, токмо прибывалнице (т. е. гостиный двор.— *В. В.*) в пристанех комерции ради, а наипаче в таком пустом месте, что в Низовой, где токмо каждого опасения ради в жильях зимовать позволено. А что морем мы им заказать не можем, и суды строить для комерции нам не нужда, а кому нужда [с нами торговать], тот бы к нам приезжал».

На вышепомянутые пункты оног турецкого посла комиссии, вначале на первой пункт, шах велел отвечать, что он торговым заказать не может, принудив в одну сторону ехать, понеже купец каждой туды, где ему боляя прибыль явилась, поспешает. А что касается до французской комерции, сказано, что шах давно капитуляция заключил с французским королем и, ежели оной вновь похочет комерцию завести чрез султанские земли, в том и оной шах противен не явится. На третий пункт,

об эриванской претензии, что отвешено. незаподлинно ведаю. Слышно было токмо, что шах весьма хотел турков удовольствовать. Иной говорит — с уступлением некоторой части земли, а иной — будто приказано было выдать всю требованную дачу шелку, которое в немалой сумме содержится. Но министры до того его величество не допустили, представляя, что лучше такую сумму на войско употребить, нежели на прожиток туркам выдать. А се при том случае получена ведомость из Арапии (Аравии.— *В. В.*), что князь един арапской, которой обретается под претекцией (протекцией.— *В. В.*) персической, победил во оных сторонах немалую часть войска турецкого, которая по повелению султанскому имела иного князя посадить, а ныншнего арештовать. Посла турецкого, однако ж, здесь, при дворе, изрядно трактовали: жалованье довольно и подарков получил, и все то, чтоб не упрявился, ни же (и не.— *В. В.*) покрикивал о своих делах, обещая оному, что весь ответ учинен будет чрез определенного посла, ибо посол [турецкий] сперва назад ехать не хотел и гораздо упрявился, представляя, что будто хочет здесь мешкать, пока ответ получит от султана, или бы отправили своего посла в Константинополь с резолюцией, а он здесь будет дожидать его возвращения или по последней мере прибытия его на границе. Однако ж то его упрямство не надолго пошло, понеже мятежа ради, получа здешних три тысячи рублей, oprичь других подарков и харчей, вдруг ехать склонился.

Тот посол турецкой хотя и имел помянутые комиссии, однако ж, чаю, прислан был токмо для шпионства, в каком состоянии сие государство обретается или какой-нибудь интеллигенции ради с старым ихтиматдевлегом, про которого гораздо сожалел, и сам он мне говорил: «Печален я, что не имел счастья застать его в чине своем, понеже слышал, что зело обходительный и премудрый человек был и в управлении государства весьма искусен. Только глупые недрузья мешали ему и искали непрестанно, как бы его потерять». При том же тот посол сказал: «Увидим, каким образом нынешний ихтиматдевлег управлять будет, понеже малоумен. Все авганы и билиши нашего закону мусульманы приближаются³¹ и принуждены против оных войско собирать. С другой стороны, лезгинцы — такие же мусульманы и неприятели кизилбашские. Крайнее сего государства разорение [очевидно, и] остается токмо, чтоб султан повелел с небольшою частью войска стороны Эриванской показаться, а и русские также морем, чаю, что свое действо показать не оставят». При сем сказывал мне оной посол, как ихтиматдевлег у него спрашивал, есть ли мир между царским величеством и султановым величеством и на сколько лет. И тот ихтиматдевлег и от меня спрашивал. Слово к тому клонится, что ведать желают, не будет ли скоро между Вашим Величеством и султановым величеством войны, дабы персиянам быть в безопасности от турков, от которых зело дрожат. И нас также боятся, и ежели бы было самой малой вид противности показать или замáхнуться токмо, а не

ударить, то б весьма здрогнули. Им любо слышать, что Ваше Величество по сию пору с шведами изволите забавляться, и то признаваю из слов ихтиматдевлета, которой, когда я рассказывал [про] полученную прошедшей кампании викторию над шведами, также показывал присланные ко мне фигурные листы³², спрашивал меня, не будет ли скоро мир с шведами, и как я сказал: «Ежели б его царское величество похотел, мог бы в один час мир заключить, ибо непрестанно о том швецкий двор просит, но наш монарх изволит так тешиться над ними, а когда сам захочет, тогда миром оных обрадует»,— оной ихтиматдевелет с великим удивлением умолчал. Сей двор чрез армянов торговых осведом был заподлинно, будто Ваше Величество с цесарем в жестокую войну вступили, и то для ради домашнего дела (т. е. дела России.— *В. В.*), и протчая. И оной двор, уповая, что и султан также случай такой не уронит и будет и он против Вас воевать, весьма рад явился. Однако ж по прибытии моем сюды, в Тихран, оная радость и гораздо утолилась, ибо я персичким господам получше дело растолковал и показал оным, что то все фальшиво донесено.

Такие армянские фальшивые реляции немалую при дворе инквениенцию сочиняют, понеже персиан не чествят, ниже поклон отдают (и поклон не отдают.— *В. В.*), окроме когда страх имеют или прибыль себе ожидают.

С приезде моего сюды, в Тихран, до Вашего Величества шах намерение имел куриера едного отправить. Но тая посылка паки продолжена. А как прибыл с калмыцкими послами Хафисбей, которой пословал (т. е. был послом.— *В. В.*) при хане калмыцком и жил в Астрахани, услышал, что хотел шах куриера отправлять, стал чрез министров труждаться, дабы его отправили с посольским характером, понеже он довольно искусен русского поведения, а именно, описав целую книгу на виршах свое посольство при калмыцком хане, также положение астраханское и кто там обретается, команду (круг подчиненных.— *В. В.*) имеет и протчая. Чрез фаворита одного из министров самому шаху вручил, и оной, полюбя тые вирши, велел оного Хафиса к себе позвать и сам об Астрахани подробно расспрашивал и, по своем мнении присуждая за удобного к помянутой посылке, велел оного яко посла отправить, и, понеже человек не великого роду, ниже чину, султаном дербенским титуловать хотели, а он ныне токмо ихтиматдевлета придворным познавается.

Приказано также оному Хафисбею определение учинить против прежнего персичкого посла, которой паки при хане был туфенкиагасою, при премене старого ихтиматдевлета (как по вышеописанному усмотреть мочно) арестован, а ныне освобожден и сослан в Испаган. Однако ж все то на словах определено, а характер его посольства именован, а не подтвержден, и, понеже помянутая посылка столь долго тянется, сомневаюсь, дабы не весьма уничтожена была, а ежели сбудется, не чаю, чтоб сего году могла быть, разве какие-нибудь со стороны турецкой не-

добрые вести получают. После отъезду шахова сказано, будто курьер один прибежал из Богдата с ведомостию, что султан турецкой преставился, чего ради двор зело радостен был. С другой стороны, слышно, что Хасан Паше Богдатскому велено ехать немедленно к Константинополю и будто оной ехать не хочет и султану противиться готов.

Вышепомянутому Хафисбею приказано было в Шемахе русские торговые дела управить. Но, понеже оной не совершенно послом определен и надлежит ему для резолюции шаха к Испагану последовать, принудил одного Хафисбея брата своего в Ширван отправить и тамошние русские дела окончить.

Сего дня прибыл сюда из Бухар посланный от хана с листом к шахову величеству курьер один, и оной из больших придворных ханских офицеров, которой также ко мне лист принес от ханского лица, в котором зело благим себя являет, обнадеживает своею милостию и желает, чтоб скоро к нему ехал, то же приказывает своему послу, которому чрез сего курьера халат прислал, сиречь честную одежду.

Помянутый курьер, понеже имсет лист до шаха, намерен в Испаган ехать, сказывая мне, что в оном письме содержится одна выговорка об нашем здесь долгом задержании и чтоб немедленно нас отправили, также о том, говорит, резолюцию требовать от хана оному курьеру наказано.

В письме, посланном ко мне от хана, написано, будто письмо, которое я к нему писал чрез нарочного посланного, получил и по оному письму рад был во всем меня удовольствовать, а именно изъявляет про ясырей, которых для той регард (из уважения к Беневени.—*В. В.*) вселел сыскать и до моего приезде хотел у себя удержать. А я к оному хану никакого письма не писывал, но такое письмо фальшификовано на мое имя. А именно: задержаны были в Мешете из ясырей 18 человек казаков, которые из разных мест уходом спаслись. При них же был немчин один, именем Александр Гендрих Шуленгур, а сказывался прапорщиком; сыскав одного армянина, едущего из Шемахи, [он] научил одного дабы себя курьером объявить бухарскому хану и, написав на мое имя письмо к хану мешетскому, объявлял оному, что я в скорых числах к Мешету прибуду и чтоб помянутых казаков наших также и одного прапорщика, который себя там майором называл, немедленно отпустил. И помянутой хан, увидя такое мое письмо, опасаясь, чтоб я не пожаловался шаху, велел всех отправить, дав им по несколько на харч в дорогу. Также оному фальшивому курьеру армянину на харч дано, и, понеже оной сказался моим курьером и письмо показал до хана бухарского (а то письмо помянутой прапорщик Александр своею рукой написал), дано также ему несколько денег на проезд до границы. Как оной прапорщик вместе с казаками прибыл сюда, в Тихран, не ведал я такой за ним недоброй поступок, удержал его у себя для экспедиции, а казаков всех отправил наперед. Но поздно я стал доведываться, и

то обстоятельно, а до того и при мне здесь [Шуленгур] своей лихой натуры знак показать не оставил, ибо между иным чуть меня в один инпегн (момент.— В. В.) с кизылбашами не увел. Однако ж я ему никакой противной вид не показал, дабы что-нибудь и пуще не сотворил. Но при отъезде моем удовольствовал оною деньгами на проезд, на наши суда в Гилян отправил, как о том астраханскому губернатору писать не оставил.

Хивинской хан заподлинно драку с бухарцами чинить хотел и уж приготовление чинил. Но услышав, что большие беги (беки.— В. В.) весьма противны такому его намерению и ищут, как бы переменить его, а се доведавшись, что прежнего Муса хана сын в пятнадцать годов при бухарском хане тихим образом содержан и уж секретные к нему присылки были от больших хивинских господ, которые желают его ханом учинить, немедленно двух из ближних своих министров к бухарскому хану отправил, от которого с великою покорностью в начале экскузацию, а потом прежнюю добрую дружбу и союз просит, обещая также впредь добрым и верным другом себя оказывать.

Ежели помянутый Хафисбей отправлен будет послом или иной кто-нибудь, комиссия того, слышал, будто содержаться будет в том, чтоб просить Вашего Величества о вспоможении против хивинцев с астраханской стороны сухим путем, а персиане со стороны мешетской оных атаковать намерены. Тут же прошение учинить до Вашего Величества об лезгинцах, черкесах, чтоб также и в их стороне терской оных укрожить спомогли, дабы впредь такие своевольства чинить не могли.

Флори Беневени.

Получено в Москве в 15-й день генваря 1722-го г.

[3, 1721 г., д. 1, л. 9—25].

Реляция из Тегерана от 25 мая 1721 года Петру I

Всемиловнейший царь государь.

Указ Вашего Величества от 20-го сентября 1720-го прошедшего марта 6-го числа здесь, в Тихране, исправно получил. А письмо канцлера Вашего, которое послано к ширванскому хану в Шемаху, оное от курьера вручено тамошнему наипу, или наместнику ханскому, понеже после перемены старого ихтимат-девлета также и ширванской хан, яко дядя его, пременен и арештован.

В помянутом указе написано, ежели до получения Вашего царского указа позволение совершенное о пропуске моем из Шемахи в Бухары чрез персицкие земли получил, то со всяким послешением путь продолжать. А буде действительно пропуску мне не позволено и будут паки под разными отговорками удерживать, то из Шемахи ко двору Вашему назад ехать. Всепокор-

но доношу Вашему Величеству, как ширванской хан до 11-го августа меня в Шемахе удержал, чего ради указ Ваш при оном хане исполнить не мог и здесь, обретаясь при шаховом дворе, немедленно исполнил; ибо персонально Ваш указ объявил сему ихтиматдевлету, представляя оному, понеже шахово величество отпуск мне не позволяет и министры под разными отговорками нас проводят, то б позволение дано было мне назад возвращаться без некоторого препятия, на что оной ихтиматдевелет ответствовал: «И мы также получили есмь копию с письма государственного канцлера, к шемахинскому хану отправленного, в котором пишет именно: ежели посланник наш из Шемахи не отпущен, то ему назад возвращатися. А вы уже здесь давно обретаетесь; его шахово величество проезд чрез свои земли не отказывал, но при нынешних случаях некоторых причин ради, ежели отпуск ваш отчасти продолжен, и в том пенять непристойно; лишняя мешкота от Бога, а не от нас произошла». При сем же оной ихтиматдевелет, видя совершенную мою к возвращению резолюцию, сие сказать не оставил: «Мы признаем из письма государственного канцлера, что они желают продолжения пути твоего в Бухары, а не возвращения ко двору; того ради не надлежно так торопиться, всдаем, что за недобрим управлением ихтиматдевлета не мало терпели, и ныне некоторое время можно потерпеть». Обнадеживая меня, что в пяти днях совсем нас в дорогу отправить хотел, и при мне тут приказал о подводах и о других нуждах, чтоб нам вскоре выехать. На что я оному ихтиматдевлету ответствовал, что я на письмо, отправленное к шемахинскому хану, не смотрю, но токмо на указ, ко мне присланной от двора; однако ж, понеже столь долгое время ждал, пять дней за регард ваш (уважая вас.— В. В.) подождать буду, и то (все равно.— В. В.) с великим опасением, понеже до получения помянутого указа действительно я отправлен не был, токмо на одних словах. На что оной ихтиматдевелет сказал: «Ежели до сих пор я действительно не отправлен, и то отчасти учинено для нечистоты в дороге, а ныне, всеконечно, отправить хотели, ибо армию отправляют по мечетской дороге к Ирату, чего ради все дороги чисты будут». Наконец, стал мне выговаривать, яко б мне не надлежало о шемахинском случившемся деле также и о прочем терпению Величеству Вашему писаться, ниже во гнев вводить, по на время, пока б шахово лицо [не] увидел и оному пожаловался б, кое-что и умолчать пристойно было, ибо его величество о том ничего не ведал: ниже старого ихтиматдевлета коварство явно было (не было явным.— В. В.). И я ему отвечал, что обо всем мне верно писать надлежно, а его шахову величеству ныне надлежит при Вашем Величестве оправдаться и об экскузации старание иметь. На сии мои слова оной ихтиматдевелет весьма умолчал, токмо при поезде моем объявил, что шахово величество повелел отправить ко двору Вашему Хафизбея (как из реляции усмотреть можно), а каким характером, заподлинно сказать не мог. После того свидания с ихтиматдевлетом

паки в одмание (опять на обман.— *В. В.*) и [на] фалшивые персицкие слова попались, и не токмо пять дней, по я пятнадцать прошло, а мы не отправлены, токмо определен нам в дорогу един придворной офицер, а указ и другое, что потребно, по всяк час будто в готовности сказывано, а налицо ничего не являлось. Чего ради вновь не токмо на словах, но и на письме жестоко докучать стал и, дабы все подозрение, которое б надо мною персияне иметь могли, уничтожить, непрестанно представлял, что я в Бухары более ехать не хочу и меня б назад в добром здравии препроводить велели, а не так, дали б мне реверш (обязательство, письменное ручательство.— *В. В.*) един на письме, для какой причины меня удерживают, а с фалшивыми словами меня б не проводили. На что ответ и резолюцию получил от ихтиматдевлета, что назад ехать отнюдь допущено не будет, разве за таким моим письмом, что двор персицкой совсем меня отправил, а я не похотел ехать. А что касается до причин, за которыми не токмо и здесь, но и в Ширване задержаны были, за печатню ихтиматдевлета вручено мне такое письмо, в котором изъясняется в начале, что лишняя наша мешкота и протчая, случившаяся в Ширване, и то учинено за недобрым порядком старого ихтиматдевлета. А и здесь, при дворе, будто за нечистою дороги мечецкой (ибо авганы по оной дорожке великие пакости чинят) также и некоторых государственных причин ради шахово величество, оберсгая нас до приезде испасалара (которой с войском по мечецкой дорожке к Ирату определен), приудержать повелел; в оном письме также написано, что шахово величество для братства и неутомимой дружбы, которою с Вашим Величеством имеет, меня удовольствовал подводами, также и дорожным кормом, а никоторым проезжим послам такая честь не чинится. И то все неправда, понеже последнему из хивинцов или бухарцов, едущим в Меку, имея рекомендацию ханскую, великое учтивство от сего двора водится показывать. Ежели мне некоторая часть цивилитета (букв. «предоставлена возможность».— *В. В.*) в подводах и в корму показана, я министрам шаховым втрое сделал и могу правдиво сказать, что сию дорожку на свои деньги купил и всегда готов уличить оных, кому что подарил, а что я принял от двора, во всем роспись подал.

На последке помянутого письма написано про наших в Ширване обретающихся русских торговых (об которых нуждах я сам доносил ихтиматдевлеу), объявляя, что Хафизбеку, которому ехать к двору Вашего Величества указ дан, по моему доношению все русские дела в Ширване управить.

Вышеозначенное письмо вручено мне на тот день, когда я требовал пашпорт для отправления куриеров до Вашего Величества, и оной ихтиматдевелет чрез постороннего просил меня, дабы о сем Вам донести и уверить Вас шаховой доброй дружбы и союзности.

Нынешнее сего, персицкого, двора поведение описать невозможно, ибо в сем непостоянстве обретається. Не ведаю, как

прежде сего было, а что ныне, [то] по дирекции в доброе состояние дела привести весьма трудно: все министры генеральнo-свoенном никакого не имеют и такие лгуны, что удивительно. На одном моменте и слово дают с божбою и запираются.

С его шаховым величеством трижды свидание имел. На третьей как аудиенции, понеже зело пожаловался оному об нашем долгом задержании и просил о скором отправлении, оной дважды, трижды при мне приказывал ихтиматдевлеу, чтоб меня, яко брата его и древнего друга, посланника, со всяким удовольствием немедленно отправил. Со всем тем по старому трактованы.

Первых чисел апреля испасалар отсель тронулся и шах сам к Мечету ехать хотел, но 16-го того ж месяца, получа ведомость секретную из Испагани, будто намерение в народе брата его короновать, чего ради испужався, 23-го внезапно поднялся отсель прямо к Испану и за скудостью подвод большую часть багажу также и канцелярию целую и здесь покинуть принужден. Увидя я таков скорой шахова величества отсель отъезд и что об отправлении нашем совершенная резолюция не учинена, опасаясь, дабы и здесь нас не покинул, на тот день, как шах за город выезжал, самому мемориал на дороге презентовать и персонально от оного последнее решение требовать отважился. Шахово величество, увидя меня, остановившись и приняв тот мемориал, с великим удивлением стал меня спрашивать, а именно сие слово молвил: «Начаялся я, что вы давно отправлены, а вы еще здесь. Я все твои нужды исправлю, не сомневайся, и велю немедленно вас отправить». Ихтиматдевет притом в страху весь помертвел, ибо шах, обратясь к нему с гневным лицом, сказал: «Для чего до сих пор не отправлены?» Сие случилось под вечер, а на завтра ихтиматдевет, позвав нашего приставного, и оному подорожный указ для подводов вручил и велел оные как скорее возможно собрать и отсель ехать. Также ихтиматдевет велел мне сказать, что не надлежало было вчера шахово величество персонально трудовать, понеже сегодня те же б указы и подорожна вручена была. А я слышал (не знаю, правда ли), что шах после, как прочел мой мемориал, хорошую погонку дал ихтиматдевлеу, а наипаче для того, что ничего не объявил ему о курнере, также об указе Вашего Величества присланном.

После шахова отъезду с месяц целый паки здесь, в Тихране, простояли за подводами и насилу сего числа кое-как отсель выбрались.

Вашего Величества, моего всемилостивейшего государя, нижайший и всепокорнейший раб Флори Беневени.

Из Тихрана 25-го мая 1721-го.

Получено в Москве в 15-й день генваря 1722-го.

[1, 1721 г., д. 1, л. 1—4 об.]

**Письмо от 25 мая 1721 года
из Тегерана Петру I**

Всемилоостивейший царь государь.

По указу Вашего Величества мне, нижеименованному посланнику, велено чрез персикские земли ехать к бухарскому хану. И понеже препятство мне показано и без малого два года в персикских краях задержан, а такой долгой мешкоте не по мои силах иждивение имел, так что окроме учиненного из Вашего Величества определения на путь и тамошнее житие принужден от торговых русских немал в долг занять, а именно две тысячи рублей персикских денег. И те деньги не имея столь мочи заплатить, также ведая, что в Бухарах на раздачу и тамошнее иждивение немало потребно и понеже от так долгого здесь задержания весьма оскудел, того ради, чтоб Ваши царские комиссии благополучно окончить и со всякою честью паки назад возвратиться, прошу Вашего Величества, дабы Вашу царскую милость надо мною показать и от помянутого долга избавить, таки на тамошнее бухарское житие какое-нибудь, окроме моего годового жалования, определение учинить повелели.

Вашего Величества
нижайший раб
Флорй Беневени.

С дороги из Тихрана от 25-го мая 1721-года.

Получено в Москве 15-го генваря 1722-го.

[1, 1721 г., д. 1, л. 26].

**Письмо от 25 мая 1721 года
из Тегерана Петру I**

Всемилоостивейший царь государь.

При моем здесь житии явились многие полоненники разных служилых чинов, которые бегом из Бухар и из Хивы и из иных мест спаслись, а именно двадцать один человек, и оным я по возможности моей вспоможение учинил и отправил в Астрахань. А иные також де непрестанно являються. Также слышно, что и в Бухарах, а наипаче в Балхе немалое число полоненников обретается и оныс непрестанно будут ко мне прибегать и просить об откупе, а мне выручать их нечем, того ради прошу Вашего Величества, дабы по своему благодущию над обретающимися в полону милосердие показать и какое-нибудь определение учинить повелел.

Вашего Величества
нижайший и все-
покорнейший раб Флорй Беневени.

С дороги из Тихрана от 25-го мая 1721-го года.

Получено в Москве 15-го генваря 1722-го.

[1, 1721 г., д. 1, л. 27].

**Реляция из Бухары
от января 1722 года Петру I**

Всемиловивейший царь государь.

Всепокорно доношу Вашему Величеству, что 6-го прошедшего ноября 1721-го года по милости божии прибыли мы сюда, в Бухары, и со всякою приязнию и честью от сего двора принят был. А 15-го декабря аудиенцию получил у хана, которой зело рад явился и Вашу царскую грамоту благоприятно принял.

Нарочного куриера до сих пор послать не мог, для того что все дороги взаперте и проезду не было для учинившейся войны в Хиве между двумя партиями озбецкими под намерением, чтоб Ширгазы хана переменить и на его место поставить Мусы хана сына, еще в четырнадцати годах Шах Темир Султаном нарицаемого. Экзекуция по се число не учинилась, однако ж на сих днях надеемся помянутой перемене.

При сем прошу Вашего Величества, дабы чрез сего куриера повелели указ ко мне прислать, по которой дороге прикажете мне назад возвращатися, понеже я отсель без указа Вашего тронуться не смею.

Вашего Величества всемиловивейшего
государя нижайший раб Флори
Беневени.

Получсно [Петром I], едуци в пути, недоезжая до Чебоксаров за 20 верст, июня 7-го дня 1722-го чрез греченина астраханского жителя Ивана Дементьева.

[1, 1722 г., д. 1, л. 9].

**Реляция из Бухары
от 10 марта 1722 года Петру I**

Всемиловивейший царь государь.

Покорно доношу Вашему Величеству, что прошедшего 1721-го году ноября 6 числа прибыл в Бухары, а 15 декабря получил аудиенцию у хана, которой о моем приезде зело доволен явился и меня честно принял, а каким образом, сей куриер изустную реляцию подать может.

Что касается до бухарских озбеков, и оные, увидя ханскую особливую до меня склонность, вначале стали все генерально на меня косо смотреть и, почитай, яму копать зачали. И я оных, а наипаче больших чиновных озбеков, поскорее чрез добрые подарки отчасти умягчал и друзьями устроил. Однако ж со всем тем осторожно с ними поступать надлежно и на их дружбу надеяться не надлежит. Ибо собою такие непостоянные люди, что одним днем и мириться и изменить готовы. Бог да не допустит какое несчастье хану, а то б озбеки над русскими полоненниками то

же, что и оные по приказу ханскому над озбеками, учинили преизвестными экзекуциями. Ибо тогда немалое число озбеков прирублено. А тут же и меня, чаю, живого не оставили б, и уже тому признак был, а именно: когда я сюда приехал, дан мне ханской матери загородной двор и то на время, пока в городе двор добрый опростают и поправят. Дней двадцать спустя Фераст аталык³³ (он же второй год в аталыцком чину) взыскан в измене и внезапно по приказу ханскому на своем дворе атакован и тут изрублен, а сын его меньшей под арест взят. И на тот день хан прислал ко мне, чтоб я на убитого аталыка двор скорее перебрался, опасаясь, чтоб озбеки меня не атаковали ночью порою, понеже на онного аталыка русские полоненники объявили, что сын его большой, которой в степи обретается, при случае, как было ему по внушению отца его, к городу приступит, притом же и надо мною б потешится. Однако ж того Бог не допустил.

Озбеки отнюдь не хотели, чтоб меня прежде персического посла во аудиенцию допустить к хану, и непрестанно оному докучали, представляя, что кизилбаши, яко пограничные и добрые на дружбу, имеют оные послы лутче быть почтены, нежели русские послы, ибо от русских никаких прибытков не имеют, кроме убытков, а Персида прибыль приносит, понеже по вся годы по пяти и по шести послов посылаются, которые мусят (должны. — *В. В.*) и за чин заплатить прежде отъезду и... (в тексте неразборчиво. — *В. В.*) большую часть нажитку в казну положить. Также предлагали хану, что Ваше Величество с Бухарами неграничите и Ваша дружба не древняя в пример шаховой дружбы. Хан все те слова и слышать не хотел, а напоследнее, что чрез меру озбеки о том ему досаживать стали, осердясь ответствовал: «Русской посланник из дальнего края приехал и оной имеет быть гость мой дорогой, а кизилбашского не надлежно прежде почесть. Лишние слова ваши слышать не хочу, и, яко хан, что хочу, то сделаю». После тех слов вставши с места, приказал на другой день меня на аудиенцию звать. Сей хан по сию пору чрез обман немалое число озбеков перевел, а искоренить не может [даже] при большой учиненной экзекуции, что (когда. — *В. В.*) наипущего недруга Кор аталыка из рук упустил. Чрез уход его оной хан больше себе бед нажил, понеже оной аталык выехал на степь, содружася с иными партизанами озбеками, великое разорение учинил везде в окружности, до самого города [Бухары] в партиях подъезжал так, что ни одну деревню в целости не покинул, все разграбил и утащил. Кроме того, город так оскудел провиантами и иными запасами, что простой народ принужден был детей своих продавать и тем кормиться, а другие и с голоду померли. Хан сам большую половину верблюдов, лошадей и иного скота потерял и такую нужду претерпел в провианте и в фураже, что принужден на деньги покупать, понеже опасался по своим деревням посылать, дабы и достальные верблюды озбеков в руки не попались. Однако ж ныне чаемся, что вновь будет поправление, для того что те озбеки, которые бунтовали и набегив

чинили, отчасти попристали, и слово такое (ходят слухи.—В. В.), что хотят мириться с ханом. Один из больших озбеков (которой великие разорения учинил по Чаржовской дороге, меня же, как из Мавры сюда ехал, в дороге стерег) прошедшего февраля с ханом помирился и приехал в город. Однако ж, чаю, быть ему без головы. Токмо хан и сына его в город приманивает.

Ежели хивинского Ширгасы хана не станет, [то] и здесь спокойнее будет и все дороги свободны станут. Ибо оной с бухарскими озбеками списывался непрестанно и уповал чрез их посредство также и бухарским ханом устроиться, чего ради приготовления чинил войною на Бухары подыматься. Однако ж хивинцы того не допустили. Оной Ширгасы хан по сию пору еще держится в Хиве, для того что имел великую казну и оную всю озбекам роздал, дабы за него стояли крепко против претендента Темир Султана³⁴, бывшего Мусы хана сына (еще в четырнадцать годов), которой ныне в Аралах обретается, понеже аральцы³⁵ сперва его приняли и зачали противиться Ширгасы хану, а потом [и] иные хивинские пять городков к ним пристали (присоединились.—В. В.), один токмо город Хива устоял. Озбеки, которые были при хане, после как довольно покорились ханским подаркам, все ушли и пристали к Султану, и токмо трое при хане по сие число держатся, которой ныне в день токмо на дворе живет, а ночью в башню запирается, в которой довольно провианту припас, а воду берет из колодца, понеже в здешних краях обыкновение воды на башни напускать. Однако ж едва может ли до сего равноденства устоять³⁶. Темир Султан при Аму реке воду, которая в каналы пропускается, весьма затруднил, чего ради сами хивинцы принуждены будут или потерять хана, или живого на руки сдать Вашему Величеству. Ежели намерение охраняете реванш над хивинцами учинить, ни коли б так способно, как при нынешних случаях, не было. Сами бы бухарцы тому рады были, ибо от хивинцев великие обиды и разорения претерпели. А ныне, ежели Темир Султан (яко здесь, [в Бухаре] вскормленный и [от] сего хана послан в Арал) сядет на ханство, а от Вас посылка [военная] будет, не весьма рад будет сей двор. Про хана заподлинно сказать не могу, а что озбекам — смерть покажется.

Ведомости из Хивы сперва были, что Вы велели писать до хивинского хана, дабы немедленно все русские полоненники присланы были в Астрахань. Оной хан никакую резолюцию не учинил, токмо за тем же делом присланному от Аюки хана послу отвечивал, что он прикажет озбекам и иным по своей цене всех полоненников отдать, а которые прирублены, тех возвратить не возможно, и тому они не виноваты, понеже князь Бекович не с дружбою, но с войною вступил в земли его и будто хотел Хиву атаковать.

Ныне паки слышно с подтверждением, что русские войски в готовности обретаются и заподлинно сего марта месяца на Хиву подняться будут, и меня многие спрашивали, имею ли я какие вести.

Хан сам те вести услышал от одного каракалпацкого бека, которой также рассказал, будто и на Каракалпаки русские командированы.

Того ж дни оной хан те вести объявил своим министрам озбекам, которые не беспечальны явились, ибо повеса голову ни слова на то хану не молвили. Токмо большой ханской евнух, фаворит же его, сказал: «Хивинцы кашу сварили, сами и кушать будут. Токмо жаль каракалпаков». Ежели б наше войско с добрым порядком и под добрым командиром до Хивы добралось, то моею головою всякому благополучию обязуюсь. Токмо одних трухменцов беречься, которым ни в чем верить не надлежит, понеже самый непостоянной и лукавой народ, помешать может, а верно служить не будут. От Ширгасы хана немало [из] казны взяли, божбою обещая оному, что силою своею аральцов атаковать будут и Темир Султана живого ему в руки привезут, лишь бы получили от хана, что желали. Того часу поднялись к Аралу на место, чтоб с аральцами бой дать, но к Темир Султану пристали и от оного также подарки получили, притом же волю, чтобы Ширгасы хана партизанов озбеков разорять и принуждать оных, дабы поскорее хана из Хивы выгнать.

Я до сего числа с ханом наедине говорить случая получить не мог. Токмо на гульбе, когда оной меня звал с собою гулять вне города, и то разговоров при людях имел, паче всего при озбеках, при которых некоторого лишнего слова молвить не надлежно. Однако ж надеюсь с ним довольно разговориться. Он сам, ведаю подлинно, что желает со мною наедине повидаться, но не ведает, как бы то исполнить, чтоб озбеки не ведали. Меня б тотчас съели ради подозрения, как при хане есть фаворит — евнух большой, у которого все управление на руках и что хочет, может при хане учинить. Оного я подкупил и другом сделал, так что мне за великую службу оборону от озбеков. Человек ума довольного и хану в младых летах не без пользы. Я с оным довольной (дельный. — В. В.) имел разговор, при котором обнадеживал, что хан желает с Вашим Величеством добрую дружбу и корреспонденцию, которые б час от часу умножались с пользою обеих сторон. Напоследки велел чрез своего секретаря в конфиденцию мне сказать, что при нынешних случаях и возмущении от озбеков без посторонних людей разговор иметь не без опасности, также друг к другу часто ездить. Однако ж если Бог даст хану с неприятелями своими управиться, то все по желанию моему учинено будет.

Хан лицом кажет, что высокие имеет идеи к владению, а силы не имеет за скудостью казны, которую не один раз озбеки опростали, а чем бы вновь наполнить, доходов не стало. Того ради я разсуждаю, что, ежели б наше войско в хивинские земли вступило благополучно, хан бы зело рад был и тую бы радость держал и сам бы просил вспоможения и оборону против озбеков, которых бы желал весьма перевесть, дабы абсолютно ханствовать и не иметь от них депенденцию (зависимость. — В. В.).

И вправду, ежели б озбеков не было, хан бы в малое время великие силы прибрал (обрел. — В. В.).

Хан уругу (или роду), сказать как озбеки, не имеет. Того ради принужден в драках озбеков употреблять против озбеков, а у них все заодно, и, вместо чтоб за хана постоять верно, временем сами к бунтовщикам пристают. А ежели братьей или сынов при хане в аманатах (заложниках. — В. В.) и имеют, то на степи лежат (находятся. — В. В.) на несколько времени без драки и без ничего, а потом паки в город приезжают со лжами к хану и прстендуют награждения, которой мусит на каждого кафтан надеть и похвалить за службу. Хан ни на кого так не надеется, как на своих холопов калмыков и русаков, сиречь на тех, которые на Руси родились. А которые и здесь родились от отца или матери бусурманской, и тем не весьма верит и оных одних, без калмыков, николи в партию не высылает. Ныне озбеки советуют хану, чтоб с ними вместе в поход выезжать, дабы поскорее всех злоумышленных или покорить, или весьма разорить, а потом бы к Самархану поехать и тут совершенно короноваться. Ибо водится, что ханы бухарские к Самархану ездят для посвящения на ханство. А именно камень такой есть, которой, сказывают, будто с неба упал, и на тот камень когда хан сподобился сесть, то оно го прямым ханом признают, понеже оной камень фальшивого хана, которой не с прямой линии объявляется, и вблизи не допустит, не токмо садиться. Озбеки нарочно хана на степь выманивают, чтоб свободнее оно го предать, чему и сам давно догадывается и выезжать не хочет, токмо проводит их словами, будто поедет. И озбеки хану также лестят Балхом и иными местами, обещая паки под его владение привести, а наипаче при нынешнем случае, ибо балховские озбеки меж ссбою дерутся и разоряются. Одна партия хана хочет, а другая не акцептует (не принимает. — В. В.). Одно недавно выгнали, а другой, которой ныне ханом, и тот брат большой помянутого Темир Султана, который в Аралах.

Прошу указу Вашего Величества, ежели реченный Темир Султан на ханство сядет, вести ли мне с оным дружбу или нет, и чрез которую дорогу мне назад возвращаться, лишь бы меня отселе наперед не выслали для ради озбеков. Хивинцы сами будут просить, чтоб чрез Хиву возвратиться. Оные заподлинно надеются, что с ними мир заключите, когда услышите, что Ширгасы хана не стало, которого аталык сказал: «Ежели живого в руки получим, пошлем к белому царю, дабы над ним то же учинил, что и оной над князем Бековичем, а не так, голову его пошлем». Здесь, при дворе, не оставил я предобъявить, что надлежит мне до Вашего Величества куриера отправить (с известием, что в добром здоровии прибыл в Бухары и что Ваша царская грамота со всякою честью и почтением принята была от сего хана, при том же просить указу Вашего, по которому тракту мне назад возвращаться будет, ибо с хивинцами у нас теперь недружба), и просил от сего хана на то позволения, которой отвечивал,

что меня во всем вольным чинит и, когда ни захочу, могу послать. Однако ж сколько я ни трудился, такого человека ради нечистых дорог по сие число послать не мог. Токмо генваря месяца до астраханского губернатора писал, и то чрез нагайца одного (посланного от Чапдержапа, по их обыкновению, при караване с листом до сего хана), и слышу, что оной нагаец и караван по сие число в Хиве задержаны. Ныне принужден с ханскою рекомендацією сего курьера отправить до Темир Султана, которой по ханскому прошению велит его препроводить до калмыцкого юрту, а именно до Аюки хана, к которому я также писал и просил, дабы помянутого курьера (ежели сам обретется будет в дальности от Астрахани) на Саратов или где-нибудь инде (в другом месте. — В. В.) немедленно поставить.

По сие число от сего двора мне на харч ничего не дано, и я же о том не досаждаю, яко персидской посол³⁷, которой весь прожился, так что и сам и все свиты его люди платье с себя распродали, также и оружие, и не знает, как бы отселе подняться в дорогу. Не додали харч его, [хотя] сполна ж повешено, и выезжать ему велено и больше не мешкать в городе. Оного посла харч содержится в полторы тысячи денег на день: самому — тысяча, купчине — пятьсот, и то на пятьдесят дней токмо. Да еще как грамота ему вручена, дано в презент ему двадцать тысяч, а купчине — десять. Ко мне сперва приносили также харчевые деньги — по тысяче денег на день, и я не принял, и одно (первая причина. — В. В.), что требовал больше, нежели кизилбашскому послу определено. Другая причина: по случаю, не на все дни сполна приносили деньги, то я отвечивал, что благодарен на ханской милости, но, не имея ныне нужды великой, изволил бы опосле все вместе [получить] числом таким, каким пристойно и за благо рассудит. Сей двор с той причины гораздо на смех подняли кизилбашского посла, сказуя, что я чрез два государства проехал и сыт сюда прибыл, всех женерозно (генерально. — В. В.) подарил, что все контанты (довольны. — В. В.) были. А он с границы на границу перевалился и, приехав, деньги на корм захотел, а подарки его зело плохи. И здешние таковы: стыду не знают и сами претендуют. Помянутой посол иной комиссии и не имеет до хана, токмо просить о добром союзе против общего неприятеля — Ширгасы хана, дабы добрый друг и сосед потрудился о времени его, понеже слышно было, хан намерен был Темир Султана высылать. Комиссия также, но партикулярно (между прочим — В. В.), чаю, от оного посла была, чтоб меня шлюнировать и в некредит поставить. Ибо мне донесено, что при разных случаях озбекам на Вас наговаривал, сказывая, прибыль не будет Бухарам от дружбы Вашего Величества, понеже с ними не граничите, и ежели дружбу желаете для купечества за свою прибыль, и так чрез Хиву и чрез шаховы области торговые русские непрестанно ездят; рассуждал все тем, что с Вами крайнюю дружбу иметь не надлежно, понеже знакомство Ваше им ничего не поправляет. И оной посол, дабы лучше озбсков о том уверить

сказывал же, что и шах сам то же б учинил и с Вашим Величеством великую дружбу весть не хотел бы, ежели бы между двумя государствами Каспийское море не было. Против таких посольских слов не оставил я ныне также шаху услужить. Бухарской и кизылбашской разной закон (вероятно, имеется в виду, что персы — шииты, а бухарцы — сунниты. — В. В.) моим словам кредит прибавил, а потому ведомости такие рассеялись, будто Даут Бей, о котором я прежде сего писал, Шемаху взял и оною владеет и будто Ваше Величество по его прошению на секурс (на помощь. — В. В.) ему многочисленное войско послали, с которым всем Ширваном завладели. Такие вести хотя и фальшивые были, однако ж хан рад тому явился и сказал своим ближним, что Ваше Величество также и кизилбашев не любите и вспоможение чините лезгинцам, которые сунние (сунниты. — В. В.) и одного закону суть с бухарцами.

Что касается до комерции, Вашему Величеству доношу, что оная комерция в здешнем крае с добрым порядком, как инде (в других местах. — В. В.) практикуется, николи заведена быть не может, разве тогда, как хан получит соврените (свободу, т. е. укрепит свою власть. — В. В.), озбеки ему мешать не будут. Озбеки капитуляции не разумеют. Они знают токмо, кого могут обирать. Им все равно, что русские, что бусурманы — всех обирают. Того ради и здесь одному присажему торговому за деньги вдруг товар свой продать не возможно, для того что здесь не сыщется такой торговой богатой [человек]. Токмо перепродавцы товар берут в долг, а заплачивают как продадут на лавке. Не без того, что и денежный человек сыщется, однако ж со страху от озбеков себя не оказывает. Другая также не малая причина, что, на приклад, купец один от другого товар купит на наличные деньги и оной товар продержит хотя три года, потом захочет назад отдать, и то по озбекскому суду позволено, и протчая. А что касается до товару здешнего, то оного сыщется довольно. Некоторой на Русь годится, а некоторой и далее. А русской товар здесь весьма потребен. Однако ж после учинившейся с Хивною недружбы нагайцы весь торг здесь попортили, для того что премножество товару привозят и дешево отдают или на иной товар меняют, чтоб поскорее на своих верблюдах назад возвратиться. Пред приездом моим велик нагайской караван был здесь, которой, опасаясь меня, как скорее мог распродал свой товар и поехал. По приезде моем также караван большой в Хиву прибыл, и с того каравану верблюдов с триста товару сюда привезено, а именно сукна, порешин (выдр. — В. В.), бобров, стали, олова и стволов на фузеи, целые три верблюжные юки. И я хотел отобрать такой заповедной товар⁸⁸, и послал я к караванбаше и к другим при караване присажим татарам человека, чтоб их ко мне позвал, и оные не послушались, сказав: «Мы степные татары, а не астраханские и посланника не знаем». А между тем пошли к аталыку новому бить челом о заступе, чтоб я их не избидел. И оной аталык, взявши от них подарок,

прислал ко мне с прошением, чтоб оных новоприезжих татар степных, яко суть уругу его мангуцкого (г. е. рода Мангыт.— В. В.), не изобижал, а что не послушались и не пришли ко мне, и то б я им простил. Чего ради я более оных и не прошал (не звал.— В. В.). Оные татары все степные сказались, опасаясь меня, а то были астраханские и казанские. Также весь товар, которой привезли, ни один не был под клеймом, и за оные пошлина не заплачена, яко тихим образом выслан из разных мест от торговых и вручен помянутым татарам яко прикащикам, и, как я слышал, большая часть была индийского товару из Астрахани с русским и армянским товарам вместе. Много же товару, сказывали мне, из Саратова к калмыкам и татарам приносится, и при том товаре юков по десяти, по двадцати бывает вдруг курков и винтовочных стволов, которых ныне в Хиве тьма продано от нагайцев. А помянутые три юка токмо сюда привезли нагайцы ради того, чтоб всегда с Хивою недружба велась, чтоб товар чрез их руки посылан был. Сами же нагайцы при здешних бусурманах говорят, что, по древнему поведению, им одним (а не русским) с товарами как в Хиву, так и в Бухару приезжать довелось. Как поволите, Ваше Величество, об здешних полоненных русских казаках, солдатах и протчих, не токмо которые при князе Бековиче взяты, но и про оных от каракалпаков и казаков (казахов.— В. В.) заполоненных? Ко мне непрестанно прибегают некоторые, про откуп просят, а иные и милостыню требуют, ибо хозяева худо их кормят при такой дороговизне, и я делаю, что могу, одного Христа ради, понеже и сам не знаю, как бы своих людей прокормить, и то в долг, пока милость Вашу получу, об которой прошу Вашего Величества. Изволите надо мною умилосердиться и узреть на такие мои великие иждевения чрез такое долгое время. Сей курьер по повелению Вашему объявить может о русских полоненных при хане и при придворных его — [их] двести пятьдесят наберется, а во всем городе — с тысячу, в Самарканде и по иным городам и деревням, на степи при озбеках, которые бунтуют, — всего на все 2000. Как сказывают, в Балхе и в Анкуе также их число немалое, а в Хиве и в Аралах тысячи с полторы наберется (все такие люди при оказии могли б служить, а оружия доброго не имеют). В Кизилбашах, в Астрабаде, [их] довольно, понеже из Хивы непрестанно туды бегают, надеются на дружбу шахову с Вашим Величеством и паки вновь в полон попадают. Тоже: буде человек русской отселе уйдет в Хиву — полонят, а из Хивы сюда уйдет — полонят же. А ежели бы не то было, наши бы русские, собравшись по пяти десят, по сотнице, умели бы в Кизилбашскую землю пробиться.

Вашего Величества всемилостивейшего
нижайший раб Флори Беневени.

[1, 1722 г., д. 1, л. 25—35].

**Копия с цифирной реляции
посланника Флория Беневени, которая писана
на столбцах по обеим сторонам ***

По указу Вашего Величества велено мне осведомиться за-подлинно, есть ли в реке Аму, или, как по здешнему именуют, Амудерия, золото и сколь много оного достать можно, чего ради, когда мы сюды ехали и чрез оную переправлялись, я сам все подробно осмотрел. Сего ж куриера и вниз и вверх реки проводывать посылал. И везде песок один явился, а песок, как с образца усмотреть можете, золотые искры имеет. Часа с три езды отселе — также река, Кюрам именованная, из которой как к резиденции [Бухаре], так и по всем в окружности деревням наврacheают (так в тексте.— *В. В.*). Она зачинается из гор самаркандских и паки впадает в помянутую Амудерия, и песок также отчасти с искрами золотыми. Пробе надлежало, да секрету не имею. Доношу Вашему Величеству, что река Аму из золотых руд начало свое не имеет. Но между иными реками, которые в нее впадают, река Гиокча заподлинно из самых богатых руд начало имеет, а именно близко Бадакшану. При том начале крупное в горах золото сыскивают тамошние жители, а наипаче во время [когда] овсе стригут: шерсть их в воду кладут и насыпают грязью и песком, а потом на берег вытаскивают и, как шерсть высохнет, вытряхивают золото самое чистое. А в горах золото и серебро искать заказано и непрестанно в таких [местах] караул держат. Тамошние беги также не допускают брать ляпис лазули³⁹, из которого камни целая гора большая стоит. Однако ж секретно вывозят непрестанно. Два часа далеко от города Батфав одна большая гора есть, в которой драгоценный лал⁴⁰.

На сходу (склоне.— *В. В.*), отколе лал вынимают, железные суть ворота поделаны и накрепко затворены за печатью ханскою и всех тамошних бегов, которые в сороке считаются, и без позволения оных хан один отворить не посмеет. Народ тамошний калча⁴¹... (слово неразборчиво.— *В. В.*), и хана прежде сего над собою не имели, кроме помянутых бегов, и недавно как иного (некоего.— *В. В.*) хана выбрали. Имя его Мирар хан, и тот нынче управляет.

Когда отец сего бухарского хана в доброй силе бывал и владел Балхом, во все годы одного из своих ближних посылал туда лалов собирать. И помянутые беги, опасаясь бухарских сил, не отказывали: и как лал, так и золото давали. Балх (балхские беги.— *В. В.*) потом, когда от Бухаров отцепился и себе особливому стали давать оную дачу, однако ж ненадолго. Ибо увидя, что и тот ослабел, всем генерально отказали, и с того времени помянутые ворота не отворены и лалу никто не бирывал.

Отселе до Балху с верблюдом дней десять езды, а из Балху до Кандегару семнадцать мензил⁴² считают. Ныне [по этой

дороге] никто не ездит, для того что озбеки между собою драку имеют и везде на дорогах грабят.

И как чрез Аму переправишься, на четыре дни степь, и в этих местах три караван сераля (караван-сарая.—*В. В.*) и воды колодезной довольно, а по тем самые хорошие поселенные места зачинают [ся], хлебом довольные и всем, что человеку нужно на пропитание. За пять ден от Бадаксана горы суть, в которых всякое удовольствие, ни Хиве ни Бухарам не в пример. Сие слышал от одного человека, которой во оных местах везде ездил. Оной же мне такое слово сказал, будто хан бухарской с озбеками вместе весьма не с ума (т. е. находится во вражде.—*В. В.*), понеже лучше хочет в нищете и разорении жить и друг от друга непрестанные нападения терпеть, нежели бадаксанские богатства доставать, которые с небольшим трудом достать можно. Имею я также при мне армянина одного, которой в Бадаксане тоже был и вышеписанное все свидетельствует. В самаркандских горах, из которых помянутая Кюрам река зачинается, также золотые руды сказуют. А что иных металлов и здесь, в Бухарах, заподлинно довольно, как меди, квасцов, свинцу и железа самого доброго. По сю сторону от Аралов, в хивинских областях, в горах Шеджелильских, серебряные руды суть заподлинно. Я то прежде слышал от татаров, а потом подтверждение имел от одного полоненного, старого русака, которой мне яко презентисте сказывал (т. е. великодушно поведал.—*В. В.*), что при Аран хане хивинском (тому будет тридцать лет) один кизилбаш хану донес, что в таких горах серебро и оного много достать можно. Чего ради хан, определяя работников, послал оного немедленно такое серебро искать, и с невеликим трудом сыскано и хану на образец большой кусок камня прислано, из которого при пробе больше половины серебра вышло. Чтó услыша, озбеки большие, собравшись, и вдруг к хану приступили, представляя ему, что такое серебро не токмо вынимать не падлежно, но про него ниже человеку (никому.—*В. В.*) дати ведать не довелось, ибо могут с того легко войну с суседами нажить. Чего ради хан того ж часу велел сыскную руду по прежнему зарыть и оного рудокопца живого в землю закопать.

Река Аму в старые годы заподлинно в Каспийское море текла. Но не вся, токмо половина⁴³. А для которой причины отвращена вода и так крепко запружден проток, никто о том верно донести не может. Одни сказуют, будто река пресечена, когда по той реке вниз к морю жилия пустыли. А другие говорят, что по Аму реке до самого моря жилия было множество и хороших городков, а в них жил народ самый непостоянной, от которого Хива, так и Бухары великие разорения терпели по все годы, чего ради все озбеки, собравшись вкупе, поднялись на оной войною. Однако ж увидя, что вдруг победить невозможно, разсудили за благо воду весьма пресечь, дабы сжаждити его и [дабы] ретироваться тот народ принужден был, а те бы места опустели.

Сей курьер породюю гречанин, при мне служил яко казацкой сотник, везде верную свою службу со особливою смелостию оказывал. Ибо я его в некоторые дела употреблял и в разные места про золото проводывать посылал. Сталось было токмо послать плотину смотреть, какова она и мочно ли вновь прорыть и поток учинить. Однако ж потребно б было инженера одного вместе (с ним) послати верного все регулярно осмотреть, а такого человека я не имею.

Со всякою покорностию Вашему Величеству последнее мое слово предлагаю, что, ежели Вы желаете себе авантаж (выгоду.— *В. В.*) доброй и довольную казну прибрать, лучшего способу я не сыскал, что ко описанным местам собираться (сила все резоны уничтожит). Посторонних велико опасение не будет, а наипаче при нынешних случаях, ибо все дженсрально между собою драки имеют: озбеки хивинские, бухарские, гакже пантонские (т. е. антохойские.— *В. В.*), авганы в войне давно с кизилбашами. Одни индейцы остались, и те пуше всех в беспокойстве обретаются, для того что тамошние князья между собою в жестокой войне. А что ташкенцы, киргисы (здесь: собственно киргизы.— *В. В.*), каракалпаки и казаки (казахи.— *В. В.*), и те никакое помешательство учинить не могут, а наипаче ныне, ибо черные калмыки⁴⁴ оных казаков в пень разорили, и что наилучший городок у них взяли, и тут засели. Ожидаю чрез сего курьера указу.

Вашего Величества нижайший раб,
посланник Флори Беневени.

Из Бухар, 10-го марта 1722-го г.

[*P. S.*] При сем доношу Вашему Величеству, что Хан Кули Баши посол, яко бусурман, Вашу царскую милость весьма позабыл и многие непристойные слова про имя Ваше говорит. Однако ж я, увидя такую инконвениснцию, немедленно чрез добро все поправил. Сей курьер все скажет.

[1, 1722 г., д. 1., л. 48—51 об.]

С реляции Флория Беневени по разобрании с цифр написано следующее * 45:

Из Бухаратши 4-го марта 1723-го году покорнейший раб Флори Беневени.

Прошедшего году марта 10-го числа к Вашему Величеству отправил я отселе с письмами курьера, про которого ноне токмо по прибытии нагайского каравана из Калмуков в Хиву с великой радостию услышал заподлинно, что в добром здравии приехал и письма в целости вручены, а чрез целое лето не мог подлинной добратся информации. Некоторые из Хивы вести подали такие, будто казаки, когда караван разбили, всех армя-

нов в полон взяли и при том же куриера моего, а другие рассказывали: за письма на том месте изрублен. Чего ради отправил я тогда вновь чрез Хиву и дубликаты и трипликаты, и те пройти не могли, ибо из Хивы каравана не было, а с мангишлацкими трухменами одному человеку ехать опасно, и паки оные письма ко мне назад привезены чрез Кизилбаши. Что делати. Хотя и проезду не было, но [ге]рацкие авганы дважды на Мешед ехали, и оной город в осаде. А на степи... и шые трухмены не отменно (неотлучно.— *В. В.*), так что и птише не пролететь. Прошлого году, сколь много ни выехало караванов из Мешеду на Бухарши[ну], на Ират или на Испогань, всех или трухменцы или авганцы разбили. Тут же русского товару немало явилось в продаже. Дороги везде кругом залегли (все дороги в засаде.— *В. В.*), токмо одна балхская дорога отчасти служит, а и тамо ныне торг весь оскудел, ибо четвертый год тому караваны не ходят в индейские страны на Кабул, Лахор и протчие города. Оттоле к Кабулу также не проезжают, ибо узбеки в горах сильные стали и непрестанные промеж собой драки имеют.

Хивинской хан Ширгазы в прежнем обретається состоянии со всех сторон, как от узбеков, так и от аральцов; от первых боится для притчины русской, ибо что будто их в гости ждут, от других боится, дабы Шах Темир Султан не сотворил над ним стратаджем (подвох.— *В. В.*) такой, какой прошлого году сам над оным учинити хотел, чего ради в народе и не кажется и каждого к себе не допускает, кроме троих, которые крепко держат его партию, и по их совету поступает помянутой Ширгазы хан. Стратаджем сей был прошедшего сентября. Подослав к Темир Султану в Арали партизана (одного) из наибольших узбеков именем Колуму, дабы каким хитрым образом его, Султана, потерять (убить.— *В. В.*), и оной Колуму так себя доброжелательным и усердным при Султанае окажет, что [тот] фальшивым его словам и поверит: тут же представит Султану, яко же бы самое удобное время Ширгазы хана атаковать, обещевая своим уругом великое учинити споможение, чему Султан весьма рад покажется и того ж часу во знак своея милости прикажет на оного узбека самый богатой халат надеть и всякою оному честь учинить. После того [Султан] объявил свое намерение, что несколько дней спустя ехать готов, чего ради помянутой Колуму бей и написал того ж часу к Ширгазе хану, [что] весьма надеется врученную ему комиссию исправить и дабы [хан] ему на встречу к урочному месту войско свое немедленно высылал. Караул на заставе и поймал такое письмо и привез Султану, которой, как доведалься, что думали над его головой сочинити, показал изменнику письмо за собственную рукою, велел на том месте самому голову отрубить, также и другим четырем узбекам и те головы со своим послом к хану [бухарскому] в триумф послал, а хан взаимно со оным послом отправил к Султану в Арали посланного от Ширгазы хана посла, что оной Султан комиссию его послушал и ответ учинил надлежащий до Ширгазы, [а]

Гусейн хан ⁴⁶ давно как фальшивым [Ширгазы] признал и присылки его весьма не любит.

Помянутой [хивинской] посол был законник Ходжа, ибо Ширгазы опасался иного послать, дабы сей [бухарской] хан его не зарестовал по прежнему, а приказано было оному послу при здешнем дворе объявити, что русские войска заподлинно по первыми снегами приезжать хотели, также представил и так хану, как и другим узбекам, что ежели нещастие над Хивою учинится, то и Бухарам того не миновати, и что, понеже все единого закону бусурман, и надлежало им меж собою помириться и паки приуготовляться на оборону противу главного и общего неприятеля — [России], которой не токмо единою Хивою, но и всем бусурманским юртом завладети намерение имеет. Ширгазы хан, понеже казны имеет и своих узбеков довольствует еще кое-как, и с Шах Темир Султаном сладить может, но со стороны Вашего Величества пущая ему беда пред глазами является, и что [ни] день, то русских в гости ожидает.

Прошлого году в мае месяце Аюка хан чрез тюккараганских трухменов хивинскому хану ведомость подал о пришествии Величества Вашего на Саратов со намерением, чтоб под зиму войско на Хиву посылати; также написал, сколь много верблюдов и лошадей от калмыков взяты и сколько велено построить арбов; после того ведомость подана, что войска отправлены противу лязгов и сами к Терику путь восприяли. А что заподлинно — по первом снеге и на Хиву также поход будет, чего ради все хивинцы здрогнули было и многие сюда, в Бухары, ретироваться хотели, ежели б приезжие нагаи и калмыки в прошлом декабре оных да не обрадовали отчасти, ибо сказали, что русские зимою не будут, но весною всеконечно. Ширгазы хан по всякой день совет держит с своими ближними узбеками, как бы лутче при Вашем Величестве сие дело поправить. И оной присудил за благо, чтоб немедленно всех русских полоненников собравши, та кож де прибрав к тому самые драгоценные подарки и оных своим послом к Вашему Величеству отправить, авось (так себе на ум поставил) милость покажете и намерение свое уничтожите. К сему ханскому разсуждению узбеки и пристали было, токмо един кушбегий ⁴⁷, фаворит его, не поволит, представляя, что такая посылка (ежели заподлинно еще Ваше Величество над хивинцом реванж учинить хотите) весьма мало пользы будет и что надлежит вначале на Бога положиться, а после на свой ум, думая, как и прежде, обманом отделаться.

Помянутой Ширгазы хан, слыша, что я еще здесь обретаюсь, и то для дороги, дважды посылал ко мне некоторых особ из здешних жителей, ему знакомых, позывая меня, чтоб я без ни которой опасности в Астрахань возвращался чрез Хиву, а не чрез Кизилбаши, обещая мне всякую честь учинить и препроводить даже до Астрахани. Сие мне объявлял яко доброжелательный Ваш друг, а между тем ни одного из торговых ни обыскав (не имеет ли до Вашего Величества писем от меня), чрез

Хиву не пропустит; призывает меня в гости, а курьер мой насилу освободился от его рук, и то за порукою головою. Шах Темир Султан, когда услышал про поход русской на Хиву, прислал к сему хану [бухарскому] со упрощением, каким образом ему при таком случае поступать доведется. Которой отвечивал, что с русскими надлежит весьма ласково обходиться и **ни** которую противность не показывать б, пока сами противиться не зачнут. [К] оному Султану с прошлого году апреля [переметнулась] Ширгазы хана партия, [которая] разбеглась и по сю пору в Аралах мешкает, и все то чрез измену узбеков. Однако ж ныне вновь прибираются ехать, ибо после, как [Темир Султан] женился в Каракалпаках на сестре султана одного, много каракалпаков к нему пристало, и надеемся на сих днях что-нибудь услышать. А, по моему мнению, кажется мне, что хивинские узбеки и хана и Султана обманут и обоих потеряют, а постороннего хана, кто бы ни был, на ханство посадят. Более, [чем Ширгазы], яко в Вашем царском гневѣ обретається, Султана не хотят, опасаясь, дабы оной не стал отмщать кровь отца его, Мусы хана. Вашему Величеству в прошлом году описал я отчасти замирение, которое было тогда промеж здешним ханом [Абул-Фейзом] и узбеками, к тому ж приписал о том примирении, чего и ожидали, однако ж опосле время так сбилось: убитого аталыка Фераст бея меньшей сын, которой был под арестом, ушед к брату его в степь прошлого июля, где зачав отмщать смерть отца своего, на все стороны бросился озорнически деревни грабить, и так ему пощастилось, [что] завладел двумя городками, в которых и сам засел, и хотя от хана оногo посылка и была, однако ж ничего учинити не мог, и потом что день победы... последовал, [но вместе с тем] в сентябре бывший его, хана, аталык... Брагим Бей, что ни пуще враг, пошед на Самарканд, оным городом завладел⁴⁸. После того (вкупѣ с другими узбеками) одного из ханской фамилии, а именно Ширгазы хана двоюродного брата, на ханство поднял, нарицая его Реджеп хан бухарской, и выдал за него дочь свою, а сам по старому в аталыках постановился. Также другие придворные чины разным узбекам разделил и много казны подарил и непристанно дарит, дабы за нового хана верно стояли и поскорее б бухарского хана или живого или мертвого увидети (заполучить.— В. В.). Чего ради многие малконтенты (недовольные, мятежники.— В. В.) к новому хану Реджелу пристали, а наибольший один из узбеков, на которого сей хан [Абул-Фейз], яко на своего брата, надеялся, после как [даже] отсель честной халат послан, внезапно изменил и прислал к партии [противников] сына своего, чтоб здесь [в Бухаре] городу страх подал, а хана из Самарканду в свои городки стал призывать. И тот его сын великие пакости наделал, до самого города [Бухары] с одной стороны до чиста разорил. Никто из узбеков на драку выезжати не хотел. Претендовали, чтоб и хан [Абул-Фейз] выезжал и удовольствовал бы их жалованием, а все искали, как бы лучше хана

потеряти. А в городе страх такой был, что неподобный крик и воп. Деревенские люди, которые спаслись уходом, чуть не принудили хана из города бежать, ежели б озбечье дело не управлено было, ибо хан, последнее разделив узбекам, выслал оных под командою ныняшнего начальства, а сам остался в городе, обещава, что и он также с достальными военными последовать хотел (а не выезжает). Ныне пятый месяц как в неотменном страху живем, дабы внезапно узбеки со стороны нового хана [Реджепа] город не штурмовали (что Бог да не допустит, понеже бы всем нам сделали тоже б, что большей части ханского двора учинили). [Новый] аталык как отсель поднялся, месяц тому минуло, а ничего не сделал доброго... Пишет [хану], что узбеки не хотят драться, и будто без акции большая часть уже разошлась, и надлежит де самому хану выезжать или на тридцать тысяч золотых высылать для роздачи узбекам, а не так, и сам назад будет. Новой хан — по сию пору в Самарканде и ждет, пока в силе станут лошади, чтоб к Бухарам поход воспрятти, что всеконечно сбудется, ежели некоторые узбеки из самаркандских гор оному помехи не учинят, на которых сей хан [Абул-Фейз] великую имеет надежду.

Сей хан, також де и некоторые его ближние, зело б рады были при нынешних случаях услышати про русские войска, что в Хиве, ибо в декабре непрестанно посылал ко мне разных спрашивати, не имею ли я подлинное известие, будет ли Величество Ваше посылать на Хиву или нет. И я хотя и ответствовал, что я из Астрахани куриера не получал и Ваше намерение ведать не могу, а ежели бы такая посылка учинилась, то б против неприятеля общего. И хан не поверил, думая, [что я] тихим образом письма получил, а не объявляю (а все то другие ему внушают на зло мое). Однако ж ныне и поверил. Донесено ему, что отправленной ко мне от Астрахани куриер на дороге убит. Год тому минуло, как я отправил куриера, а за моим несчастьем ответу получить не могу. Токмо беду чуть не нажил. Письма потерянные сыскать туждался, то и меня самого шпионом оклеветали недобрые люди, которые также сказали, что убитые оба ко мне за шпионством ехали и того ради убиты. И Хаджа Улфет, однако ж, крепко за меня стоял пред ханом, с которым (как ныне я его на мой кошт признал) никогда дело управить не можно. Каждому доводчику (доносчику, свидетелю.— В. В.) верит легко и часто пременяется. Также весьма фуриоз, что ни пущий секрет содержать не умеет, так что того ж моменту одному и другому за конфиденцию объявлял, так что ни письма, ни слова секретного подать не возможно. Прошу Вашего Величества, дабы надо мною Вашу царскую милость показать, меня из узбекских непостоянных рук высвободити изволили, чтоб за напрасно более не мучиться при сем варварском и без основанная управительстве, ибо все хана, а больше для фигуры токмо, и слушаются ему тогда, как увидят, что из такого дела интерес свой партикулярно зависит.

Податель сего будет башкирец один, торговой человек, именованный Мола Максу, Юнусов сын, прозвищем Амремзей, из Уфимского уезду. И оной с начала, как сюда приехал, пришедши ко мне, показался, что он, яко верной Вашего Величества подданной, желает заслужиться и увидеть царские очи Ваши, чего ради употребляется в сем деле. И чтоб как скорее можно съездил [и] с ответом паки назад, (или морем, или сухим путем) ко мне возвратился. Ибо ожидаю указу Вашего Величества при нынешних случаях, как бы мне поступить и по которому тракту ехать, о чем прежде сего было прошение мое.

Получено в Санкт-Петербурге ноября в 20 [-й] день, 1723.

[I, 1723 г., д. 1, л. 7—12].

При дубликате реляции цифирной посланника Флория Беневени из Бухар от 10 апреля 1722-го ⁴⁹, полученной в Москве чрез присланного от него камердинера Николая Минера марта 31 1724-го, в прибавление написано *:

Приезжие нагайцы, человек шестнадцать, некоторые из Астрахани, а некоторые из степи, сказывали разные вести. Одни подтверждают, что Ваше Величество при настоящей кампании как на Шамаху, так и на Хиву войско посылать намерение имеете. А другие сказывают, будто на лезгинской стороне более дела не будет, понеже посылка против лезгинцов, а наипаче пришествие Ваше в Астрахань султану турецкому немалую подало суспицию (подозрение, повод думать.— В. В.), чего ради зачал со всяким поспешением войско собирати на оборону, а меж тем будто [султан] писал до Вашего Величества, спрашивая, за какую причину и под каким намерением приехать изволили. Также на письме объявил: ежели далее подле границ его войско посылать будете, то он, султан, войну декларировать будет. И Ваше Величество будто ответу учинили, яко же приезд Ваш в Астрахань случился гульбы ради. А что касается до войска, оное посылали против лезгинцов для отмщения токмо и приведения их своевольства, однако ж по окончанию велели войску паки назад возвращаться в Астрахань, понеже и с хивинцами такое же дело имеете, а что сами в скорых числах к Санкт-Петербургу путь воспрять намерены и протчая. Месяца с два тому, как набольший при хане Хаджа Улфет спрашивал меня, не ведаю ли я против кого султан турецкой на войну вступил, против Вашего Величества или против шаха персического, сказывая мне, будто такие слова слышал от одного дервиша, которой прошлого году в апреле, когда из Меки назад сюда ехал чрез турецкие области, видал: по указу султанскому [его] бесчисленное войско маршировать хочет к Константинополю, так что большая часть деревень тамошних опустела и токмо

один женский пол остался. И помянутой дервиш будто слышал от тамошних, что султан имеет войну с немцами. Узбеки всех европейских немцами почитают. Однако ж я помянутому Хадже [Улфету] растолковал и показал, что, ежели султан войну имеет, с иными имети не может, окромя цсаря⁵⁰, и то для возвращения потерянного в прошлой войне⁵¹. Все узбеки дженерально рады бы были услышати такую причину над русскими, нежели над немцами, чтоб Вашему Величеству помеха была и не могли бы войско на Хиву посылати, ибо ныне над оными узбеками (чему весьма верят) пророчество из книг является, что им в здешнем крае не надолго владеть, но иному, постороннему государю; при том же слыша, что Ваше Величество в этом и мир уже сочинили⁵², зело опасаются, дабы помянутое пророчество не упредило, чего татжик и хиред (таджики и гератцы.— *В. В.*) непрестанно от Бога просят, чтобы из-под узбецкого несносного хомута скорей вырваться.

Сей дубликат отправляю чрез Кизилбаши с астраханским татаринном, бывшим при мне толмачем, вместе с камердинером моим, которым я приказал схать на Астрабат, а оттуда по мазандеранской дороге подле моря на Гилян или на иные места по их рассмотрению. Прошедшего марта месяца в последних числах отправил ориджинал чрез казацкие юрты с одним башкирцом, которой сюда за торгом приезжал. Помянутого татарина толмача (хотя я его в секретных делах и не употреблял) отсюда со обнадеживанием высылаю, ибо в некоторых случаях отчасти на оного подозрение имел; чего ради, пока я здесь обретаться буду, паки его ко мне более посылати не надлежало, но в Астрахани також де в надежде до врмени приудерживати. При моей здесь бытности не оставил верных своих людей посылати в округлость по узбецким юртам для осмотра некоторых мест: так ли, как я от других слышал. Посылал також де, чтобы получить подлинное известие, в которых местах золото выходит, також в которых горах серебряные руды суть и протчая. Чего ради отправляю куриером сего моего камердинера, которой бы мог обо всем, что слышал и видал, на словах реляцию учинити. Се я посылал его в Балх с товаром яко торговым человеком и далсе сще даже до Бадаксана. Я было им до Лахору приказал бы ехать, но, понеже тогда от узбецких набегов караваны проезжати не могли, паки из Балху назад возвратился.

Посылаю чрез сего камердинера на образец золото, которое по Сыр реке (по здешнему Сырдерья) по берегам в песках встречается. Оное золото привозят сюда на размену золотых печатных (монет.— *В. В.*) или на товар, ибо тамошние не имеют монеты иной, окроме некоторых серебряных денег, при отце сего хана печатанных, когда оные места под его командом были. По помянутой Сыр реке везде можно золото сыскати, но в Индиджане и Мергалане зело довольно, а что в иных местах, сей куриер верно объявит. Я бы душою рад все персонально объяви-

ти, но за моим несчастлием принужден на письме и чрез других информацию посылати. Я сполна не описываю, каким образом посланные из Астрахани куриеры в дороге пропали, что от писем учинилось и протчая, также какие на меня фалшивые при сем дворе доношения поданы были, а наипаче от туркистанского хаджи одного, с чего при сем для мемории список посылаю, понсже приказал ему, куриеру, все пространно на словах изъяснити Вашему Величеству. Прошлого году из писем моих донесено про астраханских нагаев, которые без указу сюда приехали и везли заказные товары; все то на лишнюю мою беду [я] написал, ибо новоприезжие татары жаловались, что я худо на них написал к астраханскому губернатору и весь их торг пресек. Также (что ни пуще) некоторые бухарцы, которые из Астрахани приехали, сказывали, что несколько бухарцов за арестом в приказе сидят и пропуску оным не дают, почитая их шпионами Ширгазы хана хивинского. Чего ради всепокорно прошу Вашего Величества, дабы надо мною Вашу царскую милость показать и не допустити меня к крайней беде, а наипаче в нынешних случаях повелевая, пока я здесь обретаюсь, чтоб никакой гневу Вашего вид над бухарцами не показывали, а то б мне и здесь так же воздано не было, ибо озбечеье разсуждение весьма грубое.

Вашего Величества всепокорнейший
раб Флори Беневени.

Из Бухар, 10-го апреля 1722-го [1723] г.

[1, 1722 г., д. 1, л. 72—75].

А присланной от него, посланника Флорио Беневени, из Бухар с вышеписанным дубликатом реляции камердинер Николай Минер в государственной Коллегии иностранных дел апреля в 15-й день 1724-го году сказал * 53:

Поехал де он, Николай, из Бухар от него, Флория, 1723-го году апреля 10-го дня и ехал от Бухара чрез Трухменские степи в караване с бухарскими трухмены на Персицкую область, а имянно до Гирата, осемнадцать дней и жил за опасностью от бунтовщиков авганов пять месяцев и шестнадцать дней, для того что у них было великое замшание и безпрестанная драка и многих российских купцов в то время ограбили. А из Гирату поехал он с некоторыми трухмены и бухарцы знакомыми в караване в Мешет и [при]ехали чрез осемнадцать дней и тамо жили семь недель за тем же разорением и бунтом. А из Мешета ехали на провинции Астрабат и Мизандрон и до Гиляни, где за наступлением зимы жил до вскрытия воды шесть недель, а потом отправил его оттуда бригадир Левашов водою до Астрахани. И тако за вышеописанными причинами он в пути принужден был так долгое время медлить. А ежели б де без задержки ехать, больше б не было месяцев двух. А в бытность его при

посланнике Флори Бсневени в Бухарах посылан он был от него, Флория, из Бухар в Балх (разстоянием от Бухар двенадцать дней по верблюжьему ходу, которой счисляется по тридцати верст российских на день) и оттуда в Бадаксан (от Балха восемь дней езды) для проводывания о рудах золотых и серебряных; которые де города подались к Индии, а от персицких городов не близко, разве де из Астрабату то будет езды до Балху дней двадцать, а до Бадаксану — с месяц. В бытность де его в Балхе и в Бадаксане присмотрел он следующее: купчество (торговля.— В. В.) в Бадаксане — более товарами бухарскими, холстами бумажными и кожами, которой товар меняют тамошним бадаксанским жителям на песок золотой и на сплавное серебро, которое не гораздо дорого, например за червонной золотой придет близ тридцати пяти золотников чистого серебра. А песок золотой меняют как на товар оцеля, так и на червонные золотые (например, на сто червонных [меняют] песку весом против двух сот, из которого в переделе убывает токмо по десяти со ста с угаром и с работою, а очистится, на сто — прибыли восемьдесят червонных), и те де товары они, бухарцы, тамо содержат гораздо высокою ценою. Из российских де товаров видел он в Балхе и Бадаксане токмо из мелочей, а именно иглы, зеркала, ножицы, перлы бисерные цветные, что из стекла из мелочей, выдры, бобры, юфть, лосины или замши, сукно подлое самое из цветов зеленых, васильковых и красных и малое число сукон добрых, английских, которые токмо на одне шапки покупают, которые де товары меняют також на золото и на серебро. Те де города Балх и Бадаксан — вольные, под особыми ханами, которых де ханов переменяют зело часто, для того что не наследные. Золото и серебро получают в Балхе из Бадаксана, а в Бадаксане берут из реки Дарьи в летнее время, а именно в июне, в июле, в августе и в сентябре, когда бывают жары и вода в той реке мала. Онос золото натуральное, а не руда, и берут из песку, который берут из реки Дарьи и моют в котлах, а потом, высуша на кожах, бьют прутками, и тако оное золото меж песком означивается, и вывевается от ветру песок, а остается самое чистое золото, и хотя и бывает некоторая малая часть песку, то оная в сплавке выгарает, и берут то золото под самым Бадаксаном. И слышал де он про все то заподлинно от тамошних жителей, а сам того не видал, для того что был не в такое время, когда делают, а был де он тамо уже в ноябре месяце. Оного де золота тамо зело много. Как он сам видел, что когда время было мирное, то в год из Бадаксана чрез Балх и чрез трухменской город Антхой в провинцию Хорасанскую, в столичный город Мешет (которою провинцию ныне владеет бунтовщик Мелик Махмуд хан, бывший провинции Шегистанской владелец), хаживало с золотом и серебром каравана по два, по три и по четыре, и тамо оное золото и серебро переделывают в монету персицкую (с платежем работных денег и протчая) и на онаю монету покупают их персицкие товары. И что про выше-

описанное все известен и знает подлинно бывший в Бухарах и в Хорасанской провинции прикащик Матвея Евреинова Василией Попов, которой ныне сюда, в Москву, недавно приехал, для того что они тамо имели торговой промысл и золото и серебро деланное тамо покупали и на оное товары выменивали. И по той же де реке есть золото и в иных городах, а имянно в Каскаре, Маргиляне, Идизане и Таскенте, а и где есть или нет, того он не ведает. Оная река Дарья идет из Индианской земли из гор от города Кабула мимо некоторых индианских городов и подошла под Бадаксан, а из-под Бадаксана идет мимо некоторых городов и деревень бухарских и хивинских и впадает в Аральское море. А из Каспийского моря водою до той реки хотя и бывал путь и езды было дней с шестнадцать, токмо де ныне пресекли тот путь хивинцы и виден токмо один знак, где хаживали и был проток из Дарьи реки в Каспийское море из-под самой Хивы. А как тое реку или проток называют и в коем месте в Каспийское море впадала, того он не ведает. А ныне де все стало сухо и воды нет. Также де близ Бадаксану есть один небольшой городок (разстоянием от Бадаксану верст с пять), в котором сделана мина (копи.—*V. V.*) за печатями главных тамошних жителей, из которого бадаксанцы получают в тех минах камень лалы, да из гор ломают камень лапиз лазурум, которого тамо зело много. Токмо де украдкою оною камень купцы провозят в Балх и продают тамо батман, в котором весу двадцать пять фунтов, по три червонных тамошних, в которых российской монеты будет рублев с пятнадцать, а в протчих государствах оной камень, а именно в России, покупают фунт рублев по осьми. Делают из него всякие галантереи, например убор к паникадилам, доски к Евангелию, табакерки, чашки, печати и протчая, как из больших, так из мелких вещей. Однако ж де ныне от смятения оные промыслы у них остановились, и никого туда не пускают, и торговать теми камнями запрещено. От того ж де Бадаксана есть одна гора (полдня езды на реке Дарье), в которой, сказывают, будто есть множество золота, и приставлен к той горе на проходе караул хана бадаксанского для того, дабы не показать того никому. А слышно де, что можно б там золото и кусками сыскать, токмо они, по их обыкновению, туда не ходят под прещением смертной казни, а получают то золото токмо песком из реки Дарьи, которой от той же горы водою нанесен. Каково оное золото, тому он привез с собою пробу, також и камни лапиз лазурум, которой камень купил он в Балхе, а больше де того тамо он не видал. Хлеба де, скота и лошадей тамо много и недорого. До оного Бадаксану, ежели ехать от Астрабата, то езды более месяца не будет, и места инде жилые, а инде и степи. Також де слышал он еще, что от Бухар в разстоянии дней по двадцати есть вольные города Каскар, Маргилян, Дизан, Таскент (о которых выше показано), [расположенные] к Сибирской стороне, к Тобольску, близ черных калмык, в которых де родится золото, серебро, мускус, тензуй, ре-

вень. А он в тех городах не был, токмо де слышал, что с тех городов подать собирают токмо черные калмыки. А один из них, город, называемый Касгар, владение черных калмыков, которые под Сибирью, токмо они в том городе никогда не живут, а кочуют около в степях. А в Бухарской де земле кроме всяких земных овощей и скота родится из одного небольшого дерева в степи из червей одна дорогая краска, называемая кермес, а по немецки кушенина⁵⁴, которую в России покупают фунт рублей по осьми, и оной де краски тамо зело много. Токмо де бухарцы не знают того секрета, как ее делать, а набирают токмо тех червей и продают множество жидам, а жида тех червей трут и тую краску делают, а потом ее мешают с немецкою. Оною краскою красят шелк, а в иных государствах красят ею сукны и протчая, которые сукны называют кармазинами. Оная степь от города Бухара расстоянием днях в двух к каракольской стороне, а оной город Каракол — бухарской же. На оной степи пашни и севу ничего нет, для того что зело песчана, а родится только та одна краска. Там же де, в Бухарской земле, расстоянием от Бухар в трех днях, есть город Карсий, около которого в полях находят всегда летним временем манну, наподобие сахару леденцу малыми кусками, которая идет в лекарство в аптеки и оного де там зело много, так что употребляют вместо сахару в конфекты и вместо меду в иствы кладут и пьют с чаем. Продают оную тамо: [за] батман — алтын по десяти российской монеты, весу в том батмане десять фунтов. Оным городом ныне владеют бунтовщики озбеки, а больше де того он не ведает. Народ де бухарской, как он присмотреть мог, что люди обходительные, и многие из них заводны (зажиточны. — В. В.), токмо де в нынешнее время усмотреть прямо невозможно, для того что все оное государство от своевольства озбецкого в замешани и бунте. Ружье де у них обыкновенное татарское, и у некоторых есть ружье жагренное⁵⁵, а у протчих токмо колья и луки. Пушек у них нет, токмо де в городе Бухаре есть пушек с тринадцать индианских медных без станков и безо всего, и стреляют токмо временем, когда праздник, из одной пушки, а протчие так лежат. Ядер, бомб и мортир у них нет. Пороху де у них много, и делают сами сколько хотят, для того что материалы — селитра и сера — родятся у них, а свинец получают из других стран и не дешевою ценою. Сверх того приказывал де ему посланник Флорий донести, что в бытность его в Бухарах житель города Таскента из Туркистанской орды (т. е. из Старшего казахского жуза. — В. В.) именем Хаджа Раим доносил на него, Флория, хану бухарскому словесно, якоб он, Флори, шпион равно такой. как в Хиву послан был Бекович, а притом подал хану письмо в такой силе, якобы куриеры, которые к нему, Флорию, посылаются, шпионы и ездят под именем купечества и осматривают земли бухарские, хивинские и туркестанские. С которого де письма хан бухарской дал ему, Флорию, копию на ориентальном языке, которую он с ним, Николаем, прислал сюда. А оной

де Хаджа Раим имеет купечество в Тобольске и на Уфе, переезжая чрез казацкие орды в Хиву и в Бухары, у которого имеется в Астрахани родной свояк Хаджа, которой живет на бухарском дворе. От которого де его, Хаджина, доношения бухарские узбеки знатные стали быть на него, Флория, zelo злобы (и только де один хан бухарской к нему еще по прежнему ласков является), отчего де он, Флорий, ныне тамо в великой опасности, и велел он донести, что можно того Хаджу поймать на Уфе или в Тобольске, понеже де он тамо имеет купечество и называется двумя именами, а имянно Хаджа Раим и Хаджа Накип. И просит де он, Флорий, милосердия сего императорского величества, чтоб его оттуда высвободить таким образом: дабы послать его императорского величества грамоту или предложить чрез министра своего (т. е. русского консула.— В. В.) шаху персицкому, ежели при оном имеется, чтоб он, шах, дал указ свой, дабы сго, Флория, от границы бухарской Персицким государством пропустили без задержания и давали б провожатых от нападения бунтовщиков. А Бухарскою де землею до границы персицкой, до города Мавра, которой ныне под владением хана мешетского, может он, Флорий, испросить у хана бухарского провожатых, которых де он надеется [получить], и что уже он в том от хана бухарского и обнадежен, и для того более хан бухарской его при себе и удерживает, представляя ему, что ныне Персицким государством, при настоящем смятении, проехать не может. Он же де, Флорий, просит о присылке жалования на уплату долгов и чем бы ему оттуда выехать, понеже де он, занимая тамо у купеческих людей (россиян, армян и астраханских магометанцев), також и у тамошних бухарских жителей, на многое число одолжал и выехать не может и нельзя, а сколько числом он должен, того он не ведает, и он, Флорий, ему не сказал. А которое де было ему дано жалование на проезд и на подарки, то все роздал хану, и ханской матери, и женам его, и двенадцати человекам знатым узбекам, шестнадцати человекам ясаулам да одному маймандару⁵⁶ за неволю, понеже де бесстыдно, с великими угрозами просили. Сверх того, что бывший в России посланник бухарской Ханкулы его, Флория, тамо огласил, якобы с ним посланы от его императорского величества многие подарки, а именно на тридцать тысяч рублей, которых по тому его оглашению у него, Флория, вымогали, и тако он, что ни имел, то все роздал. Також просит он, Флорий, чтоб послать от господина канцлера лист о свободном его пропуске к хану мешетскому Милик Мамуту, которой ныне оною Мешетью владеет. Он же, Флорий, велел ему, Николаю Минеру, донести, что явились де ему, Флорию, в Бухарах в прошлом году купеческие люди российской нации, армяне, астраханские жители и прикащик Евреинова и объявили ему, Флорию, что, едучи де они в пути чрез Хиву, выпросили для безопасности своей у хивинского хана под армянскими именами провожатых, за что де у них хивинской хан взял три тысячи денег хивинских

медных, которые у них ходят непостоянно (временем за червонной — сорок денег, а временем — сто и двести), и дал им сорок человек трухменов. И на дороге де от Хивы и Бухар бывшие с ним в купечестве ж астраханские жители — нагайские татары — научили трухменов их, российских купцов и армян, ограбить. По которому их научению взяли у них трухмены товару на шестьсот на двадцать на девять червонных бухарских по тамошней цене, что де — учинить на российские деньги — больше трех тысяч рублей. И по прибытии де в Бухары, по челобитью их ему, Флорию, те нагайские татары сказались, что будто они не российские подданные и не астраханские жители, но из степи калмыцкой — владения Аюки хана. При них же де было много заповедного товару, а именно сталь, булат, фузейные стволы и протчая. И для подлинного известия и сыску тех нагайцев прислал он, Флорий, с ним, Минером, роспись именам, а имянно: Ядияр, Мулагидай, Шейметет, Кочак, Мула Магамаей, Аивас Баки, Дурсун Кочек, Исмаил, Устачарок, Мейбет, Байбембет, Чаршамба, Бекмай, Авайкатар, Ходжа Шекирум, Худай Верди — всего шестнадцать человек.

Nicolo Miner

[1, 1724 г., д. 1, Л. 1—9].

**Из Бухар шестого на десять [16-го] марта месяца
тысяча семьсот двадцать пятого года ***

По указу Вашего Императорского Величества отправленный ко мне от пятого декабря двадцать третьего года рескрипт с башкирцом Моли Максудом Юнусовым сего марта шестого верно получил. И чрез иного башкирца — Мачакбая Пулатова, ибо помянутой Максуд в Каракалпаках задержан, и каракалпаки, пока от двора Вашего Величества на прошение их о мире добрые и приятные ответы не получат, оною ни сюда ни назад отпустить не хотели, чего ради посланной с ним рескрипт принужден тайным образом чрез Казаки с помянутом башкирцом, товарищем его, отправить, которого паки казаки, не доезжая до сего места, на дороге ограбили, так что без рубашки, токмо в одном нарочито худом камзоле, в котором письма защиты были, сюда ко мне прибежал. В помянутом рескрипте Вашего Величества получил указ, чтоб мне отсель ехать ко двору Вашему безопасным путем, чрез которые места наилучше и безопаснее усмотреть буду. Против чего доношу Вашему Величеству, что Бухарское владение в крайнем обретається разорении. Дороги кругом все залегли, и проезд весьма опасен и труден, везде разбой и везде бунты. На сих днях ведомость получена, что прежний балховской хан Балхом завладел и, убив настоящего хана, брат Шах Темир Султана хивинского, претендента,

паки ханом стал. Ширгасы хан из Хивы уж в третни как тайком засылает ко мне людей с письмами, чтоб я не опасался к нему ехать в Хиву, ибо меня оной, яко Вашего Величества посланника, хотел со всякою честью даже до Астрахани препроводить, дабы чрез такую услугу желаемый мир получить, объявляя, что князь Бекович войною, а не послом приезжал. На что Аюку, калмыцкого хана, в свидетели поставляет, имея за печатью оного письмо. Я хотя оного Ширгасы хана словам не поверил, но в ответ противность некоторую не показывал и всегда учтиво отговарился такими словами, что я о том ко двору Вашего Величества уж писал и ожидаю указа, без которого ни коим образом, опасаясь гневу Вашего, мне ехать не возможно.

По отправлении дубликатов моих чрез целые два года, какие я при сем варварском и непостоянном дворе смертельные страсти претерпел, при сем описать невозможно. И сколько ни труждался об отпуске моем, ни которую на то резолюцию получить не мог. Токмо обманами и разными претекстами меня удерживали и проводили с обнадежением, что честно отправить хотели, ежели б Шах Темир Султан в Хиве ханом поставлен был. А то не сбылось, ибо помянутой Султан дважды уж с аральцами и каракалпаками вместе под Хиву подъезжал и проиграл, так что уходом едва жизнь свою спас в Аралах, где, чаю, ему и скончиться будет, понеже Ширгасы хана партия ныне посильнее стала и весьма труждается, чтоб оного Султана потерять поскорее, имея в намерении против сего хана подыматься. Прошлого году августа 24-го, после когда все, что имел, роздал на посулки здешним министрам, а все когда непрестанным прошением весьма докучил, чтоб меня отсюда отправили, получил от хана конжет аудиенцию (отпускную аудиенцию.— В. В.), при которой грамота мне вручена и отпущен токмо на словах. Ибо хан хотя и приказал было тогда о мне министрам своим, чтоб меня во всем удоволили и скоро отправили, определяя мне конвой, которой бы в добром здравии препроводил меня даже до персической границы, а оные министры мне удовольствия ни которого не учинили, ниже скоро отправили, и более двух месяцев продержали. При том ведомость получена, что Реджеп хан вновь поднялся из Самарканду и едет сюда город атаковать, что весьма сбылось бы, ежели бы не случилось ему нещастие, ибо, не доезжая до сего места, некоторые при нем озбеки изменили и прошли в сторону, то он, хан, с такой причины назад ретировался. А то сей город готов был сдать и так оробел было...⁵⁷.

Народ здешний жил в непрестанном страхе дней с двадцать. Хан сам в намерении был из города бежать и переправиться чрез Аму реку к Чарджову, городку пограничному. А потом, как неприятель отошел, прежестокая зима и великие дожди явились, чего ради, хотя б и отпускали, тогда ехать невозможно было и принужден ждать до самого февраля месяца, в которой едва кое-как отделался от сего варварского двора. А именно

16-го помянутого февраля прошедшего, взявши конжет от некоторых министров, на которых дружбу долее надеялся (те меня и погубить хотели), поехал совсем в дорогу с намерением, чтоб не захватая Мавров (ибо и там непрестанные суть драки между татарами и кизылбашами и город без хана в самовольстве), а иною дорогою, степью на Мечеть, ехать, чего ради намерен был нарочного проводника взять, о чем тогда приобщил, и оные [министры] за благо и удобно разсудили, чтоб я тою дорогою ехал, а меж тем выслали наперед ведомость трухменам прочим, чтоб меня на таком тракте ожидали. Окромя того, от тех же трухменцов особливые при нашем караване шпионы были, и, когда мы приехали под Чикчи, городок в десяти верстах в расстоянии от Аму реки от перевозу, оные шпионы вперед уехали ко трухменам ведомость об нас подати. И то учинилось пред полудни.

Тут же, по нашем щастьем, дождь нас задержал, а на другой день по утру получил я ведомость, что трухмены по ту сторону реки нас ожидают, а на сей стороне двести также в готовности были за нами к перевозу поспеть и удариться хотели на нас тогда, мы перевозились [бы] чрез реку и половина бы людей наших на том берегу была, а половина на сем берегу, чтоб им полехче было нас с обеих сторон разобрать. Чего услышав, я разсудил за благо поскорее назад возвратиться, дабы и на том месте на нас не ударились, что весьма могло статься, для того что тутошние, чикчинские жители с трухменами за одно были. Также ведомость подал было мне один друг мой, что не токмо из Чарджова, но и отселе, из города, ханские калмыки с озбеками вместе, человек с двести, за нами погнались было, чтоб также нас атаковать. Бог, однако ж, явил свою милость и от каждого худого ранконтру (встречи.— В. В.) уберег, и мы сюда возвратились марта 2-го. А по возвращении на третий день несчастливая моя езда в щастливое обратилась возвращение, ибо чрез помянутого башкирца сподобился императорской указ получить. Подал я на письме сему хану доношение обо всем — как ехал и для чего возвратился назад. И никакого ответа не получил, для того что самому стыдно. Некоторые добрые министры похвалили, что я возвратился назад и себя от беды спас. А другие, которые смерть мою ищут, не постыдились сказать, будто я напрасно на трухменов и на иных доносил. Они же подали ведомость трухменам и своих собственных людей на грабеж выслали было. Ныне, как я признаваю заподлинно, с подозрения, им внушенного от новых недрузей, уж давно как зачали яму про меня копать и хотели было меня погубить чужими руками, а не своими, опасаясь, дабы рук не обмарать, как и хивинцы. Чего ради я вне ума моего обретаюсь, не знаю, что делать, как бы от сего варварства освободиться. Везде страх, везде смерть признаваю. На Мечеть ехать намерение имел, но и там не без опасности. А се никоим образом ехать невозможно.

Доношу Вашему Величеству, что, понеже и здесь и на дороге страх велик, определил на Хиву ехать напоследке.

Вашего Императорского Величества
нижайший раб Флорий Беневени.

Постскриптум. 16-го марта означенную реляцию при возвращающихся казаках к своему юрту отселе с помянутым башкирцом паки назад получил, ибо помянутые казаки от сего двора назад возвращены были. Чего ради при сем Вашему Императорскому Величеству принужден паки со слезами донести заподлинно, что на сих днях дум был при сем дворе о мне, а именно чтоб меня потерять и ограбить, а людей всех в полон взять, и один придворной ханской ближний министр токмо за меня храбро постоял и такую варварскую мысль отговорил и уничтожил на время, предлагая хану со всякою меня, яко гостя, честью отправить и препроводить до персицкой границы, а не допускать меня в обиду, а именно не нажил бы имя, как и Ширгасы хан со всею Хивою и протчая. А что вперед будет, Бог один весть. И для того принужден в скорых числах на Хиву ехать, хотя и с опасением; при крайнем отчаянии моем или смерть или живот добуду, авось либо чрез труд и старание мое пощастливится, что хан меня в добром здравии и пропустит и скоро. Токмо бы императорского Величества Вашего милость надо мною была с сожаления одного — о моем мизерном состоянии. Принужден тайным образом отселе выехать. Сего году кампании сему хану всеконечно конец сбудется, ибо к тому многие уже суть признаки. 24-го марта против реляции.

Флорий Беневени.

[1, 1723 г., д. 1, л. 27—34].

**Перевод с журнала италианского,
какой в государственную Иностранных дел коллегию
подал Флори Беневени ***

Краткой журнал текущего 1725-го году от февраля месяца об выезде моем из Бухары на Мешет, об возвращении от реки Аму, для того что трухменцы хотели на меня чинить нападение, об уходе моем из помянутой Бухары, о проезде моем через Хиву, об отправлении ко двору ее императорского величества посла или посланного от хана хивинского, также и о прибытии моем с ним в Астрахань

1718-го году по указу блаженной и вечно достойной памяти его императорского величества был я отправлен посланником к хану бухарскому.

1721-го году в первых днях ноября прибыл я в резиденцию, город Бухару, а как я чрез Персию ехал, о том после в журнале особливом показано будет подробно.

В помянутой резиденции, в Бухаре, принужден я бавиться (находиться.— В. В.) до 1725-го году до 15 февраля. И в таком моем там мешканье хивинской хан, Ширгазы имянуемой (той же, которой был во время князя Бековича), писал ко мне неоднократно и секретно так чрез своих собственных подданных, как чрез купцов бухарских приказывал говорить изустно, призывая и увещевая, чтоб я ехал чрез Хиву и его земли. Однако ж я из всех его ко мне писанных, кроме токмо двух, писем не получил (одно письмо в 1723-м году, а другое в 1724-м), чрез которые письма меня призывал, чтоб я со всеми купцами российскими ехал в Хиву без всякого сумнения, и обещал мне свободной проезд с пристойною честью и с провожатыми до границ российских, не нанося никакого вреда и убытка (как показано будет в журнале по переводу помянутых писем). И понеже я никосю мерою не хотел верить лживым обещаниям и предательным словам Ширгасы хана, для того добрым способом всегда извинялся, что я не мог воспрять такой путь ради двух причин: первое — для того что я не имел таких именных указов от двора императорского величества; другое — что я опасался хана бухарского, ибо он публично являлся его неприятелем и не допускал мне ехать чрез Хиву. В протчем же (примолвил я) надеялся бы я такую славу получить, когда б я мог его величество склонить к примирению с Ширгасы ханом, и то ему сказал, притворяясь, что для того уже я отправил своего курьера ко двору, и что день ото дня ожидал милостивого и приятного ответа, и с сим возымел бы честь видеться с ним в Хиве. Сверх того еще внушил Ширгасы хану, что я весьма недоволен бухарским ханом и его министрами и всемерно намерен учинить какую-нибудь резолюцию противу их согласия, но что ожидал я способного на то времени.

1724-го году в сентябре месяце фаворит Ширгасы хана, имянуемой Достум Бай, уведомясь или от купцов армянских, или от своих хивинцов, или от купцов бухарских, что я во многих моих требованиях напоследок возимел аудиенцию и отпуск от хана бухарского и что я весьма намерен ехать на Мешет, присылал ко мне дважды чрез купца бухарского сказать, и якобы страшая, что ежели бы я ехал на Мешет, а не чрез Хиву, то б после де я зело тужил и все бы мои намерения пошли на ветер и протчая, и посему бы я ни в чем не сумневался, но, с добрым сердцем отважась, ехал бы в Хиву к хану, его государю, которой ожидает благоприятно. Я выразумел слово помянутого Достум Бая (сиречь, что он отправил бы тухменцов в степь по дороге Мешета или Мавры ловить меня и взять в неволю, как он чинил, когда я в 1721-м году ехал в Бухарию, однако ж тогда намерение его не преуспело, ибо тухменцы или не смели на меня напасть, или, по моему щастию, не встретились со мною). В первых днях ноября отправил я из наших татар одного человека с письмами к Ширгасы хану и к его фавориту Достум Баю, что я намерение имею ехать чрез Хиву. Которые письма писал

от меня один мулла, не ложной (здесь: надежный.— В. В.) confident Ширгасы хану, он же, мулла, служил ханской сестре, которая жила в Бухаре близ моей квартиры. А наипаче чрез некоторой малой подарок обнадежась в ее благосклонности, с ее (т. с. к ней.— В. В.) письмом отправил я и свое письмо к ее брату, внушая, что варварство бухарское и ей самой было известно довольно и как я желаю иметь честь видеть ее брата Ширгасы хана, хотя еще я не получил никакого указа от двора нашего, однако восприятие пути такого принуждало меня чрез Хиву ехать со всякою секретностью, иначе же я бы пропал, и протчая.

Содержание моих писем к Ширгасы хану (как и его фавориту Достум Баю) изъясняется следующим образом: понеже (по крайней мере.— В. В.) я всегда имел великое желание видеть вашу благочестивую особу, дабы мог вам прислужиться моею слабостию, и сие мое желание учинилось от ваших повторительных призывов, хотя я еще от нашего императорского двора не получил никакого указа о моем возвращении, однако ж ныне, яко не удовольствованный от здешнего хана и его министров, дерзаю чинить внезапную резолюцию к восприятию моего пути; и хотя Персия, то есть Маура и Мешет, представляют мне дорогу отверсту, однако ж того чинить не хочу, но всемерно разсудил ехать в Хиву; и понеже всем партикулярно есть видимо, что бухарский хан уже давно явился неприятелем вашим, для того под всякою тайною секретностию притворился воспринять путь на Мешет и ехать прямо к реке Аму; и туда приехав, нагружусь в барки хивинские и поеду благонадежно до Азариса (городок хивинской), того ради чрез сие доношу да соблаговолить разсудить о моей резолюции и приказать, дабы от Азариса и от других мест были отправлены барки довольно для моей свиты, также во опасных местах определить конвой, сколько будет пристойно, на сие ожидаю ответа и протчая. Сие я учинил для того, что Ширгасы хан имел ли бы намерение твердое послать трухменцов меня ловить в намеренном пути Мешете и дабы по моему письму того не чинил, чая, что я сам приехал бы в Хиву. С другой стороны, учинил я нарочно и послал человека моего осмотреть землю и намерения Ширгасы хана, тако ж проведать поступки претендующие Шах Темир Султана, которой тогда был в Арале, угроживая Хиву осадить.

Мой посланной, в двадцать дней и туда, в Хиву, и оттоле назад возвратясь, привез ответ от хана и от его фаворита Достум Бая, что понеже меня ожидали приятно, придавая мне смелость, дабы я ни в чем не сумневался, что, когда уведомится о моем выезде, конвой будет послан и протчая. Посланной мой еще изустно мне донес, как он говорил и с ханом и с Достум Баем — весьма ласково и приветливо, которые оба подтверждали, что ежели бы я приехал, то изрядно был бы принят честно, яко иностранной приятель, а не яко неприятель, как был князь Бекович, и дабы я больше не бавился в Бухаре при таком злом

хане, которой не знал учинить мне чести и наградить по достоинству за толикие подарки данные и за другое, и протчая.

Посланной мой, будучи там, доносил фавориту Достум Баю, что он приехал из Бухарии водою и по моему приказу намерение имел возвратиться со ответом сухим путем. Для того просил лошади и рекомендации в караване до Бухары. На сие фаворит сказал моему посланному, что рекомендацию в караване учинит, а лошади ему не было и чтоб промышлял за свои деньги, какая лошадь лучше ему понравится. Наипаче же фаворит, как скоро увидя моего посланного, спросил, привез ли от меня какие подарки Ширгасы хану, также и ему, фавориту, и протчая. И так мой посланной, сколько в Хиве будучи, не имел никакого трактаменту, то есть ни квартиры, ни пищи, ниже лошади для возвращения назад и принужден купить за свои деньги. Также неучтивость, учиненная от хана ли, или от его фаворита, привела меня в превеликое подозрение, паче же от их так доброго и чистого сердца, ибо они не иное проискивали, токмо как бы обманом привлечь в Хиву и там меня обнажить и в то же самое время преуспеть любовью узбеков. Сие мое мнение подтверждено было от некоего моего из Хивы приятеля, которой меня уведомил, дабы я о такой резолюции рассуждал добре и чтоб не очень верил предательным обещаниям Ширгасы хана, а особливо его фаворита (как тот мой приятель чаял, что я тогда всеконечно в Хиву имел ехать). Последи, когда я получил такие из Хивы ответы (сообщения. — В. В.) (хотя еще не отпущен от хана бухарского, ибо мне от него обещано учинить некое мизерное награждение для моего пути, чего я мало ожидал, токмо принужден для некоего случая, как бы мне войти в кредит при хане и при его министрах и обнадежить их, якобы отъезжаю доволен, понеже главной евнух, ханской министр первой, часто мне упоминал и, извиняясь, говорил, чтоб я не досадывал на трактамент малой, понеже государство было в великом не порядке и непрестанных помешательствах и хан принужден дать свою рубаху узбекам, дабы они были верны и обороняли его от неприятеля, и протчая), тогда я стал готовиться в путь на Мешет степью, не захватывая города Мавры, ниже иного какого города так, как ехал в Бухарию. И 10-го февраля был я отпущен от хана бухарского конечно и по совету всех министров его поехал к Мешету в числе около 200 человек (между невольниками российскими и купцами той земли). И в третий день по моему отъезду прибыли курьеры из города Бухары от корреспондентов купецких, отправленные степью, чтоб назад ехали и меня бы оставили, сказывая, что трухменцы в числе 400 человек меня ожидали на дороге по другую сторону реки Аму, как бы меня поймать. Для того купцы, учиня внезапную резолюцию назад воротиться по таким ведомостям, пришли ко мне, сообщая и показывая, как писано им из города, однако ж я в таком случае всячески уговаривал их назад не возвращаться, пободоря продолжить путь, обещая им всякое вспоможение, только

бы они во всем случае не оставили своей должности как россияне, не побежали бы, последней капли крови не пощадили бы для обороны. По сим моим словам большая часть купцов тамошних успокоилась, а другие из них, не послушав, убоялись и возвратились назад в город. И от того места поехал я, в четыре дни прибыв близ реки Аму, и по моему доброму часу в разстоянии трех верст остановился, чтоб прежде проведать, где переправа и сколько барок, на чем чрез реку переехать. И там были две барки, но токмо одна могла быть употреблена во время студеное, ибо невозможно было ночью переправить верблюдов, которых большая часть помирала. Между тем как я стоял, паки вновь из города Бухары к помянутым купцам приезжал курьер за курьером, дабы всеми мерами назад ехали, уведомляя их, что 600 тухменцов по ту сторону реки Аму, а по сю сторону 300 человек стояли в готовности нападать на меня тогда, когда б я переправил половину моих людей и когда бы мы были на обе стороны разлучены. Для того купцы, нимало не смотря на мои увещания, разсудили немедленно назад возвращаться. Однако ж я, несмотря на их возвращение, ниже на такие ведомости, твердо стоял в моем мнении, как мне доехать к перевозу, и ничто так меня не испужало, как оскудение барок для переезду на другую сторону. Когда я был в крайней моей досадной резолюции, тогда один купец тухмен, едущий при мне до Мешета с товаром (а наипаче же того, [он] племянник оных тухменов, которые ожидали как на меня напасть), с надежды (здесь: предостерегая.— В. В.) сказал истину, что подлинно помянутые тухменцы ожидали чинить на меня нападение при переправе реки (как о том он был известен от своего брата), и для того советовал мне всемерно возвратиться в Бухарию и чтоб не отваживался против толь многих неприятелей. Некые купцы хивинские, между которыми двое российских купцов, советовали мне ехать в Хиву прямо сухим путем по сю сторону реки, однако ж я ради трех пристойных причин не хотел принять их совета. Первая причина: что во все время, сколько я бавился в Бухаре, не получил ни единого указа от двора императорского, какая мне могла быть дорога пристойна. Вторая: не мог никогда я верить обещаниям хана хивинского. Третья причина: был я уведомлен от помянутого тухменца, что больше 150 узбеков выехали из того же города Бухары за мною в погоню (как последи было явно) и, соединясь с тухменцами по сю сторону реки, атаковать меня намерены. И хотя б я похотел воспрять дорогу хивинскую, однако же всегда бы они же за мною гнались и по резону от всех бухарцов, а наипаче большая часть министров хана бухарского никогда не желали мне ехать чрез Хиву, но всегда от того пути мне отговаривали, сказывая, что хан хивинской, Ширгасы имянуемой, есть предатель, которой не содержит обещаний, ниже мало присягу, учиненную над Кураном (Кораном.— В. В.), охраняет, как ясно было тогда, когда он на добрую веру и по образу присяги принял князя

Бековича яко посла, а потом велел его побити. И чтоб неприятель злоумышленной меня не атаковал в том месте, где я находился между песками, для того, опасаяся, принужден по разсуждению с добрым порядком и с осторожностью немедленно назад возвращаться, как и имел благополучно, без всякого противного приключения. Целые шесть дней назад ехал я и, прибыв в разстоянии за двадцать верст от города Бухары, отправил посланных к хану и к его министрам, уведомляя о приключившейся причине при реке Аму: не хотя я в таком худом месте с неприятелем отважиться, принужден возвратиться в Бухару с великою моею прискорбною. И для того просил паки кварталы. Министры ханские не токмо не хотели что ответствовать моим посланным, но ниже сожалели о моих злоключениях, только велели сказать, что кварталы в городе заняты, а приближаясь к городу, стал на время за городом в показанной мне пустой квартире и, прибыв я в помнянутую квартиру за градскими стенами, отпустил всех купцов, которые въехали в городе в свои караванные (постоялые) дома. А я остался в том месте с одною моею свитою и с некоторыми невольниками российскими освобожденными. Четвертого дни по моем возвращении в несносных моих печалях и в крайних десперациях (отчаянии.— В. В.) обрадовали меня указы от двора нашего императорского, отправленные с басырцом (башкирцем.— В. В.), имянуемом Мулою Максудом, и те указы не чрез его руки получил я, но чрез другого человека, от него присланного, ибо он от каракалпачков был арестован по ту сторону реки, Сыр называемой; но и тот человек был ограблен на дороге близ города Самарканда, в Бухарии, от казаков (Casahi) — партизанов Реgeb хана. И только он причитал за великое щастие, [что] спас свою жизнь и письма, в тряпичах рубашечных зашитые, в протчем же — весь наг.

В кратце в указах императорских мне повелено было, чтоб я восприял путь и, возвращаясь, ехал бы такою дорогою, какая будет пристойнее и безопаснее, и я того проискивал, но возвратиться и сыскать дорогу, которая бы была безопасна, весьма было невозможно, ибо всюду около Бухарии иногo не слышалось, токмо войны и превеликие несогласии. Хотел было я восприятъ путь чрез восточные Индия, то есть к Моголу, яко чрез Ират и Кандагар, при оказии [бухарского] посла, бывшего в мое время у шаха персического, потом паки отправленного от хана бухарского к Великому Моголу послом же, которой, будучи мой приятель и ханом недоволен, увещевал меня ехать вместе в компании; и тот посол, показуя мне верную свою любовь, в двух случаях аж избавил меня от смерти. Однако ж я ради двух причин не мог восприятъ такого пути чрез Индия. Первое: что дорога б была великая и дальняя, а я не имел харчей — еже есть дело главное. Второе: сумневался я о просзде, не имея грамоты от императорского величества, с чем бы я мог появиться ко двору Великого Могола.

В 1723-м году намерен я был уйти тайно (ибо того учинить не мог бы явно) к контайши [Цэван Рабтан]⁵⁸, хану черных калмыков, которой тогда был за десять дней далеко от Бухары, в городе, Церехенде (Zarehend) называемом, по другую сторону реки Сиир, то есть со стороны сибирской, к востоку. И же хотел было я учинить при оказии одного посла контайшинского, потом от страху ушедшего из Бухары, чтоб его не убил хан, которой ниже хотел его допустить на аудиэнцию, паче же угрожал его смерти, сердитую на комиссию, с какою помянутой посол приехал. Комиссия посольская с стороны имянуемого контайши представляла хану бухарскому алианцию с калмыками против каждого своего неприятеля, а особливо против нового хана, из бунтовщиков в Самарканде учиненного, именем Реgeb хана, но чтоб хан бухарской уступил брать дань с города Самарканда со всеми принадлежностями, яко наследственными контайши, называя, будто бы сие происходило от рода великого Тамерлана. И ежели хан бухарской сим недовольствовался (ниже хотел уступить городом Самаркандом и [уступить] брать дань контайши), то посол имел указ объявить ему, что его государь пришел бы взять тот город оружием, паче же при такой оказии завоевал бы также своих неприятелей казаков, которые суть под протекциею в тех сторонах самаркандских или инде, опасаяся его оружия. Помянутой посол контайшинской чрез других имел со мною кореспонденцию, также он желал со мною видеться, но я того чинить не хотел, опасаяся, чтоб то в явь не произошло. Которой посол с благонадежностью меня уведомил, как его государь, то есть хан черных калмыков, зело желал содержать чистую дружбу и союз с императорским величеством, только бы императорское величество соизволило ему вспомогать против его главных неприятелей, а именно против индиан и казаков. И для того контайши отправил послов к императорскому величеству, на что ожидал ответов. Также контайши, по взятии города Тошанда с его уездами, был намерен взять Самарканду, и ежели бы хан стал противиться, то б не пощадил ниже Бухар и, когда б завоевал или выгнал хана с узбеками, тогда б оную землю учинил, по древнему обычаю, Чагатаями быть правительствуемую, как было во время великого Тамерлана. И посему, когда помянутый посол благонадежно меня уведомил и ведал, что я еще от хана неотпущен и мне не было пути назад к возвращению, тогда он меня просил, чтоб я с ним ушел в Ташенд, обнадеживая меня, что его хан принял бы меня любовно и отправил бы назад с великою честью при своем после и с конвоем до Тобольска или хотя аж до Москвы, однако ж я не смел отважиться. Первое: что взять мне с собою всех моих людей было невозможно, а наипаче они бы там пропали, второе: опасался, чтоб обо мне не объявилось или чтоб на дороге меня не поймали с малыми людьми (с небольшим конвоем.— В. В.). Для того я послу отговаривался с ним ехать или бежать затем, что еще не получил отпуску от хана бухар-

ского, также при себе имел много людей и, что потребно, в скорости припасти невозможно, и протчая.

По вышеозначенному моему известию — будучи на отведенной мне квартире за городом, кроме того, что возвращение причинило печаль неслыханную, но еще зело было опасно, как повсечасно знакомые меня уведомляли, что тухменцы не перестают на меня наветовать с умыслом, как бы им своим набегом на меня напасть там, за городом. И за день вышеозначенной посол, к Великому Моголу отправленной, прислал ко мне со известием чрез доброго приятеля, что той самой ночи тухменцы и узбеки своевольные намерены чинить нападение всеконечно, и [советовал], чтоб я наискорее вошел в город и, не требуя квартиры у хана, стал бы на постоялом дворе купецком, и между тем покажется, как дело происходить имело. И по ведомостям, от искусного приятеля полученным, я того вечера немедленно в город перебрался, наняв от себя квартиру в постоялом дворе. Будучи в крайних десперациях, не знал, что делать и какой совет воспринять, паче ж видя, что не токмо хан, но все министры и те, хотя которые явились быть приятелями, ни во что ставили о моем несчастливом состоянии, ибо на столикие мои представления и на повседневные прошения не мог я получить никакого решения, чтоб они мне сыскали какой способ выехать и чтоб дали мне надежной конвой до границы. Такие мои доуки, и на кои ответ я не имел, токмо что «подумаем», «увидим», не разсуждая, как мне столикими людьми, лошадьми и верблюдами содержать было возможно и протчая.

И уже с месяц времени главной свнух ханской объявил мне, что хан определил издать указ, дабы Акап Ходжа, начальник над тухменцы, тепе иемуд (Zechie с Gemut) нарицаемыми, или ежели не того желаю, то хеким Имбрайгот ханской⁵⁹, которой также команду имеет над другим родом тухменским (как о тех в генеральном моем журнале пространно описано будет), имел бы меня провожать, сиречь хан давал мне в конвой тех самых разбойников и воров, которые уже были намерены еще сперва [меня] поймать и погубить. Последи о них уведомился я с доброй стороны подлинно, что вышепомянутые начальники тухменские, наущенные от двух своевольных узбеков, донесли хану, будто я шпион и будто проводывал, где б были минералы золотые и другие руды, и для того не надлежало меня отпустить жива, чтоб я не мог о том донести императорскому величеству, где что видел и слышал в Бухарии, но конечно за то погубить, а людей моих всех пограть в неволю. При том оня похваляя поступок Ширгасы хана, как учинил он над князем Бековичем, которой было приехал вынимать золото из минералов и завладеть землею Хивинскою и Бухарскою. Хан, яко младенец слабого смысла и не постоянного разсуждения, слышав такие их нечистивые предложения, уже весьма было склонился дать им полную волю, чтоб меня погубить, но начальной его свнух, пред ханом стоя, знал добрым способом ему донести, что непристой-

но чинить подобного действия, ибо было бы такое имя, какое возымел себе хан хивийской за непристойное действие над послом императорского величества, и невозможно такого офронту забыть, чтоб когда не отмстить. И как евнух сказал, что отмщение хотя ныне не видно, однако ж вперед не будет оставлено, и колико бы не длилось, толь паче жестоцае будет отмщение. Сверх того помянутой евнух донес хану в такой образ, то есть ежели для какого-либо важного случая или подозрения надлежало погубить посланника, то подобно учинить таким способом, чтоб наша рука не была порочна, и не в городе и не токмо вне города, но ниже во области бухарской, и так всегда б была вина на разбойниках, и хотя б мы были сведомы, однако ж не виновны, никакого нареkania или злого имени. Хан, выслушав такие евнуховые разсуждения, пременял скоро свое мнение и в мою пользу. Объявил помянутым начальникам, чтоб в городе я никакого зла не имел, а потом, когда б я отъехал и выехал из земли Бухарской, тогда чтоб надо мною и учинили им вольно, и протчая. Когда я получил от евнуха известие ханского указа о конвое и того ж числа уведомился о таком их варварском намерении, тогда притворился быть зело благодарен о изрядном конвое и сказал евнуху, что ныне не в состоянии ехать, разве по просхествии одного или двух месяцев, ибо намерен ехать налехке, на одних лошадях, а верблюдов распродать, чем бы мочно мне было на время довольствоваться. При том велел я евнуху донести: особливо ожидаю, когда получу ведомости подлинныя из Мешета и из других мест, как мне будет способнее ехать. Тогда имел я семьнадцать верблюдов и распродал всех, оставил только, чтоб везти воду, четырех верблюдов калмыцких ступистых, будучи в desperативном намерении, как бы мне избавиться от смерти бегом, и то чрез Хиву (как я доносил в моей реляции ко двору императорскому, посланной с тем же человеком, чрез которого я получил от того ж двора императорского указы, и сумлеваюсь, не пойман ли где тот человек, для чего по сие время не явился), с надеждою токмо единою или склонить каким образом Ширгасы хана, чтоб он мне позволил иметь свободный проезд, или от того хана быть мне обмануто и весьма погибнуть, но больше надеялся получить мое намерение щастливо, ибо в то время Ширгасы хан велми опасался претендующего Шах Темир Султана, которой тогда обретался в Арале; и как я разсудил, что моим приездом помянутой Ширгасы хан чаял получить некое малое мнение у узбеков недовольных, которые повседневно ему нарекают (упрекают.— В. В.) предательство, учиненное над князем Бековичем.

В 8 день прошедшего апреля, не сказывая никому (опасаясь, чтоб не было явно), кроме единого купца российского, и то в последний день (которому я приказывал весь мой багаж), немедленно с провозжатым татаринном, нарочно для того при мне бывшим, послал я тайно четырех верблюдов водовозных. На том в полночь с двадцатью семью человеками из Бухары вы-

брался, поскакал колико силы было, пока выехал из жилья и из деревень в степь, и уже стал быть день, где при воде сыскал я моего провожатого с четырьмя верблюдами, на которых положи воды (и напоив лошадей, и вручив себя Богу) оттоле ехал по степи песочной, безводной, жаре нестерпимой. В третьей день едва мы приехали к некоторым колодезям, и вода в них — с песком, соленая и вонючая, но такой воды ежели бы не сыскали того дня, то б все наши лошади от жажды и от великого жара подошли, також бы и люди многие померли. В четвертой день прибыл я к реке Аму, и по берегу той реки ехали мы два дни целые, вниз до перевозу против городка хивинского, называемого Азарис, в разстоянии за 50 верст от Хивы столицы. Переехав на другую сторону реки, стал я под помянутым городком Азарис в одном ханском доме на поле, где ханский прикащик трактовал меня приятельски. Отколе на другой день двух моих посланных, которых я с собою вез из Бухарии, нарочно отправил со сродником Достум Бая, фаворита Ширгасы хана, объявить хану о моем здоровом прибытии во Азарис и просить квартиры, но для всякого доброго осмотра протчая просил я квартиры вне города, дабы во всяком случае убежать мне было свободно. Последи, на другой день 18-го числа, не ожидая ответа из Хивы, поехал туда со всею моею свитою, и 19-го числа, не доезжая до Хивы за четыре версты, встретили меня мои посланные со известием, что так хан, как и его фаворит Достум Бай зело радовались о моем щастливом прибытии и протчая. И фаворит ханской по особливой своей склонности определил мне свой дом загородной, какого лутче и выгоднее в Хиве не было. Сам фаворит изволил выехать ко мне навстречу и проводить до своего дома на квартиру. А меж тем отправил одного мехмандара с 15 или с 20 человеками поздравить меня добрым приездом и протчая. За две версты от города встретил меня мехмандар, где мы, взаимно друг друга поздравя, ехали вместе к городу. Но понеже я был одет в дорожном платье, по узбецки, а наипаче со бороною, не имел на себе платья французского, тогда помянутой мехмандар прежде объявил, что хан его имеет и приятелей и неприятелей, и как бы лутче показать себя, для того меня просил, дабы я надел на себя платье французское панлутчес. Тогда я, имея с собою свое платье, вшедши в один дом недалече, оделся по слову мехмандара и другим для показания. И так когда с ним ехал, тогда недалече, за несколько сажений от города, встретился со мною фаворит ханской Достум Бай, где обнял и поздравил меня, ехал купно по загородью до квартиры своего дому загородного и протчая.

Вначале оной фаворит ханской сказал мне, что от многого времени здесь был я ожидаемой и для чего давно в Хиву не приехал и нечего было опасаться, понеже чрез многие письма был обнадеживан и зван, при том он же, фаворит, приупомянул: может де, было, что мы моему королю не верили? На сие я ему отвечал в таких ясных терминах: «Я не опасался никогда,

паче же был благонадежен на представления и обещания, являемые мне так от хана, как от вас, но больше боялся гневу императорского величества ехать чрез Хиву без позволения и против указов от двора, особливо, будучи я в Бухарии, давно о сем писал ко двору и просил о позволении, какое позволение, как надеялся верно, уже прислано с курьером, из Астрахани ко мне отправленном. Но, по несчастию, курьера казаки погубили и письма пропали» и протчая. И при том сказал еще: «Хотя я, было отважась, намерен ехать в Хиву подлинно, но понеже опасался хана бухарского, чтоб сие не объявилось и мне б от него не учинилось препятствование. Того я не знал, как ехать и какую воспрять дорогу, ибо министры ханские, называя главными неприятелями Ширгасы хана, всегда мне советовали, чтоб я забавился (задержался.— В. В.) в Бухаре до того времени, пока претендующей Шах Темир Султан утвердится в Хиве ханом, инако же невозможно мне ехать, как сказывали, ибо был бы предан так, как князь Бекович, которой, хотя с доброю верою и присягою над Кураном принят на аудиенцию от хана, потом погублен бедственно. Однако ж я не смотрел никогда на слова помянутых министров, рассуждая, что они злословили по самой недружбе против Ширгасы хана, которого весьма не желают видеть приятелем ни с кем, особливо с Россиею, и чрез сие надеются их земле быть в покорности и безопасной от всякой вредности и набегов, яко не забыли еще последнего набега, бывшего на Каррагиол (город бухарской) по указу вашего хана, и протчая. Для того я возимел за благословно отправить прежде в Хиву моего посланного со всякою секретностию к хану, известуя, что я учинил резолюцию прибыть в Хиву водою, и сколь скоро получил благосклонной ответ так от хана, как от вас, тогда я притворился ехать водою на Мешет с намерением не ехать водою (ибо последи непристойно показалось мне такое восприятие), но, переправясь чрез реку Аму, по другой стороне реки ехать мне в Хиву со всею свитою. Но тогда сие произойти невозможно, ибо я был наветован от тухменцов и принужден паки назад возвратиться в Бухару, [где был] отставлен и от хана и от всех его министров, где по двух днях имел шастие напоследок получить указы от двора императорского величества в кратце, что ежели б когда мне случилось ехать из Бухарии, то тогда б я восприял такой тракт, которой бы и был пристойнее и безопаснее. И так по прежней моей учиненной крайней резолюции не хотел я употребить другую дорогу новую, ибо дорогу хивинскую всегда имел я во мнении безопаснее, и честнее, и прибыточнее». Фаворит Достум Бай спросил меня, для чего я называл, что мне дорога хивинская честней, и в каком разумении то содержалось. На сие отвечал, что я чрез толикое время был в Бухаре воистину напрасно и с малою честью и сатисфакциею собственною, ибо худо трактован так от хана, как от его министров, и тогда все обще мне явились неблагоприятны, когда я что ни имел, то все изнурил им на подарки, но

здесь моим прибытием в Хиву надеялся и надеюсь по последней мере приобрести и честь и славу, когда б Ширгасы хан ни поволит употребить меня к публичной пользе святого мира. Такие слова фавориту велми угодны явились, и сказал он: «То де самая правда, и я подтверждаю, что ваша слава будет безсметная, и дети детей ваших возьмут тую же, ибо такое дело есть благочестиво и то, чего и мы також всегда желали, но жаль, что вы только поздно прибыли». Сверх того фаворит сказал: «Хан бухарской и его министры имели резон злословить мою силу и паки впредь больше отведуют, чего они праведно достойны суть за то, что и наших купцов хивинских оскорбили и пожитки их поотнимали. Что ж касается до вашей персоны, [то вы] яко есть посланник, [нам] гость и приятель, но помянутые министры давали вам советы велми несправедные, ибо кто к нам приезжает яко приятель, [яко приятель и] трактован от нашего хана, а кто приезжает яко неприятель, тот яко неприятель принят».

С сим того ж вечера, в которой я прибыл на квартиру, фаворит от меня поехал, и протчая.

Первого вечера, по указу ханскому, старшина гвардейская принесли мне в подарок пять баранов, сто лепешек и пятнадцать батманов джугоры⁶⁰, також четыре или пять возов соломы для лошадей, сечки, и по тому так следовано пятнадцать дней.

По трех днях моего прибытия вторично фаворит Достум Бай ко мне приезжал и между другими разговорами спросил меня так: «Посланник, как вам кажется, его величество примет ли мир и что — будем ли приятели по прежнему? Купцы так с нашей, как с вашей стороны могут ли торговать свободно?» На сие отвечал я фавориту: «Его величество есть всемиловитивейший монарх, и ежели хан будет следовать резону и справедливости, то возможен склонить удобно, и надеюсь, что хан от двора нашего несколько грамот получил и по силе оных управиться мощно будет». На сие фаворит усмехнулся, начал продолжать слово таким образом: «Ныне хан наш и его величество состоят в равности, ибо хан велел погубить князя Бековича, посла, в Хиву прибывшего, яко неприятеля, а его величество велел отравить в своем государстве нашего посла. И ежели хан наш погрешил, то и его величество также погрешил». На сие я повторял ответствовать: «Впервые слышу такую странную новину, но прошу не прогневаться, кто так рапортовал, тот солгал не померно. И сие по двум важным резонам: первое — в христианстве никогда не слыхано, чтоб которой потентант (властитель. — В. В.) над каким послом чинил отмщение, ибо послам мстить власти не имеет, но тот, от кого послан. Второй резон: хотя б и так случилось, чему верить не возможно, что ежели бы его величество похотел учинить отмщение над вашим послом, то б повелел его предать смерти публично пред всем народом, а не тайно единою отравою, ибо сим показуя, якобы боялся силы хивинской, когда вся Эврола трепещет едного его токмо имени.

А что вы говорите о после князе Бековиче, будто бы он приехал в страны ваши яко неприятель, о том его величество ничего не ведает, ибо он имел комиссии приятельские, а не неприятельские о некоем деле, но хотя б, как вы сказываете, и был неприятелем и признан за такого, однако ж не надлежало и не по резону погубить его, не честно арестовать, паче ж был в руках ваших и потом могли б вы внушить его величеству и его величество знал бы как сго наказать, ежели бы виновен явился».

На сие фаворит, усмехаясь, отвещал: «Посланник, слова ваши очень остры и праведно сказаны, но дело уже сделано, и в то время хан себе не был господином; ежели бы я был в такой акции (ибо оной фаворит тогда обретался в Бухаре), то б недопустил до смерти не токмо князю Бековичу, но ниже из них иному кому. Полно, ныне того надобно забыть все, ибо когда его величество ни соизволит склониться к миру, то хан ему отдаст российских всех, в Хиве обретающихся, и всех ста человек не будет».

Уже я не хотел больше разговаривать с помянутым фаворитом, но, пресекиши дискурс (беседу, рассуждения.—В. В.), спросил его, когда б мог иметь я у хана аудиэнцию, и [сказал, что] стыдно мне появиться с праздными руками; на сие он сказал, что на сих днях будет уведомлено, и с тем от меня пошел, не упоминая ничего о подарках.

По двух днях прислал фаворит сказать мне, что хан между двумя днями имеет мне дать аудиэнцию и дабы я приготовил подарки для самого хана и для некоторых министров узбеков, и особливо велел сказать, что ему то осмотреть, что я хорошего приготовил.

Такие суть призывы их и обещания: вместо того чтоб дать мне, они претендуют у меня взять. Сожалели, что я не приехал прежде, не ради иного чего, токмо чтоб меня обнадежить и иметь себе вяще прибыль, ибо коль позднее я прибыл в Хиву, толь убожее [мое состояние] и им меньше пользы.

Между тем послал донести фавориту, что в готовности достойного не имею, как он сам разсудит изволит, ибо все, что ни имел, отдал хану и узбекам бухарским и, будучи в тех странах толикое время, изхарчил для своего содержания. И иного не имею в подарках, разве две тысячи овчинок, однако ж достальные некоторые галантереи нарочно бережены, представляю в его волю, чтоб он изволил расположить, как разсудит быть пристойнее. И как фавориту от меня сказано, последи, на другой день, он один пришел смотреть, что я имел хорошего в подарок хану и другим, а наипаче видеть, было ли что для него. И тако показал ему: пару лисиц (а черных, изрядных я нарочно берег для всякой потребы и случая), часы серебряные, чайник серебряной, дюжину чашек порцелиновых, шесть кусков позументу серебряного русского, фунт серебра волооченого, зеркало полуаршинное с рамами из янтаря составлены, рюмку из белого янтаря, один футляр янтарной, пару добрых пистолет немецких,

пару самых добрых разных гребней рыбьих, также рюмку хрустальную большую с накрышкою, а для министров — пятьдесят овчинок самых добрых, двадцать штук штофу бухарского, ножички и разные кушанья и протчая. Фаворит, видя все то и не говоря ничего, пошел от меня якобы сердит. И я послал за ним вслед своего человека подслушать, что оной фаворит с своими людьми говорил. И как мой человек меня уведомил, что оной говорил в такую меру: «А что, или чаёт посланник отбыть такую малую богательню (*bagatella* — «пустяк», «безделушка». — *B. B.*)? Что мне показал, того ничего не надобно хану. Умел посланник давать толикие подарки хану бухарскому и его министрам, а для нашего хана и для меня ничего не имеет. Где сукна шарлаты (*scarlatto* — «ярко-красный», «алый». — *B. B.*), кушаки серебряные и муштуки серебряные богатые, кони и другое протчая? Узнает с кем говорит. Пыне он в руках наших».

Такие слова слыша, я ужаснулся непомерно и был в превеликой опасности, видя, что иного способа мне не было, разве искать склонности упомянутого фаворита, которого вся та сторона трепшет и больше учинить может, нежели сам хан Ширгасы, ибо он человек духа дьявольского и весьма остропонятен. На другой день послал я к нему вышепомянутого татарина, моего провожатого верного, как бы склонить и уведомиться, чего он от меня претендовал, и просить его, дабы яко приятель мне присоветовал, что было бы прилично презентовать хану, и ежели чего я не имел, чтоб мог ли искать у других купцов, яко сукно, и взять у них на кредит.

Ходил мой татарин к фавориту и уговаривал его к склонности всеми мерами, утверждая с клятвою, что я не имел ничего, кроме того, что ему показывал, и что имел пару кушаков серебряных турецких с богатым обвивалом на чалму по индейски, то оставил у одного купца в Бухаре, и ежели ему угодно, то б велел прислать, а наипаче готов есмь во всем слушать его приятных и добрых советов. При том еще припомнил татарин, фаворит мог быть весьма обнадёжен, что я приехал в Хиву по его, [Достум Бая], токмо призыву.

Фаворит ему сказал: «Тшуся учинить добро посланнику и имею его совершенно за приятеля, и хорошо бы было моих слов слушать, но ежели их не изобретает за благословно, то пускай с другими советует. Что же касается до подарков, надобно подарить сукно, и узнаю, у которого купца сыщется и тот может дать ему на кредит (а то сукно было его, фаворитово), кушаки ж с обвивалом посланник положил бы в реэстр с подарками и, когда получит их из Бухарии, тогда презентовать может», и протчая.

Также надлежало дарить осьми министрам узбекам, сказывая, якобы хан приказал. И на другой день фаворит прислал ко мне оное сукно с купцом, своим прикащиком, а потом пришел и сам фаворит. Притворясь, якобы не его было сукно, при нем — сторговано, то есть аршин по четыре тысячи и четыреста

денгов (монета хивинская чинит пять червонных бухарских, а взял я сукна двадцать четыре аршина).

Потом помянутой фаворит стал располагать по своему подарку министрам узбекам и вместо восьми персон почал (насчитал.— *В. В.*) двадцать четыре, посылая при мне ко всякому по два и по три штофов бухарских, по две овчины, по одному ножичку и по одному кушаку, принуждая меня брать на кредит у других то, чего я не имел.

Еще он же, фаворит, ходил в мою конюшню и выбрал по своему нраву наилучших двух иноходцев, приказывая, чтоб те иноходцы купно с показанными галантереями представлены были хану, когда я имел ехать к нему на аудиенцию, а сукно купленное, також две лисицы черные прислать бы мне в тот день к нему в дом с моим татаринном, и то тайно. И фаворит взял себе на кафтан из того сукна шарлатата шесть аршин, также лучшую черную лисицу, а достальное отослал с моим татаринном к хану, которой якобы извинялся, для чего я чинил такой презент, или (а на самом деле.— *В. В.*), сказать в иной образ, ему не угодно: для чего подарку не было лутче.

По приезде в 8-й день зван был на аудиенцию к хану и, прибив в его двор в городе и вшедши в полату, в начале увидел в сале всех знатных министров ханских, а особливо наипа [*Ходжу*] знатнейшего той земли, где, учиня я всем поздравления, на показанном месте сел по обычаю той земли. Помянутой наип, яко старшой и знатнее, поздравил меня добрым прибытием желаемым так от хана, как от всего того собрания, радуясь принять такого гостя, меня, посланника, яко я приехал мирно и со всякою учтивостию, не так, как учинил князь Бекович, которой приехал в их стороны яко неприятель и вооруженной.

На сие я повторил так: «По премногу удивляюсь и не верю, чтоб посол князь Бекович дерзнул против указов его величества прити в их стороны неприятельски, ибо знаю совершенно, что он был отправлен от его величества яко приятель, как есть обычай отправлять послов во весь свет, а хотя б он подлинно преступил указы монаршие и достоин был наказания, ежели бы то совершенно было исследовано, однако ж тогда надлежало его арестовать и послать к его величеству с доказательством о его преступлении». Наип отвечал: «Как не так, подлинно пришел неприятельски, ибо он вначале построил фортецу при берегах моря Каспийского, а другую здесь, не очень далеко от Хивы, из которой фортеции оборонялся и бился с войски ханскими. Для того мы учинили то, что мощно чинить неприятельски неприятелю и принять в том же образе».

Я, слыша то, не хотел больше ступать (говорить.— *В. В.*) для всякого пристойного случая и к моему нещастию, но, пресекая дискурс, начал я говорить в такой образ: «На сем свете кто грешит, тот и да страждет, и кто ищет зла, тот скоро себе обрящет. Но прошу оставить все сие на сторону. И мощно

сказать, что посол приносит или войну или мир и я есмь приятель, а не неприятель и по резону приношу мир, а не войну. Уже три года прошло, как я был в Бухаре в непрестанных волнениях, без всякого плода чести или славы, но молю величие божие приобрести мне в стране неприятельской то, чего я не мог получить в такой стране, где надеялся быть приятельской, сиречь чтоб установить[ся] в древней дружбе с его величеством и дабы народ имел плоды мирные, а я молитвы и благословение». На сие мое слово собрание все, благодаря Бога, сказали «Амины!» и, встав все с места, пошли внутрь к хану, куды потом и я был допущен.

И пришел я пред него, поздравил, потом показано мне место сесть против его в середине, по обычаю той земли. Хан вначале мне сказал: «Добре пришел, посланник, толико ожидаемый!» И я начал речь таким образом: «С начала моего трудного прибытия в Бухару всегда я хранил желание внутреннее видеть вашу благочестивейшую особу и иметь честь к вашему прислужению; которое мое желание следовало от призыву вашего от разные времена, по вашим почтеннейшим писаниям учиненного, дабы я намерился воспрять путь и возвращение чрез ваше благочестивейшее государство, и такую резолюцию не мог я исполнить по двум причинам. Первое: ради страха, дабы не было обо мне явно и хан бухарской, яко ваш неприятель, не учинил бы мне какого нападения. Однако ж в прошедшем феврале, отважась, я поехал было из Бухары, как бы прибыть в Хиву по другой стороне реки Аму, притворяясь ехать на Мешет в Персию. Но то мне не воспоследовало, ибо препятствуемой от трухменцов принужден паки возвратиться в Бухару, где, слава Богу, 4 марта прошедшего возимел счастье получить указы и полную свободу от двора его величества, что когда б я не имел ехать из Бухары, то б воспринял дорогу такую, которая б мне явилась быть пристойнее и без опасности. Того ради я и по силе указов от двора нашего, и по силе вашего призыву, спасаясь из Бухары бегом, приехал сюда, в Хиву, с должным моим поклонением к вашему прислужению, как я, будучи при выезде в Хиву, того же месяца марта паки отправил того ж курьера ко двору нашему, представляя призыв от вас учиненной, и благодарю величие божие, что толиких терпениях, мне бывших в Бухаре, прибыл пред вашу особу здраво и благополучно».

Хан отвечал в такой образ: «Я слышал, что ты был мало доволен бухарским ханом и его министрами, которые хорошо умели как принимать тебя для своего собственного прибытка, а не умели по достоинству трактовать тебя и честь создать. Два года тому, как я посылал своего посла к хану бухарскому (указуя на Ходжу, которой был по правую сторону), и от него посол имел трактамент грубянской, понеже его арестовал и, публично обесчестя, отослал его в Арал на дискрецию (на усмотрение.— В. В.) моему неприятелю Шах Темир Султану». Еще Ширгасы хан сказывал, как хан бухарской грабил купцов, его подданных,

и учинил им тысячные несправедливости и грубости, а он, то есть Ширгасы хан, все иначе поступал с приятелями и иностранными купцами, кто б какой нации ни был, и принимал их со всякою учтивостию, чиня всякую справедливость и свободное купечество в своем государстве. Потом помянутой Ширгасы хан с великою запальчивостию изрек в подобных терминах: «Хану бухарскому и его советникам, если жив буду, отплачу, увидит, с кем претендует бороться и колико может хан Ширгасы» и протчая. И я насопровит (со своей стороны.— В. В.) для своего особенного интереса, чтоб больше к себе склонить Ширгасы хана и его министров, все подтверждал, а наипаче свидетельствовал о акции, учиненной над его послом, ибо я в то время был в Бухаре, и во истину акция учинена над послом непристойна, и протчая. И такие мои подтверждения были во удовольствование Ширгасы хану, которой следовало говорить тако: «Посланник, ты ныне мой гость, ибо прибыл яко приятель, и для того принят и стракован со всякою честью и учтивостию, и, когда ни похочешь ехать чрез Астрахань, я тебя отпущу, также дам конвой в дорогу. Однако ж надо проведать, безопасна ли та дорога. Ваш посол князь Бекович пришел неприятельски в мою землю, и я неприятельски с ним поступил, а его величество ничего не ведал, ниже дал ему такую комиссию, чтоб строить фортеции и другое».

На сие я отвечал хану: «Велми лестно, как соизволите меня упоминать, и слышать [это] любо, но молю ныне божие всемогущество — да подаст свою благодать — получить мне от народа добрую молитву, которая, уповаю, была бы бесконечна, когда б была инструментом пожеланного примирения; чего не мог я получить от приятеля, то в особливо могу иметь от мнимого неприятеля».

К сему Ширгасы хан приупомянул, что касалось о князе Бековиче. «То было подлинно, ибо ежели б я в свое время объявил его величеству, то б мое имя,— сказал он,— пребыло бессмертно, [так] как я, желая мира, старался о публичной пользе от всего сердца».

По сем дискурсе принесено на стол кушанье, и по обеде, поклонясь, я пошел в квартиру.

О семь дней после аудиэнции, за день пред рамазаном, хан велел меня звать на банкет в сад в свой дом загородной, недалеко от города, где я был с тремя человеками (ибо так мне приказано). И хан имел там при себе только наипа, имянуемого Ходжа, и двух узбеков своих ближних, так же и фаворита Достум Бая, которые забавлялись музыкою. Тут же и я сидел. При том хан начал со мною комплиментовать сильнее, нежели прежде, где также и я тшился наивяще прити в его приязнь и признать его склонность, представляя себя всемерно к прислужению и сказав, что приложил бы я все мое старанье к тишине подданных, и то [не] для интереса единой славы, токмо аще хан изволит признать, ибо как я исполнял бы то, что обещал,

[ради славы] то б моя слава была всегда бессмертна, также и дети моих детей были б сообщники той же славе. Потом хан сказал якобы за секрет: «Его величество не ведает действо князя Бековича и ежели бы ведал, то надеюсь, что дал бы мне всю справедливость, ибо он всегда тщился для своего собственного интереса, а не для интереса его величества». Еще мне сказал хан, [что] он желает мира, и обещал, что когда б к нему ни прислан был посол с стороны его величества, то б отдал всех российских, в Хиве обретающихся.

Так же припомнил он о Хане Кули, после, бывшем при дворе нашем, которого имя всякими поносительными словами называл (подозреваясь, что он имел некую злую комиссию ко двору его величества), и потом спросил меня: «Для какого дела Хан Кули был у двора вашего и для какой причины по возвращении, прибыв в Астрахань, не поехал чрез Хиву, которой путь есть известнее, но чрез Персию, так же и тебе ту же дорогу советовал». На сие я отвечал, что Хан Кули приезжал ко двору нашему со объявлением, что Абдул Фесс хан учинен вновь ханом бухарским, а для чего по возвращении не поехал чрез Хиву, за то я сам его проклинал, что столько бы мне не было трудностей, сколько уже я претерпел.

По разговорах забавных (пустых, незначительных. — В. В.) меня спросил хан, какую бы я комиссию имел от двора его величества к хану бухарскому.

И я ему отвечал, что моя комиссия была только поздравить Абдул Фесса хана на новом ханстве.

Хан Ширгасы, продолжая со мною речь о странах бухарских, спросил у меня, которая земля мне уподобилась лутче — Бухара или Хива. И я ему отвечал тако: «И сия и оная мне нравна, ибо и та и другая изравны, ниже вижу какого порока, только что от жару трудность имсется, и понеже я не отбыл, для того всегда был слаб в моем здравии, в нашей же земле всегда был здоров, потому что хладно, и по сему наша земля мне нравливее и Бухария и Хивы за тем, что места жаркие».

«Но, — повторил хан, — Бухария и хороша и богата, понеже в ней суть руды золотые все изобильные».

И я, смеючись, отвечал хану Ширгасы: «Ежели бы злата находились в Бухарии изобильно, то б там было дешево, но вижу все противно, что золото ходит дешевле в России, нежели в Бухарии, для того Россия есть богаче золотом и серебром и другими рудами, нежели Бухария».

На сие хан меня спросил, где в государстве Российском находились руды золотые, и я ему отвечал, что руды золотые находятся в Сибири и множество руд у его величества найдено, а руды серебряные, также и другие всякие, в разных местах обретаются.

Потом хан спросил, как у нас употреблялись бомбы и гранаты и какое действо чинили. Я отвечал, что гранаты употребляются в самой баталии на ровном поле или при атаке какого го-

рода на приступе, ибо одна граната может убить одним залпом двадцать человек, а бомба — ко испровержению самого прекрупчайшего города, так что, где она падает или где имеет упасть, там разрушает аж до основания, ниже (даже. — *В. В.*) какой бы ни был на свете город — не может противиться ее силе. Все оное собрание на сию мою речь, особливо хан, ужаснулись и иного не чинили, только, один на другого смотря, по премоноу удивлялись, спрашивая меня, кто б бомбам был изобретатель.

И я ответствовал, что инвенция (изобретение. — *В. В.*) бомбам была от многого времени, но его величество привел в совершенство и употребляет с благошастливейшим поведением, как было видимо (приупоминал я) в преодолеваемой фортеце Баку в Ширване, которая была взята бомбою, а потом приступом. Последни вступил я в разговорах с ханом о наших казаках нерегулярных и о войсках регулярных — как бьются в поле, ибо хан велми похвалял казаков; и я ему сказал, что казаки суть войны мужественные яко нерегулярные, войско же регулярное есть наипаче мужественнее, понеже войны российские 10 тысяч могут преодолеть 100 тысяч нерегулярных и когда которой воин (или пешей или конной), куда командирован, тогда тот там или преодолевает, или погибает, ниже уступить может, хотя б видел смерть пред глазами.

Хан отвечал, что их войны не маршируют пеши, но все конные и не так суть послушны и не бьются, разве в первом или во втором наступе что чинят, и ежели им немощно одолеть неприятеля, то уступают, не очень отваживая свою жизнь.

При том сказал хан, как слышал от других, что прежде российские не бивались конницею, по их обычаю, и я ему отвечал: «То было подлинно, но его величество был тот, которой во всем научил народ российской и учинил его устрашительным по всему свету». Тогда все собрание подтвердило, что это совершенно (в тексте: истинно. — *В. В.*) и совершенно (с повторением). Фаворит Достум Бай пред тем, когда еще не сели, намекнул мне просить у хана посла, но чтоб я не просил аудиэнции об отпуске до праздника их байрама, ибо хан того не учинил бы в рамазан.

Того ради пред кушаньем, сядя за стол, просил я у хана, дабы поволил отправить со мною в компании своего посла, за что я в благодарном признании учтивости, какую хан мне показал, приложил бы добрые должности о его интересах к нашему монарху. На сие хан немедленно мне отвечал, обещал дать со мною в компании посла, также и отправить как наискорее. Паки бы лучше, сказал мне хан, дать такие указы, дабы по всем городам хивинским разглашалось, что я уже чрез Астрахань не поехал, но остался до осени в Хиве, для калмыков и протчая, чтоб казаки меня не ждали на дороге, которых тогда, по ведомостям, стояло там число великое.

Сие объявление Ширгасы хана мне нимало не понравилось, но привело меня в великую конфузию, наипаче как я пред несколькими днями от одного уведомился, что намерение ханское

было тогда мне дороги не давать. При том, может быть, чтоб я не догадался, к чему речь склонялась, фаворит доносил хану в сем образе: «Такой приказ хорошо служит для неприятелей, а не для приятелей, ибо из оставшихся в Бухаре российских или из других купцов, слыша, что посланник арестован, никто не посмеет в Хиву ехать».

Тогда хан, отставя, сказал, чтоб не публиковать в таком образе, но только бы разглашалось, что ныне посланник не едет.

Последи, когда я, поклонясь, вышел из кабинета, тогда хан со своими присутствующими там остался, разговаривая особливо о моей персоне, но я при выходе дал комиссию некоему приятелю проводить, что имелось в разговорах, как я вышел. И по моем выходе хан со всеми своими присутствующими говорил, как я сведом во всем и умел отвечать с осторожностью на всякое его предложение, особливо на вопрошение о золоте. Сказывал хан в такой образ: «Как он ничего не ведает, сколько золота выходит в Бухарини и в коих местах выходит, дай Боже, чтоб не ведал еще того, сколько в моем государстве находится, какой ради причины князь Бекевич тогда был отправлен, что для того он и был намерен проехать реку Аму в море Каспийское, как в старину текла». Еще хан говорил: «Уже ныне посланник не едет, ниже он, чаю, похочет отважиться, ибо больше 10 тысяч казаков стоят с своими кибитками по дороге к Яику, и поощадал бы, пока калмыки доржинские⁶¹ придут от Яика, паки имеют обычай приезжать поежегодно в караване, и так уведем, что делается в Астрахани, ибо имели мы ведомости последние, что его величество хотел отправить свое войско во Астрабат, в Персию, и многие тысячи верблюдов имели быть ведены во Астрабат из Яика». При окончании рамазана (ибо я повседневно просил об отпуске) хан имел совет с своими узбеками, надлежало ли мне дать проезд свободной чрез Астрахань или арестовать учтиво, пока подлинные оттоле возимются ведомости. И такой совет был причинен от того, что хан, не знаю как, проведал, будто юртовские астраханские татары получили указ от двора нашего отправить людей в Бухару и проводить меня здраво и благополучно в Астрахань, а именно Ходжа — татарин, старшина юртовой — имел ехать для того дела послом в Хиву и в Бухару. И потом хан сказывал, что пристойно было меня удержать до приезде помянутого Ходжи.

С другой стороны, хан советовал себе варварски, сказывая, что не надлежало меня отпустить, яко я весьма был сведом о их земле и мог учинить его величеству подлинную реляцию о всем, и пристойнее было послать курьера от ханской стороны с моим человеком, объявляя губернатору астраханскому, как я прибыл в Хиву, для известия, какой бы ответ был учинен от того губернатора или от двора императорского величества.

Такое варварское мнение ханское все узбеки имели и подтверждали, только наип Ходжа, мой учиненный приятель (ко-

тому я в первом случае представил, что уже отправил паки куриера ко двору императорского величества со известием, как я поехал чрез Хиву), тот не принял за пристойно, сказывая: «Ежели бы учинил его величеству подлинную реляцию обо всем, то уже имел учинить со своим отправленным куриером из Бухарии, и арестом посланниковым здесь, в Хиве, подвинем наипаче на гнев его величество, и ежели хотим искать мира, то сии суть способы, то есть дать свободной проезд посланнику и отправить его с честью, ибо чрез сие покажем, что, кто приезжает яко гость, приятель, тот приятельски и трактован, а кто неприятельски, — и принят, как князь Бекович, и протчая».

Сим окончился совет без всякого решения. После баерама начал я паки со мною горячестно просить об отпуске способом наипа Ходжи. И на сие мне ответствовали, что вскоре буду отправлен и чтоб я готовился. Но понеже я имел нужду в деньгах, на что купить верблюдов и лошадей, а купцы на кредит мне дать денег до Астрахани опасались, не зная, как мои дела произойдут и хан отпустит ли меня ехать. Для того просил я прилежно у фаворита Достум Бая, чтоб он с залогом моим овчинок пожаловал мне денег, чтобы я мог приготовиться, или приказал бы, чтоб меня тамошние купцы ссудили деньгами, ибо наши, российские, тогда были в Бухаре. На сие он мне сказал, что дать денег займа не имел и чтоб я продал свои овчинки и на те б деньги купил верблюдов и лошадей. Но фаворит претендовал нарочно, чтоб я свои овчинки продал какому купцу ни за что, у которого бы он потом мог взять их насильно, как последи и учинил, когда я продал за самую малую цену по крайней нужде скоро ехать, а овчинок бухарских было 1400.

И понеже наип Ходжа, яко мой приятель, от меня обнадеживаем, что его величество никогда не учинил бы никакого офронта их послу, хотя б его величество не изволил склониться к миру на просьбы Ширгасы хана, однако ж повелел бы его отправить назад со всякою честью, для того он представил одного из своих приятелей на посольство, которого и хан апробовал (олюбил.— В. В.). Сей человек некогда бывал в Астрахани и невысокородной, ибо никто иной из великих купцов или узбеков не смел отважиться, потому что каждого грызет совесть и ожидается наказание.

Уже я ехать приготовился, також и посол назначенной, но не виделось окончания, ниже резолюции от хана, которой не хотел мне дать абшит аудиенции (прощальной аудиенции.— В. В.), отлагая под разными претекстами. Иногда мне ответствовано, что не надлежало ехать — как бы не пропасть на дороге, ибо казаки меня ожидали, иногда мне сказывали, что жар превеликий и затем невозможно было ехать, и иные многие инвенции чинили и протчая.

Уже до 10 дня июля продолжалось без всякой резолюции, ниже ехать отказывали, но всегда новыми всякими претекстами приводили меня в десперацию и чинили в отъезде препятствия.

Фаворит ханской хотел арестовать всех российских невольников освобожденных (числом 40 человек мужеска и женска полу и робят), которые из рук в руки переходили, потом до меня дошли в Бухаре. Объявлял оной фаворит не отпустить из них ни единого, разве тогда, когда ему дано будет с каждой души по двадцати червонных, и иные безчисленные чинили своевольные вымыслы. Угрожал меня, будто бы он имел со мною многие сче-ты и что в его воле состояло, отпустить ли меня или весьма удержать.

Некоторой купец хивинской нес ко мне два кушака серебряные и одно полотняное на чалму обвивало, и помянутой фаворит вырвал из рук у того купца насильно, не показав мне, но когда я посылал человека спросить только, получен ли, тогда он, жестоко осердясь, сказывал: «Или посланнику не любо, что взял его кушаки, но еще узнает — и больше от него взять имею». Помянутому фавориту подарил я коня, какого он хотел иметь себе всеми мерами. И по неких днях он же пришел в мою квартиру и, никому не сказав, без моего ведома взял из конюшни другого коня изрядного, а вместо того оставил своего такого, которой ничего не стоил. И я ему велел сказать, что так непристойно свою волею взять такого коня, какой имел быть потребен мне в дороге. И за то осердясь, говорил: «Хотя я и сам взял коня посланникова, но то, что я учинил, посланник имел бы принять за великую честь».

Все такие своевольства и поносительствы, какие фаворит мне чинил, я всегда с разумом и с великою терпеливостью сносил, и колико не воздавал мне с неблагоприятностию, толико наипаче я с вящею любовью и учтивостию ублажал его. Помянутой фаворит обещал мне двух невольников русских: один назывался Петр Чебышев, а другой — Мурза, черкес горской, — оба взяты с Беквичем. Для того подарил ему муштук серебряной турецкой, которой в 8 рублей мне стоил. А тот муштук прежде был под закладом у одного купца в Бухаре, отколе ко мне прислан недавно, а фаворит про него ведал. И понеже он взять его насильно не мог, для того меня обманул и, вместо того чтоб дать мне помянутых невольников двух, держал их за арестом, дабы не ушли со мною. Сверх того на подарки всем домашним фаворитовым все мои платья, издрав (вырвав — *В. В.*), роздал. И сим недоволен. Все, что у меня видел и ведал, просил без стыда всякого. Сказал ему: «Для моего здесь содержания что ни имел, то изнул, аж до последней ложки серебряной, и уже у меня не осталось ниже тарелки оловянной — все распродал». Насопровтив сего он мне объявил, что и моя жизнь и моя смерть в его руках состояла и ежели я хотел ехать, то надлежало мне весьма себя обнажить и подарками спасти душу токмо. Напоследок по толь многих досадительствах вздумал помянутой фаворит принудить меня, чтоб я десять тысяч овчинок, от одного купца российского в Хиву присланных, взяв, ему продал, но как бы ему денег [мне] не дать, и якобы я за то у него много невольников выкупил. Но я

ему сказал явно, что продать вещи чужие мне было возможно разве только положить под заклад на время за долг, какой я имел в Хиве, а именно сто червонных. Должен я его свойственнику до 107 червонных за сукно, подаренное хану и ему (которое было его, фаворитово), как я и положил под заклад две связки овчинок бухарских того купца, на которые я дал кредиторам ассигнацию в 200 червонных бухарских с таким договором, что, когда прибудет купец российской из Бухары, тогда купцу надлежит дать 200 червонных, а овчинки назад взять. По моему несчастию, помянутой фаворит вошел в ссору с наипом Ходжою за посла, представленного от наипа и апробованного от хана. Также фаворит видел, что наип держал мою сторону и старался за меня жестоко (очень сильно.— В. В.) пред ханом, и когда я проведаль о такой вражде и что мои дела нехорошо происходят, признал, что фаворит иногу не проискавал, только б меня весьма обнадежить и погубить. Тогда, будучи в крайней desperation, мыслил уйти из Хивы так, как я учинил из Бухары. И взять с собою только 10 человек и 20 лошадей для провианту и воды, имея при себе провожатого моего, татарина, а достальных оставить в Хиве на волю божию. Послал сказать фавориту, что ежели хан не хотел меня отпустить, то б хотя изволил объявить, как бы мне избавиться от [заботы о] толь многих харчей, имея при себе верблюдов и лошадей, ибо не мог я содержать ниже моих людей.

На сие мне ответствовано: «Для чего посланник так спешит ехать в такие дни жаркие? Чтоб подождал несколько и отправили б его в скорых числах. Но надобно еще сыскать какой-либо иной тракт, а прямым и обычайным трактом проехать невозможно. Ибо неприятель (то есть казаки) стоит во многом числе по дороге».

По многие новые требования об отпуске своем резолюции не получа, уже я весьма бежать отважился из Хивы. И не ожидая других резолюций, выслал всех моих верблюдов на торг продавать, притворяясь, будто остаться до осени. Также и вторично их высылал, ибо никто их не покупал, а торг имелся только дважды в неделю. Между тем я со всякою секретностию, не объявляя никому из моих людей, готовился в путь, как бы мне мочно было скоро и нечаянно уйти в степи, дав знать притворнесь якобы гулять, и для того сделал я, чтоб было обычно народу, как я выезжал верхом на каждый день в поле.

От некоторого моего приятеля немедленно донесено хану, как я продавал верблюдов, и ныне уже не поехал, за тем что мне запрещено ехать. И хан спросил: «Может быть, посланник был де готов ехать?» Последи он же, хан, сказал: «Еще так мое намерение было удержать посланника доброю манерою, чтоб он не приял за противно, и мыслил я, что и сам бы не поехал, опасаясь казаков, но уже когда так отважился, то я его отпущу, однако ж не чаю доехать ему благочестиво, ибо десять тысяч казаков стоят по той дороге, которою он имеет ехать».

На другой день рано пришел ко мне фаворит и без всяких других комплиментов сказал мне так: «Хвалю тебя, посланник, учинил ты очень изрядно, выслав своих верблюдов на торг продавать, ибо ты сам дал знать казакам, здесь, в Хиве, торгующим, будто бы ныне не поедете. И так они не станут вас ждать на дороге. И еще лутче сделаете, ежели в третие [раз] вышлете будто их продавать в другие города хивинские (и не продавайте), ибо в тех городах казаков обретается гораздо больше. Но, пожалуй, скажи мне, подлинно ли ты так учинил, дабы казаки верили, что ты ныне не поедешь, или с иным образом?» Я ему отвечал, что совершенно не с иной какой образ, только понеже я не видел никакой резолюции о моем отправлении. Для того принужден продать и моих лошадей, ибо содержать их не могу больше. На сие фаворит мне сказал смеясь: «Наш посол готов, и я ему приказал, чтоб он к вам приехал, и когда похочете, изволите ехать во имя божие, ибо в такие жары неприятель в степи не бавится, где травы не сыщет. Но надлежит вам иметь доброго провожатого, который бы вас провел мимо мест опасных». Тогда я ему сказал, чтоб он просил хана, дабы по обещанию изволил мне пожаловать конвой, также и провожатых. И фаворит мне отвечал: «Зело изрядно». И с сим от меня пошел. Потом фаворит прислал ко мне известить с своим человеком, хотел ли я иметь в конвой 50 человек тухменцов, которых хан мне спределил, но чтоб я должен был дать им лошадей и все, что в путь принадлежало. На сие я отвечал, что ежели бы имел деньги излишние (также [если бы] мог я дать довольно лошадей моих людям), то б я для обороны людей лутче взял от себя на моем коште, и при том я сказал еще: «Было бы стыдно самому хану, когда б я дал конвою его лошадей и что принадлежит в дорогу. Однако ж, здраво прибыв до Яика, наших границ, знал бы я подарить за добрую службу, как всюду обычайно».

Но чрез все сие я не мог учинить ничего, что потом принужден просить в милость токмо одного тухменца в провожатые, а фаворит представил двух, однако ж хотел он насильно, чтоб и за них дать вместо лошадей 6 тысяч денег. Некоторую политику взяв, презентовав я помянутого фаворита Достум Бая, дабы он не труждал невольников российских и ниже наносил какого озлобления.

По сему фаворит прислал у меня спросить, в какой образ надлежало писать лист к его величеству и чтоб я, яко доброй приятель, учинил экземпляр по моему нраву, сказывая, будто хан не знал, какие термины употребить и чем иметь основание. И я отвечал, что у мужа мудрого, [для того чтобы] писать так добро, как и противно, материя никогда не оскудевала и всякой честности муж, о чем говорит или пишет, то ему сказывает сама совесть, и я не ведаю намерений ханских, только то, что он мне говорил изустно, яко суть мнения праведные и мудрые, и ежели сие, что желает мира, — помогу, а я с моей стороны не премину поспешествовать его святым намерениям. Фаворит, недоволен

сим моим ответом, вторично ко мне прислал сказать, чтоб я на нечто написал лист вчерне или бы дал какое знаменование на письме и по тому знаменованию он имел бы писать листы будущие. На сие я ему ответствовал, что не могу учинить, не умею дать иных знаменований, разве то могу я разсудить, что было бы хорошо ли или противно.

Однако ж фаворит, о том недоволен, пришед на другой день, сам мне говорил, и я ему отвечал, что мне учинить невозможно, ниже было пристойно учить, как писать. Фаворит мне сказал, что их намерение было описать мой приезд в Хиву — как меня приняли и трактовали с честью и протчая. И я, им подтверждая, сказал, что пункт сей был изрядной и со удовольствием.

Последи фаворит меня просил, изволю ли, чтоб упомянуть в листе дело князя Бековича. На сие я отвечал: «Вы лутче меня ведаете, а наипаче, будучи в Бухарии, слышал я, как уже хан изволил получить некоторую грамоту от двора нашего, и, на оную смотря, мощно было бы удобно поправиться».

Фаворит сказал не очень весело: «Та грамота нам не надобна. Ежели его величество позволит прислать посла, то хан отдаст всех российских невольников, и для того вам от никого не отдаст, ибо бережет их нарочно к такому случаю».

Опасаясь, я, чтоб два тухменца, мне назначенные за провожатых, не были предатели, разсудил за благо присмотреть кроме провожатого татарина, которого имел при себе, еще другого доброго путеводца, и понеже я знал в Хиве одного, родом из Турхистана, именем Сулхан Кулли и живет в Астрахани, которой недавно приехал из Астрабада, для того я послал призвать его к себе и говорил ему: «Похотел ли бы со мною ехать и служить верно в том моем пути?» И он, по представлении премногих трудностей и ради великих жаров и ради неприятелей казаков отговариваясь, напоследок для любви моей склонился принять службу и проводить меня до Астрахани. А понеже я несколько дней прежде слышал, что фаворит не хотел никоим образом, дабы посол, от наипа Ходжи представленной, ехал со мною, того ради я нарочно того Сулхана Кулли послал к фавориту, чтоб он сообщил ему, как я его хотел иметь за провожатого. Фаворит, сие выслушав, Сулхана Кулли представил пред хана, которой ему говорил в таком образе: «Понеже посланник желает тебя иметь за провожатого, я также, ежели хочешь, дам тебе листы к его величеству и учиню тебя моим послом». Как воспоследовало, и наименован таким, то есть посол, или, сказать посланник, или курьер, ибо в тех странах все едино и кто везет лист ханской, того называют послом. И потом фаворит послал его ко мне спросить, доволен ли я был, что он повезет листы к его величеству. И я иного не искал, только как мне освободиться из их рук варварских. Сказал, что попремогу был доволен, а наипаче, что он мой знакомой.

На тех днях получены из Аралу ведомости худые, что партизаны Ширгасы хана были побиты от партизанов Шах Темир Сул-

тана и что он готовился идти под Хиву, в третье: и для того вся Хива была в великой опасности и сам хан не смел выйти из своего двора, чтоб не был предан. И для такой причины мое дело отложено еще на несколько дней. Напоследок пред тем, пока не воспоследовал случай противной и нещастие и ради болезни, чтоб Шах Темир Султан не осадил Хиву, домогался я с крайним принуждением иметь отпуск, также чтоб хан не чинил мне отпуску публично. О том представлял фавориту Достум Баю, понеже желал я ехать со всякою секретностию, что не токмо казаки или город, но ниже бы узбеки ведали, для того я просил его исходатайствовать мне у хана секретную абшит аудиэнцию, и сие — ночью, что было бы мне полезнее.

Сие мое представление возимело шастливое следование, понеже и фаворит и хан приняли за благо. И так 25-го июля около часа ночи был я зван на аудиэнцию, и в тот день фаворит прислал ко мне вместо кафтана (как есть обычай давать) монеты тамошней денег 14 тысяч, что чинит 15 червонных бухарских. И велел мне сказать фаворит, что понеже подарить мне кафтан не имели за благо, для того прислали деньгами, а наипаче, что имел я нужду для харчу, и такой подарок в Хиве токмо единожды был получен. Но немногу прошло, фавориту с лихою заплачено за 14 тысяч, ибо он на другой день снял у меня с головы изрядную шапку соболью и камзол штофу черного взял насильно.

И того вечера был я у хана с тремя токмо человеками тихонько в платье по тамошнему обычаю. И хан был один, токмо в лице зело смутен, ибо тогда от всех опасался, хоть и показывал себя лицом веселым, однако ж видно было — с принуждением.

И хан, посадив меня, больше часа наедине разговаривал со мною о том же, что прежде на аудиэнции имелось. Говорил о невольниках российских. Сказал, что он их имел готовых ко всякого малейшего случаю. При том еще приупоминал, что ежели бы я был прислан в Хиву послом от его величества, то б мне учинил всякие чести и подарки велми богатые.

Я отвечал, что и так есмь благодарен за его милость и прошу Бога впредь удостоиться с оказией, когда его величество соизволит иметь его за приятеля, как [хан] надеялся, что скоро чрез своего отправленного посла Сулхана Кулли получил бы благоприятные ведомости.

Хан мне сказал такие подлинные слова: «И я желаю с его величеством иметь любовь непрерывную, как всегда продолжали другие мои предки, и чтоб купцы со обеих сторон чинили купечество по прежнему, ибо от вражды никакой пользы не бывает; его величество не имеет нужды от нашей земли убогой, ниже я от его. Хива далека велми от границ российских, его величество всегда б имел труд великой прибыть в земли наши, и я зело неспособен и весьма невозможно идти в его».

Напоследок просил меня хан, чтоб я донес его величеству с стороны его о князе Бековиче; которой князь претендовал быть

от фамилии Гнурджи (Giege) Хана и, что противно указам его величества, имел с собою солдат многие тысячи. Въехав в Хиву, учинил сам себя ханом по своей воле яко наследственным, и что не приезжал он как посол, как его величество ему поверил.

Я отвечал хану: «Его величество не требует земли вашей, хотя б была и ближе. Шах представлял ему целое королевство, дабы его величество помогал ему против авганов и отобрал [бы у них] в подарок [шаху] Испаган. Его величество принять поволил не ради того, что якобы было потребно, ибо имеет своих собственных королевств сто крат лучше, но приемлет то в подарок древнего приятеля, яко во обязательство помогать ему и оборонять».

По сем разговоре намерен я был проститься, и хан против воли своего фаворита, которой не хотел, чтоб я ужинал, велел поставить стол и посадил меня с собою ужинать. Между ужином говорил мне хан, как велми любит кречетов, и я ему обещал прислать из Астрахани с его трухменцами пару, но ничего ему не послал. При том же столе еще мне хан сказал (но все было ложно), будто послал он указ нарочно по всем городам хивинским, чтоб все купцы казаки на 10 или 15 дней были задержаны и никого бы вон не выпускали, пока б я из Хивы не выехал, за что попремногу ему благодарствовал и протчая.

Просил я хана о после Сулхане Кулли, чтоб он его на другой день отпустить пожаловал. И хан мне отвечал, чтоб в том я не сомневался — будет отпущен и чтоб скорее Сулхан Кулли возвратился, уже послано по городам хивинским собирать для него что потребно на дорогу, то есть со всякого городу надлежало взять верблюда и пять тысяч денег. И с сим разговором от хана я отпущен. По полученном отпуске принужден я бавиться в Хиве шесть дней, ожидая помянутого посла Сулхана Кулли.

За день до отъезду, причиною одного невольника российско-го, ушедшего от узбека (чаяли быть ему у меня), хан прислал ко мне с таким комплиментом: «Берегись, посланник, что которой человек российской ушел, тот не у тебя ли обретается, или между людьми вашими не здесь ли в Хиве или не инде ли вне Хивы, ибо будете осматриваны, и ежели сыщется, то будешь вменен за вора, и пошлю узбеков тебя разорить, учинить самого невольником и протчая и протчая». На сие я сказал, что я не приехал в Хиву красть невольников и ежели бы был вор, то б мог я украсть невольников в Бухаре не одну сотню при okazji, как я оттоле ушел. А которых невольников имею из Бухары — те выкуплены за деньги, или подарены, или отпущены на волю ради любви божией. При том я еще сказал: «Было б зело неправедно, ежели бы хан попустил узбекам меня разорить, не довольно ли было сего стыда?» •

В последней день моего отъезду, толь желаемого, фаворит ханской прислал ко мне с своим человеком дряхлую лошадь с стороны ханской и велел сказать нарочно, что хан хотел иметь того иноходца, которого бухарской хан послал в подарок к его

величеству, и чтоб вместо того взял я лошадь дряхлую. Я сказал, что тот иноходец не принадлежит мне, но его величеству. Ежели бы хан изволил взять какого коня из моих собственных, то все — в его воле, но ежели хан изволил приказать взять насильно, сказывал я посланному, то чтоб он сам пошел в конюшню и, отвязав, повел бы, как тот человек и учинил: взял помянутого иноходца (а вместо того привязав своего) и повел к хану.

Случился в то время у меня быть отпущенной их посол Сулхан Кулли, и я ему рассказал такой случай, что он, слыша, велими ужаснулся. Потом я его просил о сем внушить кому из министров, а особливо приятелю моему, наипу Ходже, которой в том zelo старался, сообщая о таком непотребном действии другим министрам, и они с превеликим шумом говорили, что такого действия чинить не надлежало, ибо явное было похитительство, и что иного не осталось, токмо разве совсем ограбить, учинить меня невольником и протчая. Когда сие донеслось в уши самому хану и фавориту, то немедленно того ж часу прислан ко мне назад иноходец чрез того ж человека со известием: «Хан к вам прислал иноходца назад, ибо ему не по нраву, и я чтоб то не принял за противность, но был бы доброго сердца и протчая».

О первых числах августа из Хивы я поехал в компании помянутого Сулхан Кулли, 23 дня маршируя с превеликою трудностью и беспокойством денно и ночью, приехал на Яик в учуги (рыбные промыслы. — В. В.), к городку Гурьеву, где мы, от так жестокого пути отдыхая, несколько дней бавились. И 17 сентября милостию божию прибыли в Астрахань.

А понеже посол имел в юрте свою жену и свойственников, для того просил, чтоб дана была квартира в доме его свойственника в том же юрте (слободе. — В. В.) татарском. Я с своей стороны подарил ему двадцать рублей и просил в астраханской канцелярии, чтоб для его пропитания определено было по рублю на день. Два трухменца, провожатые, в Астрахань не приехали, может быть, опасаясь, остались у Доржа в Калмыках, ожидая каравана. Помянутой Сулхан Кулли никогда б яко посол не приехал, опасаясь, чтоб ему какое зло не причинилось, как он слышал между подданными его величества, но я на мой пароль его взял и обещал, что никакого зла ему не учинится, паче же награжден будет за то, что меня освободил из тех краев. Имеет при себе 10 человек и zelo несчастлив; женат и в Хиве, и в Астрахани, и в Бухаре; признаваю быть ему родом в Турхистане и от тридцати лет и больше. Бывал в Астрахани и понеже служивал иногда купцам за главного над караванами, которые хаживали в Хиву и Бухарию, для того назван караван баши, то есть голова, или проводник, караванов. Подарков имеет поднести от хивинского хана Ширгасы, то есть: одна пара барсов, девять пар ножичков, девять пар рукавиц и девять овчинок волнистых etc.

Florio Beneveni. Перевел Петр Софонов.
[3, 1718 г., д. 3, л. 204—250 об.]

**Краткой журнал посланника
секретаря Ориентальной экспедиции Флория Беневени,
в Бухарах бывшего ***

В 1718 году в июле месяце по указу блаженной и вечно достойной памяти его императорского величества определен он был посланником к хану бухарскому и при оном его отправлении дана была ему, посланнику, из государственной иностранных дел Коллегии на то инструкция, которая содержалась в семи пунктах, и, по возможности своей, он, посланник, таковым образом поступал, а именно

По 1-у пункту

Поехал он, посланник, из Санкт-Петербурга того ж 1718-го году августа 8-го числа и того ж ноября 4-го числа прибыл в Астрахань, где застал бывшего бухарского посла Хан Кулия.

По 2-у пункту

И понеже вместе с оным послом степью зимним також прямым и ближайшим путем за учинившимся нещастием князя Черкасского ехать чрез Хиву невозможно было, при том и сам бухарской посол не похотел воспринять того пути чрез Хиву (предлагая помянутому посланнику убитому или арестованному быти от хивинского хана Ширгазья, но и самому б ему, послу, не без беды было), чего ради посланник от бывшего совету оно-го посла бухарского положил тогда ехать чрез Персию, а именно чрез Ширван, Гилян, Мезандаран и Хоросан. И чтоб им свободной путь учинен был чрез помянутые области бывшего шахова величества, то чрез нарочного курьера отправили из Астрахани в государственную иностранных дел Коллегию доношение, прося оную, дабы пожалована была от лица блаженной и вечно достойной памяти его императорского величества им грамота. И по получении той грамоты в 1719-м году июня 24-го числа поехали они морем в Низовую пристань, куда приехали 4-го июля месяца, когда в Персии началось быть возмущение, бунт и война, а наипаче в округлости Ширванской. Чего ради во оном проезде чрез Персию вышенареченной посланник вместе с бухарским послом великое препяние и трудности имел, что насилу в полтора года полтретья (т. е. два с половиной. — *В. В.*) месяца вырвался и доехал до границ бухарских. Как в реляциях оно-го посланника (отправленных прежде сего из Шемахи, столицы Ширванской, где он на целой год удержан был и едва не смертельные претерпел случаи, так и из Тихрана города, из Мезандарану, где с шаховым величеством свидание имел) показано о поведениях и проезде персицком, [так] и паки при особливом журнале, которой он же, посланник, со временем сообщит в государственную иностранных дел Коллегию. Ему, посланнику, вместе с

бухарским послом Хан Кулием инкогнито и под другим лицом ехать никоим образом невозможно было для того, что и до приезде его и посланникова в Астрахань наперед все ведали, а в Персии и по готову, понеже тогда персидской посол Хафисбег, бывший при Аюке хане калмыцком, в Астрахани обретался, и ежели б оной посланник и похотел ехать инкогнито чрез Персию, то б он в немалом был подозрени и затем вышепомянутой путь чрез Персию публично [решил совершить, что было] и против характера своего, и против присланной ему и бухарскому послу грамоты с рекомендацією до шаха путь свой воспринять. Оного посланника иной езды (морем окроме, что из Астрахани до вышепомянутой Низовой пристани) не было, и ехал он все сухим путем вокруг Каспийского моря чрез Казаки или каракалпакские степи и во всех оных державах и странах какие города, поселения, положения мест, какие большие и малые реки впадают (так в Каспийское, как и в Аральское море) и какие суды по реке Аму имеются, также сколько и какие города и фортеции в Мезандаране, в Хоросане, в Бухарах и в Хиве — и то все он, посланник (по возможности своей иное сам видел и присмотрел, а иное от других и чрез нарочные посылки верно разведывал), в мемории записал, дабы о том генерально в журнале обстоятельно и порядочно расположить и описать. Также в мемории оного посланника записано, сколько разстояния от места до места, от города до города, от владения до владения, от уезду до уезду (кроме величины моря Аральского, о котором море в ни которых гисториях до сего времени не изображено), дабы со временем (ежели возможно будет) на особой карте со описанием все то, как сам видел и слышал, присовокупить и изобразить. Мемория, или записка, оного посланника имеется короткая на итальянском языке, ибо в тех варварских странах имеются многие русские пленники, которые могли б прочесть русское письмо, и для того на русской язык все описывать не посмел, а и так неоднократно в Бухарах при некоторых случаях со страху принужден был многие записки и реляции, касающиеся до тамошнего состояния, которые были на русском языке, жечь, дабы не сыскались. К тому же тамошние озбеки за причину князя Черкасского имели его, посланника, в великом подозрени. И хотя сперва они с посланником некоторою ласкою обходились, якобы нехудомнительные, надеясь от оного получить подарки, стали явно оные озбеки посланника клеветать и шпионом называть и самому хану не единократно внушали, чтоб приказал его, посланника, ограбить и убить али де в полон взять, следуя образцу, как хивинской хан учинил над князем Черкасским. И хан бухарской, яко молод, человек без разсуждения и без постоянства, по чаемому будто приставать хотел [по] таким ж немысленным озбекским внушениям, ежели б да не придворные (непрестанно чрез подарки от оного посланника одолженные друзья его), хана не отвадили. А наипаче всех первой придворной министр Ходжа Улфет, начальнейший

эвнух хана бухарского, дружбу показал оному посланнику, которого дважды от смертных бед избавил. А именно в 1722-м году, когда по указу блаженной и вечно достойной памяти его императорского величества отправлен был из Астрахани чрез казацкии орды к нему в Бухары курьером юртовской татарин, которой, не доезжая Бухар, убит был на дороге от казаков чрез предательство одного бухарского купца, и бывши тогда при дворе хана бухарского туркистанской посол знатной и святой фамилии между турков, именем Накиб Ходжа, подал чрез помянутого Ходжу Улфета доношение хану бухарскому, якобы оной курьер послан был к нему, посланнику, для шпионства и осмотра тракту, чрез которой могли б русские войска маршировать к завладению Туркистана и Бухар и прочая, и для лутчего уверения к тому доношению и руку свою приложил; и тот друг Ходжа Улфет, оберегая его от ханского гневу, не показал хану такого противного доношения, но во знак лучшей своей дружбы того ж часу прислал он к нему, посланнику, сообщить и показал оригинал оного доношения, с которого при нем, посланнике, имеется список. В 1725-м году в марте месяце, когда хан бухарской паки по озбечему внушению умыслил было оного посланника предать их варварству, тогда оной Ходжа Улфет с важными резонами и советами его, хана, отвел, хотя и на время, от такого худого умысла, [а] пока ему, посланнику, из Бухар вырваться пощастилось и поздорову просхаты всякие опасности, как о том в реляциях его и в прежде поданном журнале о выезде его, посланника, из Бухар и о проезде чрез Хиву показано.

По 3-у пункту

В 1721-м году сентября 25-го числа прибыл посланник в пограничный город Чарджов, или паланку (т. е. крепость. — В. В.), где тутошней комендант в трех верстах со своим гарнизоном служивых калмыков его, посланника, встретил, по их обыкновению, и препроводил до места и до квартиры. А на завтра, после принятия от него ж, посланника, подарков (которые нельзя было не давать, ибо тамошние без стыда и сами требуют), в тот же день прибыл из Бухар посланной от бухарского хана один знатной придворной чиновной человек со ста человек к персицкому пограничному городу Мавр вместо конвою для провожания помянутого посланника, также и персицкого посла, которой за опасным степным путем месяца с два в помянутом городе Мавре мешкал и опасался в Бухары без конвою ехать, хотя он и вдвое большую свиту против посланника имел. И понеже оной посланник не с большою свитой отважность свою показал и без конвою приехал в самые опасные времена, того для хану бухарскому и всем озбекам весьма удивительно было и все генерально русской кураж и смелость похваляли, а кизилбашу ж — похуляли.

26-го того ж [года] октября месяца проехал оной посланник реку Аму. К бухарской столице Бухаре путь продолжал, где по дороге в двух городах коменданты и тамошние управители (не для того чтоб ему, посланнику, честь отдать, но для собственной своей наживы и интересу) навстречу выезжали.

За день езды до столицы бухарской прислан к нему, посланнику, навстречу шахаул, то есть пристав, которой проводил его до места.

В десяти верстах от помянутой столицы выехал к посланнику навстречу ханской топчибаши около с пятидесятью человек придворных служивых, и оной топчибаши проводил его, посланника, до кварталы, которая и была в предместии, на время, пока определен был ему двор пристойной, матери ханской, також в предместии, и протчая.

3-го числа ноября месяца, по обыкновению, оной посланник имел свой въезд в город. А при том въезде провожал его, посланника, ханской большой эвнух Ходжа Улфет с немалою свитою придворных чиновных людей, и сам хан из двора своего с галереи смотрел тот въезд и строй свиты его, которая содержалась в семидесяти человеках, почитай все в драгунских мундирах, верхами на конях, окроме купецких людей, которых он, посланник, в Бухарах застал.

В тех днях хан занемог, и отложена была аудиенция оного посланника даже до 10-го декабря месяца, а к тому ж от сего двора и персичкой посол ожидан был, ибо большая часть озбекских министров претендовала, чтоб хан сперва дал аудиенцию оному послу персичкому, яко присланному от их пограничного древнего друга, а потом посланнику, яко присланиому из дальнего государства и от такого монархия, которой якобы намерен (по их, озбеким, словам) завладети Хивою, а напослед и Бухарами с лакомства золотых руд и протчая. Посланник, однако ж, чрез старания и обещания добрых подарков до того не допустил и тако хана склонил, что назло всем противным озбекам приказал вначале посланника принять к себе на аудиенцию, а потом персичкого посла, объявляя, что кто первый приехал, тому и первая честь.

Он, посланник Флори, об аудиенции примеров никаких доведаться не мог и не слыхал, бывали де прежде сего посланники русские, окроме купчинов, при бухарском дворе, а про послов персичких слыхал, что весьма плохие получали аудиенции, а именно принуждены были кланяться хану до земли, грамоту подавать чрез приставного шахаула и место имели они весьма низкое, чего ради посланник принужден слаться на поведение персичкого двора и против оного чести себе требовать от хана. Претензия посланникова между протчими была, чтоб въехать в ханской двор на коне и для того спущены б были в больших воротах завешенные цепи, чрез которые озбекким министрам ехать запрещено, чтоб грамоту императорскую самому хану вручить, чтоб при аудиенции иметь особое место и стул, где б сидеть,

а хану поклониться по обыкновению европейскому, а не до земли, объявляя он, посланник, притом тамошнем министрам ханским всякие резоны по инструкции, ему данной. Кроме того, в резолюции от двора ханского объявлено, что ему, посланнику, токмо позволено будет въехать на двор ханской на коне, а свита б его у ворот с лошадей слезла. Что же о грамоте императорской, оная для милости особливой и приязни принята будет от большого эвнуха Ходжи Улфета или от кушбега, ближнего ханского, и что сам хан отнюдь грамоты не принимает, но в том посланник весьма упорно стоял. Двор же бухарской, увидя его упорство, за благо рассудил его, посланника, удовлетворить отчасти обманом, обещевая, что хан при подании грамоты руку протянет и коснется грамоты — якобы принял, и посланник бы в то время положил оную грамоту на престол ханской. А про особливое место и стул и думать не хотели, чего ради великие с посланником пересылки чинили; хан напослед услышав, что оной посланник весьма упорно в том стоял, дал ему знак чрез партикулярного своего придворного министра, что он в публичной аудиенции никоим образом особливого места на стуле определить не может, опасаясь озбеков, которые в таком месте и на вышнем месте сидящего никого, кроме его, хана, не стерпят (а что при партикулярной и секретной аудиенции ему б, посланнику, оной хан никогда не отказал), а сидеть бы ему, посланнику, в линии между озбецкими министрами во втором месте, после аталыка, то есть первого министра. И тако оной посланник, увидя, что больше выторговать невозможно пред таким неразумным и варварским народом, имел аудиенцию у хана и по учиненном соглашении принужден был взехать на ханской двор на коне до первых апартаментов, потом, вышедши в галерею или в сени, где аудиенция имеется по обыкновению, в двух местах поклон отдал оному хану ординарным образом, а не так низко, как оные требовали, и хан також знак учинил поклона, скивав головою, поздравлял посланника добрым пришествием. Потом посланник зачал по обыкновению речь свою турецким языком отправлять против инструкции; которая [речь] понеже была плодovitа, того ради Ходжа Улфет учинил ему, посланнику, знак, дабы престал и приблизился к подаению грамоты, а потом сам Ходжа Улфет довершил речь, которую ему, Ходже, посланник пред аудиенциею сообщил, на что хан отвечивал токмо сим образом: «Хорошо, изрядно».

И понеже престол, на котором хан сидел, высотой был аршина с четыре от земли и имел в двух местах всход ступенями, то он, посланник, вошел на вторые ступени, на которых стоял вышереченной министр придворной — кушбеги, протянул руку для вручения грамоты, а хан також сам руку протянул. Притом же план того престола был весьма широк и хан сидит на подушках посреди, так что пристойным образом ближе приступить невозможно и не допускают, но дабы хан нарочно так поодаль был. Тогда кушбеги взял из рук посланниковых грамоту и по-

двинул к хану, которой наложил руку на оную во знак, что принял за благо, потом от приставного шахаула провожден был он, посланник, до места, чем обманули, ибо посадили его, посланника, в четвертом месте в линию озбеккую, а не во втором месте, как с ним договоренность, о чем помянутому посланнику в таком месте спорить невозможно было, ибо как присмотрел он, посланник, что министры озбеккие за то четвертое место на него, посланника, косились и потиху бранили, что с ними в ряд посажен был. По отправлении той аудиенции он, посланник, был тамо трактван обедом и потом приехал в дом свой.

Посол же персической не в пример его, посланника, аудиенцию получил, а именно: вшедши он в аудиенцию, отдал поклон до земли и подал грамоту чрез трети руки, то есть чрез приставного шахаула и кушбега, а посажен в линию озбеккую в шестом месте. Таковым же образом от шахова двора принимаются бухарские послы.

По 4-у пункту

Будучи посланник в Бухарах, присмотрел и проведал, что чего есть в тамошних так нынешних, как и прежних хана бухарского областях, именно в уезде Балхском, Бадакшанском, Хисарском, Ходжентском и Туркистанском. Антхой, також и Кутнам, и прочие пограничные места — все отстали от бухарского владения, имсют особливых ханов и владельцев. В некоторых городах — озбеки, в некоторых — чагатайцы, народ тако называемый калча, трухменцы, авганцы, а и над Ташендом, Туркистаном, Ходжентом недавно черные калмыки завладели. Никаких регулярных в Бухарах фортецей не имеется, кроме некоторых небольших земляных, из грязи построенных городков, или паланков, и в них никакой артиллерии нет у бухарцев, кроме фитильного оружия, и то не вовсе употребляют, ибо инде есть, а инде нет. А озбеки большая часть употребляют саблю, лук и копья. В столице Бухарах токмо видел оной посланник 14 полковых пушек, взятых у мунгальцов, когда они под Бухары подходили, которые пушки из давних времен бывшей Абдулах, хан бухарской, достал. При том — и другие две пушки большие: одна — медная, другая — чугунная, и те взяты от мунгальцов же при взятии города Антхоя, и понеже в дело не употреблены, и валяются просто на земли без станков, да и человека не имеют, чтоб умел оными владеть. Токмо в 1722-м году, когда хан выезжал в поле против нынешнего неприятеля и претендента Реджел хана, которого противные озбеки выбрали на ханство в Самарканде, бывшей столице славного Темир Аксака (в трех днях разстоянием от Бухары), возил с собою из тех пушек одну, большую медную, отдав оную во управление бывшему в России его послу Хан Кулию в той надежде, якобы он, будучи в России, искусился артиллерному делу. Но потом оную пушку от искусства того Хан Кулия разорвало и человека убило, и хан оную пушку возил с

собою не для того, чтоб неприятеля побить, а токмо громом попужать бы его. А в иных городах никакой артиллерии не имеется.

При дворе хана бухарского оной же посланник видел с 15 маленьких чугунных пушечек, на кизилбашскую статью нарицаемых замбурак, которых возят на верблюдах, в станках, подобно кавалет (т. е. кавалерийским. — В. В.) мушкетам, и из них стреляют с верблюдов без никакой регулы.

В Хиве также есть 7 пушек медных полковых, бывших при князе Черкасском. Те без станков, к тому же так бухарцы, как и хивинцы искусства в пушках не имеют, разве заставят русских пленников из них стрелять, и ядер делать не знают и вместо ядер употребляют камень или каменные ядра.

Столица Бухар — город велик. Стена около его из грязи построена и нежжонным кирпичом, и часто стены обваливаются. Ворот имеют двенадцать, а считают дворов с 15 тысяч; редко, однако ж, великих дворов увидеть можно, но все мелкие дворики и об одном жилье, якобы мазанки из грязи и нежжонных кирпичев. Двор ханской имеется в городе на высоком земляном бугре, якобы замок, с высокою стеною, а токмо зачата из жжоного кирпичу, также из жжоного кирпичу суть большие мечети и академии, в двух жильях построенные при одной высокой башне.

Самарканд также велик город, но ноне половина пуст и разорен от озбекких набегов.

Во всем бухарском нонешнем и прежнем владении счисляется 23 города, [в том числе] и городов с предместьями знатными, а имянно от Бухары столицы к востоку — городок Азара, Кирмени, Ташенд, Кокан, Мергалан, Намджан, Индижан и Кашгар; к северу — городок Абкенд, Нурата, Шехризаб, Самарканд и Туркистан; между востоком и полуднем — Карши, Ихиссар и Бодакшан; на полдень — Балх, Антхой и Кутнам; между полуднем и западом — Карагиол, Яйкчи и Тшарджов. А в иных местах, в которых озбеки кочуют, имеются многие курганчики, также и при деревнях, дабы во время нападения могли окольные жители в них хорониться и из оных борониться с фитильным оружием и стрелами.

В помянутых городах большая часть владеют озбеки, и инде самовластно, а инде добровольно, и то временно хана бухарского слушаются, а временем и не смотрят на хана. Иже ли (если. — В. В.) почасту дарит им, то и ему служат, а буде не дарит, то противятся ему, и разоряют, и грабят что ни попалося.

В бытность посланника в Бухарах были между озбеками три факции (партии. — В. В.), одна факция была на настоящего хана бухарского, другая — на вышепомянутого Реджеб хана самаркандского, которые факции непристанно между собою драку сочиняли. А третья факция была такая, что обе те факции преодолевала и разоряла.

В Бухарах имеется озбеков 32 статей (т. е. племен. — В. В.) разноименованных. И войска у них наберется около 90 тысяч, и

то — конницы, а пехоты не имеют, да при том же трухменцов тысяч с 20 наберется. И воюют на ту статью, как калмыки. Сражения генерального при баталниях не чинят, токмо когда два корпуса сойдутся вместе по малому числу, яко из них на поединок со обеих сторон высылаются. При акции одна партия десятков других людей потеряет, а буде сто (и то велика баталия называется у них), то более не противятся, но спасаются уходом. Бude случаются добрые лошади, то силы озбекские состоят в сабле, в стрелах и в копии, ибо из ружья фитильного стрелять не могут на лошадях, но токмо стреляют с земли с наклонкою, чего ради у каждого ружья фитильного имеются при вершине сошки рогагы.

Нынешний бухарский хан что ни (т. е. самую. — В. В.) лучшую надежду имеет на своих собственных придворных холопов, и есть при нем с 350 калмыков служивых да со 150 ханазатов, то есть холопов, рожденных от русского отца и от русской матери и суть бусурманы (в том числе [придворных холопов] будет с 30 христианов пленных российских в помянутом пограничном городке, или паланке). Также он, хан, держит в гарнизоне со 150 из оных калмыцких холопов, опасаясь, дабы озбеки оным городком не завладели для отобрания пошлыны, которая тут собирается с купцов, из Бухар в Персию или из Персии в Бухары приезжающих, также и с озбеков и с трухменцов, когда они с добычею возвращаются от оной Персии с пленниками или с товарами, пограбленными от караванов разбоем.

В Хиве также имеется воинской порядок и военных озбеков числится до 10 тысяч, толикое же число трухменцов, и некогда меньше, некогда больше, ибо они непостоянны и не всегда кочуют около Хивы.

В оной Хиве числится 5 городков знатных, а именно Хива, Азарис, Курленд, Оргенч и Канаха. Кроме маленьких курганов, [города] — таким же строением, как и в Бухарах.

При бытности оного посланника в Хиве имелись две озбекские факции: одна в Аралах при новом хане и претенденте Шах Темир Султане, а другая в Хиве при Ширгазы хане, между которыми случаются непристанные набеги и стычки. И как част он, посланник, что напоследки обе те факции обоих ханов потеряют. И паки выберут, по обыкновению, иного хана или из казаков, или из калмыков.

По 5-у пункту

Хан бухарской ныне, яко безчисленный (т. е. не располагающий достаточной военной поддержкой. — В. В.), от противных озбекских факций и претендента Реджеб хана, ни с кем войны иметь не может. А ежели б все озбеки были с ним в союзе, то без сумненно в нынешних случаях ради добычи своей персиянам не спустил бы, чего ради принужден с оными дружжелюбно поступать, к тому ж и для своего интересу, ибо чрез непристанные посылки посольские к оному персическому двору прибыль

себе получает, а именно кто на такое посольство едет, тот у хана грамоту получает и лаки от двора шахова подарки получает.

И с мунгальцами також для интересу обхождение имеет бухарской хан, ибо по вся годы к Великому Моголу послов своих посылает, а от оного Могола в 20 лет разве единожды посол к нему приезжал. Также и от персидского двора. И когда ни приезжают такие послы, принуждены с великою нищетою возвращатися назад, ибо озбеки их кругом обирают, а хан бухарской для вышеозначенных причин не имеет ни власти над озбеками к тому ж. Балх и Бадаксан — пограничные места. И которые прежде сего были под бухарским владением отложились и имеют особливого хана, то он, [Абул-Фейз], не токмо с помянутыми мунгальцами, но и с Балхом и Бадакшаном войны иметь не сможет и принужден с ними в миру жить. Хан бухарской в бытность его, посланника, в Бухаре кроме того, что он опасение имел от претендента Реджеп хана и противных озбеков своих, но опасался еще и от посторонних пограничных, а именно черных калмыков, казаков, каракалпаков и от хивинцов, ибо в 1719-м году Ширгазы хан хивинской с нападением великое учинил разорение в бухарских областях за день езды от столицы. И ныне бы то же учинено было, ежели б Ширгазы хан свободен был и не имел помехи от противной факции помянутого претендента в Аралах, которые Аралы суть острова и лежат при устье реки Аму на море Аральском, по Хиве меж севером и востоком (от Хивы на северо-восток. — В. В.).

Бухарское государство граничит с Персидою, с Индиею мунгальскою, с Хивою и с Сибирию, или б, сказать, с черными калмыками, понеже оные ныне овладели всеми тамошними местами, даже до Сыр реки и на бухарской стороне Ходжентом, которой город стоит на оной Сыр реке.

А границы бухарские разумеются степи, которые суть с персидской, с хивинской и с сибирской сторон, а с мунгальской стороны — горы, иных межей он, посланник, не видел.

И будучи он, посланник, при дворе ханском, увидел и рассмотрел, что хан бухарской не токмо слаб во управлении своем, но и власти никакой над озбеками не имеет, а озбеки также самовольны и не постоянны, так что единым днем и подданными и неприятелями оказаться готовы, токмо бы им добыча была. И пока хан жалует их дарами и чинами довольствуется, то оные служат и подданными объявляются, а ежели б не стал их жаловать или б гнев над оными показал, то и они, озбеки, не токмо от подданства отстают, но и всякие пакости и противности чинят, яко суще неприятели, от которого не порядку вся Бухария в несоезе и в разорении обретается.

В 1718-м году бухарской хан, еще в самых молодых летах, по внушению придворных позвав к себе на банкет начальнейших чиновных и знатных озбеков, оных убил, а именно с 300 озбеков, надеясь быть чрез то в безопасности самому и покойно владеть

на престоле; то потом пуще все озбеки, а наипаче родня убитых озбеков, забунтовались, туждаясь всякими способами, как бы самого хана погубить и кровь убитых отомстить, чего ради в Самарканде и нового хана произвели, и протчая.

При бухарском дворе ни об каком важном деле секретно трактовать невозможно, но разве публично, и ежели б он, посланник, похотел какой союзной трактат с ханом зачать, то озбеки взроптовались на хана, ибо не хотят, чтоб хан мог быть силен, и ищут всегда, чтоб хан от них зависел, а не они б от хана.

Еще же российские силы имеются от озбеков в великом подозрении, разсуждая, что когда российская сила Хивую завладеет, то и Бухарам свободным не быть, о чем и явственно в народе говаривали, и притом и самого посланника шпионом называли. Чего ради он, посланник, со всякою осторожностью поступал с оными озбеками и в разговорах всегда предьявлял дружбу и добрую корреспонденцию в едином купечестве, ибо оным озбекам товар русской весьма надобен.

При том также он, посланник, не единократно чрез придворных дому ханского министров, а особливо чрез Ходжу Улфета, начальнейшего эвнуха, старался, дабы склонить хана ко оборонительной альянции, представляя всякие резоны, что чрез посредство российских сил мог бы оной хан в великую силу прити и полную власть иметь над своими своевольными озбеками и протчая. (И то все чинено чрез посторонних его конфидентов, дабы озбеков не привести в сусперицию, чего ради и сам Ходжа Улфет с посланником наедине, без людей, отнюдь говорить не хотел.) На что, однако ж, Ходжа Улфет отвечал посланнику, якобы он не смел о том хану доносить, ибо ведает он, посланник, что такая посторонняя альянция озбекам весьма противна, и ежели бы про то услышали озбеки, то в великом бы подозрении был он, хан, и не без бедства б быть ему от них. Напоследи он, Ходжа Улфет, отвечал посланнику, якобы у хана иных недругов не было, окроме некоторых озбеков и Реджеб хана в Самарканде, которых с помощью божиею уповает своими силами укротить и под власть свою паки присовокупить. А что надлежит до купечества — и хан сам желает, чтоб так русские торговые в Бухары, как и бухарские в русские край свободно ездили и торговали.

И он, посланник, будучи недоволен такими неприятными ответами, чаял, что помянутой Ходжа Улфет держит партию озбецкую, и затем он хану докладывать не хотел. Того ради он, посланник, стал туждаться всякими способами, чтоб ему с самим ханом видетися и переговорить обо всем. И между иными способами сыскал канал способной — чрез сестру ханскую и мамку его, которую подсылал к хану. И оной хан обещал было посланнику такое секретное свидание, но паки потом отменилось и по видимому знатно (т. е. стало известно. — В. В.): хан кому-нибудь из ближних своих объявил намерение и обещание свое секретного свидания с посланником. Чего ради его, хана, осте-

регли и не допустили во всю бытность посланникову в Бухарах имети с ним секретное свидание и разговор, кроме того, что публично он, посланник, с ханом разговаривал при всех озбеках.

К тому ж и Ходжа Улфет на неколикое время явился сердит на него, посланника, знатно за то, что мимо его, Ходжи, хану чрез других особ докладовано. Хан, однако ж, паки присылал к посланнику помянутую мамку свою с объявлением, дабы он, посланник, секретно к нему, хану, прислал на письме все то, о чем он, посланник, ему, хану, хотел персонально представить, а потом и он, хан, сам с посланником свидание иметь не оставит.

На что он, посланник, яко опасаясь непостоянства ханского (чтоб, получа оной такое от него, посланника, письмо, не объявил оной конфиденции кому из ближних министров, при том разсудя он, посланник, что могла произойти конечная беда ему, посланнику, или, может быть, что и сам хан предал бы его, посланника), в ответ сказал, что на письме подать того он не может, якобы не ведая ханского намерения и склонности, против чего мог он, посланник, предложить, к тому ж отговаривался он, посланник, что по персички сам писать не знает, а чрез людей не смеет, и протчая.

В 1722-м году в день тезоименитства блаженные и вечно достойные памяти его императорского величества, к тому ж получа он, посланник, чрез посторонних известие, что мир с шведами заключен, для того он, посланник, чинил иллюминацию и потеху изрядную, и хан бухарской, когда приезжал инкогнито к нему, посланнику, на двор с намерением, чтоб с ним видеться, и для того пришествия он, посланник, приготовил было нарочитой банкет. Однако ж и тут оного хана обретающиеся при нем ближние придворные два министра, Ходжа Улфет да Баки, кушбеги, [на] конфиденцию не допустили, представляя ему, хану, что, ежели про то узбеки услышат, не без подозрения будет им и не погубили бы его и протчая. А стоял он, хан, на оного посланника дворе даже до окончания той потехи. И он, посланник, при той потехе также был инкогнито и хана видел, и услышав он, посланник, чрез одного русского полоненника ханского, что ему, хану, не допущают с ним, посланником, свидание имети, потому посланник без спросу явно не показался, також опасался от оубецкого варварства, ибо более десяти тысяч оубеков кроме протчаго безчисленного народу около двора стояли и смотрели оную иллюминацию и потеху. К тому ж доказывает он, посланник, что ежели б хан бухарской имел склонность ко оборонительной алианции с Россиею, а не было б склонности оубецкой, то б та алианция неважна была, а ежели б, по второму примеру, та ханская и всего его двора и всех оубеков к тому склонность была совершенная, и то в дело поставить невозможно ж для того, что оной народ по природе весьма непостоянной и обманливой и что в первое часу говорит, на другой час от того запирается. К тому же присмотрел он, посланник, что никакое того двора трактование не токмо об алианции, но и о купечестве важно

быть не может, ибо обо всем трактуется у них на словах якобы на ветер, и никакого у них трактата на письме в протоколе не имеется, и на то есть озбекская пословица такова, что все резоны от сабли зависят. Хан бухарской рад бы быть в безопасности от озбеков и имети под своею командою единых подданных чагатаев, да не может и не знает сам, как пособить тому.

В бытность же посланника в Бухарах хан был не единожды в великих опасностях живота своего, при том же услышав, что российское войско идет на Хиву (ибо непристанно носился слух такой, и вся Хива со страху трепетала), весьма тому рад был и еще с своими говорил (как о том посланнику донесено от русских полоненников, которые при нем, хане, обретаются), ежели б сила русская пришла в Хиву и всех бы озбеков не токмо хивинских, но и бухарских перевели, токмо бы его в его состоянии оставили, он бы де зело благодарен был и владел бы весьма покойно и протчая.

Не токмо хан бухарской недоволен озбеками, но и тамошний чагатайской народ, которой весьма изобижен от оных озбеков, навсиче в нынешних временах, так что принуждены с домами и с целыми фамилиями в Мунгалы уезжать, и при оном посланнике из Бухара города больше четырех тысяч душ пошло в Мунгалы. А достальной народ, которого будет во всех иных краях более двух миллионов, желает лучше под калмыцким или под русским быть владением, нежели под озбекским.

По 6-у пункту

Какие товары бухарские в своих областях имеют и куды оными торгуют, он, посланник, усмотрел и разведдал, о чем особливую имеет роспись. Ныне же, однако ж, бухарской торг плох стал и купецкие люди весьма оскудели. Первое, что озбеки все кругом бунтуют и не токмо на поле купцов грабят, но и в городах озорничают и разоряют. А потом, что так персицкая, как и индейская и протчие окрестные дороги заперты и никто из купецких — разве с великим опасением ехать может, ибо везде грабежи, везде разбой случается. Ежели бы в озбеках постоянство и союз был, также ежели бы на степи не было казачей орды, а в Персии смирно бы было, как прежде сего бывало, то, без сомнения, мочно б было российское купечество размножить с великою прибылью так морем, как и сухим путем, а именно сухим путем чрез Хиву или, не захватывая оную Хиву, около моря Аральского чрез Сыр реку, так что с Яику мочно поспеть в Бухары верблюжьим ходом в тридцать дней с небольшим. Дорога хотя и степная, однако ж обильна добрыми водами и хорошим кормом. С Яику же караваны иногда в двадцать пять, а иногда, и в тридцать дней поспевают в Хиву, да дорога степная скудна весьма водами и скотским кормом, и воды суть солоноватые и горькие (как он, посланник, из Хивы денною и ношною ездою едва в двадцать пять дней поспел на Яик, и он от безводицы

многих верблюдов и лошадей в дороге побросал и с жажды чуть людей своих не перетерял).

Морем также ехать мочно на Астрабад, а из Астрабаду (или прямым степным путем, и то зимою) — в Бухары, не захватя ни единого города, а езды будет до Бухар на осьмнадцать дней. Или городами так зимою, как и летом чрез Мешет и Мавры, а там степью к пограничному городу бухарскому Чарджову езды будет на двадцать дней. Мочно також и на Красные воды ехать морем, а оттуда — зимою, ибо летом для безводицы невозможно, а сверх того опасность великая от трухменцов, а мочно бы прямою линиею по тем местам, где прежде сего течение имела Аму река в море Каспийское, в восемь дней в Хиву поспевать, а в Бухары — в четырнадцать дней, как он, посланник, надеется со временем в карте показать со описанием всех степных дорог, вод, болот и протчая.

По 7-у пункту

Он, посланник, когда в вышепомянутом 1721-м году в октябре месяце прибыл на границы бухарские в пограничный городок Чарджов и переправился потом, как надлежало ему, посланнику, не чрез Дарью (как русские называют), но чрез Аму реку (а на бухарском языке Дерия большая река нарицается, а имя оной реке заподлинно истари Аму наречена), и тую реку оной посланник вниз и вверх осмотрел, и везде песок один сыскался с золотыми искрами, от которого взявши с собою несколько для пробы, на другой год, в 1722-м году, в марте месяце из Бухар оной песок с нарочным куриером при реляциях своих в Коллегию иностранных дел для пробы ж он, посланник, послал, а ответу на то золото никакого ему, посланнику, об том не учинено. Однако ж он, посланник, между тем всякими способами не токмо чрез тамошних жителей бухарских и хивинских, но и чрез нарочные посылки под видом купеческим проискивал и удостоверился, что в четырех местах, кроме той Аму реки, впадают две другие речки (так в тексте. — *В. В.*), которые протекают из минеральных гор и наносят оттуда отчасти золото и протчее в оную Аму реку, а при вершинах тех речек довольно золота обретається, а именно в Бадаксане и в Хисаре и выше упомянутых местах. Также золота песошного довольно по Сыр реке, а наипаче под Ходжентом, городом по (от. — *В. В.*) вершине той Сыр реки двадцать четыре часа езды (которого золота оной посланник в 1723-м году в марте чрез нарочного куриера в оную иностранных дел Коллегию пробу послал). А какие суть минеры (руды. — *В. В.*) во внутри гор, про то тамошние жители и сами не ведают, а получают токмо то, что течением воды наружу выбивается, но того не мало собирают, хотя и без искусства, и привозят в Бухары на продажу.

В помянутом Бадаксане в одной горе родится камень лал. И довольно число находится. И тамошний народ с того числа,

как от бухарского владения отложился (тому двадцать пять лет), более в те свои места никого из озбеков и чужих владельцев не пропускают, ибо железные ворота при восходе горы, в которой оной лал родится, сделанные, суть заперты и запечатаны сорокию печатями тамошних старшин. И в тех же местах имеется целая гора из камня лапис лазули, и того камня вывозить запрещено, разве тайным образом, а золото купцы на товар меняют и вывозить могут, а христианские купцы того чинить не могут, разве под видом бусурманским. И в Шехджелилских горах, в устьях Аму реки, над Аралом, которые суть острова под владением хивинским, имеются там богатые руды серебряные и золотые; также слышно: поодаль того места родится камень бирюза.

Однако ж генерально от управления хивинского всем хивинцам накрепко запрещено, чтоб не токмо в те места ездить искать того серебра или золота, но ниже упоминать об оных местах, опасаясь, дабы порубежные владельцы не сведомы были, а наипаче Российское государство, как он, посланник, прежде сего в реляциях своих доносил.

Помянутая Аму река течение свое имеет в море Аральское, разстоянием от Хивы день езды, а в древних временах (как он, посланник, известился от тамошних) течение имела в Каспийское море (тому назад двести сорок лет), и видел он, посланник, тому надпись на каменной мечети во одном большом пустом городе, нарицаемом Ески Оргенч, которой город стоял тогда при беге той Аму реки, а как оная река ушла к морю Аральскому, то, и тот город опустел, притом и все окрестные места и поселения, которые тою водою довольствовались.

Назад тому пять лет как паки в старое течение к Каспийскому морю оная Аму река пробилась, и таким течением (по осведомлению одного посланника) протянулась в степь на три или на четыре дни езды, и так в том старом течении (или канале для умаления воды из реченной Аму реки) остановилась и далее не пошла. И он, посланник, чрез нее под помянутом Ески Оргенчем, городе пустом, когда из Хивы ехал, переезжал, а глубина воды в том месте была на два аршина, и для пробы также он, посланник, вывез оттуда с собою тамошнего песку, которой, видится, якобы походит на прежде отправленной с золотыми искрами песок от одного посланника из Бухар.

Что ж надлежит до получения вышеупомянутого золота или серебра, и на то он, посланник, доносит, что довольно получить можно во всех вышеозначенных местах, ежели бы во оные учинено было сильное вступление и фортеции построить. Но понеже пуститься на то и в глубокие места вдруг зайтить трудно, то потребно бы было сперва с краю зачинать, а именно: [1] мочно б легко сперва Хивою завладети, употребляя искусства и способы не таковы, какие употреблял бывший там князь Черкасской. [2] Еже бухарцам хотя б и, без сомнения, противно было, однако ж оные не могли б великие противности чинить, когда бы в удоб-

ных местах во оной Хиве по Аму реке две фортеции постронть (разогнав прежде озбеков хивинских, не трогать токмо подданных пахотных людей, которых большая часть из пленных кизилбашев имеется и оные лучше бы были рады быть под россиянским, нежели под озбецким, владением; при том же мочно уговорить и принять под протекцию для поселения наместо озбеков в тех местах и каракалпаков, которые с великою охотою похотят жить в таких удобных местах и под российской протекциею в безопасении от черных калмыков и от протчих; к тому ж те каракалпаки некогда живали и кочевали в хивинских областях около Аральского моря, а потом от набегов трухменских принуждены были откочевать в округ оного Аральского моря и поселиться при устьи Сыр реки — дня два езды от аральцов — и тут живут завольно, пашни пашут и хлеб сеют, лоции также имеют и довольствуются рыбою, не так как непостоянная казачья орда, которая и не знает, что [такое] хлеб), а между тем [3] стараться потребно запрудить оную Аму реку и провесть оную в Каспийское море чрез старые ее каналы или течение, которое еще и поныне видимо суть при крутых своих берегах, и когда б оная Аму река в совершенное свое течение, яко прежде сего, в Каспийское море пришла, то б мочно лехко российским судам из Астрахани приезжать под самую Хиву, и таким способом не токмо б мочно было Хиву содержать и в ней утвердиться, но мочно бы и далее другие места под российское владение присовокупить. [4] Войска к завладению Хивы кроме 1000 регулярного да 2000 нерегулярного не потребно, солдат бы всех посадить на верблюды, також и казаков, а иметь бы лошадей в подводах без работы с 1000 до тех мест, где нужда позовет, а то лошадей достать мочно довольное число, и в партии б иметь довольное число калмыков. [5] Марш бы не воспрять из казачьего Яицкого городка (как ехал не осмотрясь князь Черкасской), ибо тот тракт безводной и безтравной.

А лутче марш был бы из Башкиров, откуда в 10 дней мочно поспевать к морю Аральскому, к тому же б вывести с собою на верблюдах лодок приготовленных не складенных, которые во оном море складши вместе, и способно было бы на оных тем морем ехать подле берегов под самые Аральские острова и оные атаковать, дабы тамошних озбеков не допустить переправиться чрез Аму реку к дефенсии (под защиту.— В. В.) хивинской, а между тем и Хиву сухим путем суше внезапно атаковать.

И оной посланник обнадеживает, что хивинцы от единого слуху, что сила россиянская приступает, все разбегутся и не устоят для того, что суть весьма напуганы и ежедневно ожидают отшещения от Российской страны, и он, посланник, сам слышал от тамошних, что хивинцы ежели бы да обманом князя Черкасского не прибрали к рукам и не убили, то бы всей Хиве быть в подданстве российском, и протчая. [6] Для лутчего способу к завладению оной Хивы и для содержания так оной, как и войска российского полезно было бы (он, посланник, доносит) помянутых каракал-

паков (которые кочуют недалеко от Аральских островов на сибирской стороне в устьях Сыр реки, которая также течение имеет в Аральское море) принять под российскую протекцию и оных в Хиве поселять, чему оные весьма рады будут, ибо суть великие недруги так озбекам, как и трухменцам. [7] Мочно б также ехать, не захватя Хивы, в те места, где оные каракалпаки кочуют и чрез посредство их фортецию построить на Сыр реке, а оттуда всегда способно будет всякие предвосприятия далее чинить. [8] Однако ж паче всего вначале трудяться надобно, чтоб казачью орду (от которой в дороге немалые бы препятствия произойти могли) искоренять, еже (что. — В. В.) не с великою трудностию учинить мочно, и то весьма приятно будет и контайши хану черных калмык, которые смертельные суть оных неприятели, и оные калмыки против того всякую услугу показать в интересах российских могли бы, ибо в нынешнем их владении по той Сыр реке золота довольно имеется, и протчая.

Хану бухарскому для вышеозначенных причин и за непостоянство его он, посланник, не посмел никакого числа воинских российских людей в гвардию ему представить, ибо тамошние озбеки уже ведали, что под таким претекстом и князь Черкасской послан бы к хивинскому хану, и ежели бы то оные проведали, не токмо б хана, но и посланника за такое подозрение, без сомнения, погубили.

Он, посланник, с бывшим послом бухарским Хан Кулием в дороге всякую дружбу и конфиденцию вел, також и с его людьми, от которых в Бухарах отчасти услугу он, посланник, имел, а от вышепомянутого посла (которому он, посланник, хотя служил везде как брату родному, ссужая его деньгами и снабжая подарками) не токмо какого вспоможения и услуги он, посланник, не видал, но и еще и многие от его злобные противности претерпел, ибо он, приехав в Бухары, вместо похвалы обносил нечестно многих знатных российских персон в предосуждение интересов, однако ж потом все его оболгательства чрез его, посланника, от того двора уничтожены и в конец он обобран, от чего пришел в крайнюю скудость, поодолжился так, что приходил к нему, посланнику, взаем денег на пропитание просить. Потом с отчаяния своего выпросил оной у хана себе отпуск в Персию и грамоту рекомендательную до нынешнего шаха об отпускании около 4 тысяч рублей: сказав он, Хан Кули, будто тамошние персичкие министры, когда вместе с оным посланником ехал чрез Персию, насильно те деньги отняли, также для отыскания будто пожитков деда своего в Астрахани, про которого сказал, что там умре. И поехал он, Хан Кули, в Персию и более не возвратился, а сказывали, будто поехал в великой нищете чрез Константинополь в Меку, к гробу Махометову. И тот его, Хан Кулиев, отъезд в Персию ему, посланнику, немалое бедство доставил, ибо увидя бухарской двор (от которого немалое число денег он, Хан Кули, взял было на покупку всяких персичких товаров), что более оной не возвращается, стал поговаривать, будто посланник под тай-

ным претекстом отправил его с письмами к двору императорскому для крещения.

Тамошней бухарской народ (окроме озбеков), хотя и бусурман, не такие великие злодеи к россиянам, как те некоторые (от русского колена тамо рожденные), [что] обусурманены суть и великую антипатию имеют противу христиан.

Езда оного посланника продолжалась 1718-го с июля месяца даже до 1725-го до декабря месяца, когда прибыл в Санкт-Петербург.

[Подписал] Секретарь Флори Беневени.
Подано апреля 8-го дни 1726-го.

[3, 1718 г., д 3, л. 1—30 об.]

Письмо Флорио Беневени Екатерине I

Всепресветлейшая и державнейшая государыня императрица.

По полученном в Бухары блаженные и достойные памяти его императорского величества указу сего настоящего [1725] году марта 4 числа, понеже мне никаким образом и чрез некоторую дорогу назад возвращаться невозможно было, как о том в реляции моей 15 марта отправленной, его ж блаженной и достойной памяти императорского величества (за неполучением такого плачепечального известия) я всеподданнейше доносил, что с крайнего принуждения на Хиву ехать отважился. А именно апреля 8 числа выехал из Бухар с тридцатью людьми токмо, и то тайком, ночью порою, чрез безводную степь. Того ж месяца 18-го в Хиву поспел, где еще при варварах немалые страсти претерпел. Десница божия, однако ж, что подобно удивлению, меня от таких страстей выручила, ибо хивинской хан после полчетверта (т. е. после трех с половиной. — В. В.) месяца тутошнего задержания, смешав со мною своего посланца, при том же двух проводников-трухменцов (и то начаясь, что мне в дороге нещастие случится, ибо дороги весьма опасные и непроходимые от казаков даже до самого Яику реки), паки (все-таки. — В. В.) в дорогу отправил. Однако ж по его варварскому мнению не учинилось, ибо те меня в добром препроводили здравии, а именно в 23 дни из Хивы к Яику, к Гурьеву городку, 30-го прошлого августа прибыл. В дороге от неприятеля шкоды некоторой не видел, токмо от великого поспешания денного и ночного и за безводицею верблюд и лошадей наших побросали, так что большая часть людей едва пещи к Яику прибрела, где принужден был на 8 дней поотдохнуть, а потом одну часть людей сухим путем отправить, другую — водою, а я сам налегке, сам третей, водою едва в пять ден поспел. Отправленного ко мне в Бухары курьера Николаева застал в Калмыках и оного назад возвратил, а Кервана до времени удержал, ибо оному Кервану никоим образом ехать невозможно, разве когда первый снег упадет. После прибытия моего на Яик

пятьсот казаков, которые за нами гнались, пока, пребравшись на сию сторону Янку, калмыцкие улусы атаквали и с две сотни оных в полон взяли, при том же 2000 лошадей отогнали. Людей при мне с пленниками (которые были в Бухарах в полону, мужеска полу и женска,—92 человека, а [также] при хивинском посланце — 8 человек да 2 трухменца проводников) — всего на всё — 102 человека, как я о том доносил в губернскую астраханскую канцелярию, также и о протчих нуждах, а наипаче чтоб налехке по почтам ко двору Вашего Императорского Величества пемедленно отправлен был а достальные люди, также и хивинской посланец до времени здесь и остались.

Прошу Вашего Величества, дабы императорскую милость надо мною явить повелели.

Вашего Императорского Величества
нижайший и всепокорнейший раб
Флори Беневени.

Из Астрахани 21-го сентября 1725 го году.

Получено 28-го октября 1725-го.

[1, 1725 г., д. 1 л. 4—4 об.]

ПРИЛОЖЕНИЕ

Инструкция секретарю экспедиции ориентальной Флорию Бенвени *

1

Ехать ему к хану бухарскому в чине его царского величества посланника для его царского величества дела, о чем ему дана его царского величества к нему, хану, верующая грамота публичная. И приехав ему к Москве, в немедленное время убраться и ехать до Астрахани, дабы в пути достичь, а по последней мере в Астрахани застать недавно отправленного от Москвы посла бухарского, которой хотел его тамо ожидать, и потом от Астрахани ехать обще с ним.

2

Ехать ему с ним, послом бухарским, по состоянию дела смотря — инкогнито и под другим лицом, ежели потребно, чтобы его не узнали, или инако, по своему рассмотрению. И, едуци ему в пути, а особливо хана бухарского во владении, так морем, как и сухим путем, все места, пристани и города и прочие поселения и положения мест, и какие где от них в море Каспийское реки большие и малые впадают, и какие они суда имеют, також какие города и укрепленные ль, и имеют ли фортеции. Присматривать все то прилежно и провеживать искусно, так, чтоб того не признали бухаряне.

3

Когда он, посланник, прибудет к хану бухарскому, и ему, сперва осведомясь о церемониале их (какой бывает на аудиенции посланникам, присланным к ним от шаха персического, и как прежде сего отправленным от двора его царского величества посланником же был прием), требовать потом, дабы к нему, хану, был допущен на аудиенцию с достойным почтением характера его. И когда он от них уведомится, что будет ему прием учинен и на аудиенцию допущен с достойным почтением характера его и против посланников шаха персического, то ему по тому обнадеживанию быть на той аудиенции. А буде предусмотрит, что ему в церемониале какую б отмену похотели учинить, то ему в том стоять упорно и напоследок более того требовать, чтоб так был честно принят, как прежние его царского величества посланники были принимаемы⁶², объявляя при том ханским министрам, что он прислан к нему, хану, от его царского величества ради умножения дружбы и что его царское величество не в том миснии его, посланника, послать изволил, чтоб какое предосуждение чести его царского величества было учинено, ибо его царское величество их послу, от которого они уведомиться сами могут, особливую милость казать изволил. И когда он будет у хана бухарского на аудиенции, и ему при подании грамоты верующей, с ним посланной, отправить хану речь по обыкновению, обнадеживая оного крепкою его царского величества к нему, хану, дружбою и приятию, что он, посланник, прислан от царского величества к нему, хану, для лучшего утверждения и умножения дружбы и приятия, також благодарить за присылку их посла и с ним подарков и показание приятия его ханской.

4

Будучи ему тамо, присматривать и разведывать удобовозможными способами: сколько у хана в его области каких крепостей, и в которых местах ко-

ликое число войска, конницы и пехоты и артиллерии и иного ружья, и в каком состоянии все оное, и в каком надзирании те крепости, и в каком порядке войска и артиллерия и прочие обрстаются.

5

Также де прилежно ему разведывать: какое хан бухарской обхождение имеет с персами и с хивинцами и с другими соседственными владетелями, таже и с турки, и не имеет ли от кого какой в нападения на себя опасности, и силен ли он в подданных своих, и самовластелен ли, и не склонны ли подданные к бунту, и какая форма управления, таже с кем граничит их земля, и от кого имеют больше опасности, и с кем в дружбе, и не потребна ли им будет помощь царского величества. И, применяясь к состоянию их, трудиться, дабы хана привести в ближайшее с его царским величеством со-обязательство и, ежели возможно, дабы с его царским величеством и оборонительный альянс против нападателей на обе стороны учинить. И ежели их к тому склонность он, посланник, предусмотрит, то может их склонять ко увеличению того оборонительного союза с его царским величеством против всех нападателей на обе владения, а больше на хивинцов. И ежели оной похотят, то оной с ними сделать на таком основании, что ежели б кто на его царское величество с той стороны хотел какое нападение учинить и войну зачать, то ему, хану, войска своими чинить его величеству вспоможение, а взаимно если на него, хана, будет от кого нападение, то его царское величество ему долженствует чрез посылку войск своих вспомочь, как обыкновенно такие оборонительные союзы чинятся. Однако ж лучше, дабы тот союз поставя на мерс, описаться к его царскому величеству.

6

Ему же навящее всего подлинно разведать и усмотреть стараться надлежит: какие товары бухаряне в своем владении имеют и куды оными торгуют; и не возможно ли те края российский купечества размножить и чрез какой канал; и какие товары потребны; и может ли то купечество быть от-правлено морем или зачем морем не возможно, то сухим путем и чрез какие места; и свободен ли проезд сухим путем от нападения какого; таже жилые места, или степи, или болоты, чему всему иметь записку.

7

Ему же, посланнику, от бухарцов и хивинцов, которые живут в Бухарах, стараться подлинно уведомить во владении хивинском, в реках Дарье или иной какой (для чего был князь Александр Бекович Черкасский послан), золото, как о том было от него, князя Черкасского, и от иных его царскому величеству донесено, о чем ему особливое известие прилагается. И ежели б там иметь крепость и людей, возможно ли получить много того золота. И если уведомит, что подлинно в тех реках есть золото и можно его много получать, то стараться разведать, возможно ли до того места дойти, и людей туда завести, и их содержать, и от хивинцов охранить, и не будет ли то противно бухарцам. О чем, о всем разведав, писать с парочью посланным ко двору его царского величества немедленно, а самому до получения на свои доношения резолюции стараться, чтоб побыть там, а между тем далее и глубже о всем том, как выше изображено, а именно о состоянии их государства, разведывать и записывать в журнал, дабы при возвращении своем быть в состоянии обо всем том обстоятельное и подлинное доношение его царскому величеству учинить. Буде хану бухарскому надобно будет в гвардию для его охранения несколько сот или больше российских людей, то, разведав о том, удобным случаем предложить тайно о том, что царское величество хану в том может удовольствие показать. С послом бывшим бухарским искати доброй дружбы и конфиденции, таже и из людей его, чтоб войти тем с ними в дружбу и чрез их бы получать там всякие ведомости. Дан при Кроншлоте июля 13 дня 1718-го года.

Кашдлер граф Головкин
Подкашдлер барон Петр Шафиров
[3, 1718 г., д. 2, л. 14—17 об.]

Введение

¹ В 1716 г., во время подготовки экспедиции А. Бековича-Черкасского (см. ниже и примеч. 7) и А. Кожина, был разыскан слугник С. Маленького Андрей Семенов. Все, что мы сейчас знаем об их путешествии, тогда было записано в канцелярии сената с его слов [5; 21, ч. 2, с. 345—349; 49, кн. 3, с. 52—53].

² Матвей Петрович Гагарин — князь, стольник. В 1693—1695 гг. — воевода в Нерчинске, в 1701—1707 гг. — главный начальник работ по строительству Волго-Донского канала, в 1701—1711 гг. — московский комендант, в 1711—1719 гг. — сибирский губернатор. В 1717 г. было начато следствие, уличившее М. П. Гагарина в казнокрадстве и крупном взяточничестве. Петр I приказал «сказывать о нем в городах Сибирской губернии, что он плут и недобрый человек и в Сибири уже губернатором ему не быть, а будет прислан на его место иной» [32, с. 184]. В январе 1719 г. М. П. Гагарин был отстранен от должности и привезен в Петербург. В 1721 г. сенат приговорил его к лишению всего имущества и к смертной казни. 16 марта 1721 г. в присутствии Петра I и всех своих родственников он был повешен.

³ Написание одних и тех же географических названий в сборнике дается иногда совершенно по-разному. Так, г. Андижан в разных документах (а иногда в одном и том же) именуется и Индижаном, и Индиджаном, и Идизаном, и Дизаном. Дело в том, что в России не всегда было хорошо и твердо известно точное наименование того или иного населенного пункта, области, горы, реки и очень часто транскрибирование какого-либо названия зависело от писарей (каждый из них по-своему, как знал, передавал географические названия). Отсюда и разночтения. Но у нас они не приводятся к единому написанию, потому что подобная унификация в какой-то мере лишила бы документы аромата эпохи, а, кроме того, они — своеобразные памятники восприятия русскими восточной топонимии. Но все эти расхождения отмечены и оговорены в географическом указателе в конце книги. Некоторые названия нам идентифицировать не удалось. См. также примеч. 1 к разд. «Письма, реляции...»

⁴ Здесь и в тексте документов под понятиями «Бухария» и «Бухара» подразумевается Бухарское ханство.

⁵ Ямышевое озеро считалось пограничным пунктом русских владений на Иртыше.

⁶ Посланному в 1719 г. в Сибирь для расследования на месте дела о казнокрадстве М. П. Гагарина гвардии майору И. М. Лихареву было поручено среди прочего «также разыскать о подполковнике Бухгольце, каким образом у него Ямышевскую крепость контайшинцы взяли, также и прочих его худых поступках свидетельствовать» [32, с. 182—209]. О контайшинцах см. примеч. 44 к разд. «Письма, реляции...».

⁷ Александр Бекович-Черкасский (Черкасский Александр Бекович) — князь, происходил из Малой Кабарды (до крещения в православную веру носил татарское имя Девлет-Гирей-мурза). Время его появления в России точно неизвестно. Есть версия, согласно которой А. Черкасский и два его брата еще детьми были похищены или взяты заложниками (никто не знал даже имени его отца, известно лишь то, что отец был бек — князь; отсюда и вымышленное отчество — Бекович). А. Черкасский воспитывался в доме дядьки Петра I, князя Бориса Алексеевича Голицына, вместе с его сыновьями. В 1707 г. ездил за границу, где среди прочих наук изучал море-

плавание. По возвращении поступил на военную службу в Преображенский полк.

⁸ В начале XVIII в. узбекские ханства занимали территорию в общей сложности около 100 тыс. кв. км с населением до 3 млн. человек. Большинство населения составляли узбеки (как оседлые земледельцы и горожане, так и полукочевники и кочевники) и таджики, а также туркмены, каракалпаки, казахи, киргизы, евреи, персы, индийцы, в небольшом числе — пленные российские подданные. В связи с усилением феодальной знати и ослаблением центральной власти в этих ханствах шел процесс раздробленности. К 30-м годам Бухарское ханство лишь номинально владело областями по Зеравшану и Кашкадарье; фактически с 1722 г. обособился Самарканд; Шахриябзом самостоятельно управляли беки племени кенегес; Бухаре совершенно не подчинялись хисарские владельцы, так же как и балхские, андхойские, шибурганские и другие правители узбекских земель, ранее принадлежавших Бухарскому ханству; многие области, например Самаркандская, находились по отношению к Бухаре в состоянии непрерывного мятежа. Подобная обстановка была и в Хивинском ханстве. Такая раздробленность была главной причиной хозяйственной и культурной отсталости ханств в конце XVII — середине XVIII в. Города приходили в упадок и пустыли. Экономической слабостью обуславливалась непрочность ханской власти как в Бухаре, так и в Хиве. Избрание ханов всецело зависело от племенных узбекских вождей, которые, опираясь на свои племена и роды (уруги), сажали и свергали ханов. Усиление раздробленности и развал государственной власти ввергли страну в неопишусую анархию междоусобиц и опустошительных набегов. Бессилие ханской власти восстановить нормальную жизнь выразилось в классической фразе хана Абул-Фейза: «Лишь бы Регистан (площадь перед ханским дворцом) был благополучен». Все попытки «абсолютно ханствовать», по словам Ф. Беневени, были обречены на неудачу. Русское правительство понимало, что в случае вмешательства в политическую борьбу на стороне ханов оно могло рассчитывать на существенные для себя выгоды.

⁹ Незадолго до своей гибели А. Бекевич-Черкасский получил от Петра I письмо с приказом послать в Индию «надежного и тамошние языки знающего человека» через Персию и «оному велеть, дабы он прилежно наведывался» о положении тех стран, какими он будет следовать, о песочном золоте, а затем возвращался через Китай в Бухару. Отправили татарского мурзу Тевкелева. Но корабль, на котором он плыл, штормом занесло в Астрабад. Здесь Тевкелев был задержан местным персидским наместником. Уже после смерти А. Бекевича-Черкасского он был вынужден возвратиться в Астрахань [18, т. 6, с. 267, т. 7, с. 62].

¹⁰ Артеций Петрович Волюнский (1689—1740) — государственный деятель и дипломат. Происходил из старинного дворянского рода. Во время Прутского похода служил у П. П. Шафирова (см. примеч. 28), вместе с ним находился в заключении в Семибашенном замке в Стамбуле. В 1715 г. был отправлен для заключения торгового соглашения в Персию. По возвращении в 1718 г. произведен в генерал-адъютанты и с 1719 по 1724 г. был губернатором в только что учрежденной Астраханской губернии. В 1725—1730 гг. (с коротким перерывом) — губернатор Казани и главный начальник над калмыками. В феврале 1738 г. был назначен кабинет-министром, а с 1739 г. он единственный докладчик по делам кабинета у Анны Иоанновны. С начала 30-х годов вокруг него образовался кружок недовольных царскими временщиками Э. Бироном и А. И. Остерманом. На А. П. Волюнского были представлены доносы. Он был арестован и 27 июня 1740 г. после предъявления ему обвинения в клеветнических и намерении произвести переворот, казнен. Спустя 25 лет был признан невиновным и полностью оправдан.

¹¹ Джон Перри — английский офицер, капитан, инженер, известный в свое время строитель кораблей, верфей, каналов и шлюзов. В 1698 г., во время поездки Петра I за границу, был приглашен им на службу в Россию. Д. Перри возвратился в Англию в 1715 г., а на следующий год издал в Лондоне книгу о своей русской службе «Состояние России при пышном царе», в которой приводит много интересных фактов, рассказывает массу подробностей об истории создания русского флота, строительстве каналов,

о строительных планах и проектах Петра, о личности самого царя. Русский перевод этой не очень большой по объему книги был напечатан М. Семеновским в 1871 г. в первом томе сборника «Чтения в Обществе истории и древностей российских» [34].

¹² Н. И. Веселовский приводит такую цифру: только из одной Хивы за период 1616—1714 гг. их было 27 (не считая гонцов); часты были послы и из Бухары [15, с. 68—69].

¹³ Интересна личность посла Хан-кули-бека. Как говорилось в ханской грамоте, «послан пребывающий при дворе нашем Хан Кулы топчи баши, нашего ханского двора страж (т.е. комендант Арка — бухарской цитадели, на что указывает и его придворный чин главного командира артиллерии — топчи-баши.— В. В.), в тамошних краях пути и в ваших государствах обхождение и обычай весьма знающий...» Последние слова не случайны, так как Кули-бек был русского происхождения (по крайней мере известно, что его мать Дарья была русской пленницей в Бухаре и даже сохранила православное вероисповедание) [3, 1718 г., д. I, л. 55].

¹⁴ Абул-Фейз — последний хан Бухары из династии Аштарханидов. Пришел к власти в марте 1711 г. в результате переворота и убийства Убайдулла-хана (1702—1711). Посаженный на трон кочевой знатью, Абул-Фейз находился в полной от нее зависимости. Чины и государственные должности распределялись крупными феодалами без участия хана. Междоусобные войны беков из-за земель и высоких должностей разгорались с еще большей силой. Именно в годы правления Абул-Фейза (1711—1727) раздробленность достигла наибольшей степени и ханство фактически распалось на отдельные, почти независимые феодальные владения.

¹⁵ Посла повстречал в дороге в январе 1716 г. А. Бекевич-Черкасский и известил о нем Петра I, когда прехал к нему в Либаву.

¹⁶ Ширгазы — хан Хивы в 1715—1728 гг.

¹⁷ В 1715 г. начала работать первая коллегия — Коммерц-коллегия. В 1717 г. были установлены штаты и назначены президенты десяти коллегий (Иностранных дел, Военной, Ревизионной, Юстиц-, Берг-, Мануфактур-коллегий и др.). Президентами становились наиболее близкие сподвижники Петра I. В 1718—1720 гг. были составлены регламенты большинства коллегий, определившие их функции, структуру и штаты, а также Генеральный регламент. Каждая коллегия состояла из президента, вице-президента, четырех советников, четырех ассессоров и одного секретаря. В штат входили секретари, нотариус, переводчик, актуариус, копиисты, регистраторы и канцеляристы. Коллегии обязаны были ежедневно собираться для решения дел. Коллегия иностранных дел (Иностранная коллегия) — центральное государственное учреждение России, ведавшее внешней политикой государства и заменившее Посольский приказ, — была учреждена в 1717 г., но фактически начала действовать с 1718 г. Во главе ее стояли граф Г. И. Головкин — президент (канцлер) и барон П. П. Шафиров — вице-президент (вице-канцлер). Коллегия ведала организацией сношений с иностранными государствами, выдачей иностранцам паспортов, судила иностранцев, находившихся в России, а также ведала уральскими казаками и калмыками, почтовым делом (до 1782 г.). Подчинялась она императору, минуя сенат. В 1802 г. в связи с образованием министерств коллегии были упразднены, кроме Коллегии иностранных дел, просуществовавшей до 1832 г.

¹⁸ Рагуза — латинское название г. Дубровник (ныне на территории Югославии). Основан в VII в. В средние века это центр аристократической городской Дубровницкой республики, которая в 1526—1806 гг. находилась в формальной зависимости от Османской империи (фактически же независима с XIII в.). В XV—XVII вв. Рагуза была крупным торговым и важнейшим культурным и научным центром на Балканах («Славянские Афины»). Высокого расцвета достигла рагузинская литература в эпоху Возрождения. Население Рагузы было пестрым и на улицах можно было слышать не только славянскую, но и итальянскую, греческую, турецкую речь. Происхождение Флорно Беневени точно неизвестно, но по каким-то косвенным признакам — огласовка имени, журнальные записки на итальянском языке — можно предположить, что он итальянец.

¹⁹ Петр Андреевич Толстой (1645—1729) — сын окольного Андрея Васильевича Толстого; стольник. После смерти царя Федора Алексеевича (1682) стал на сторону царевны Софьи. 15 мая 1682 г., в день стрелецкого восстания, энергично действовал вместе с Милославскими и поднимал стрельцов, крича, что «Нарышкины задушили царевича Ивана!» С падением Софьи П. А. Толстой перешел на сторону Петра. Но его близость к Милославским и деятельность против Нарышкиных Петр не мог забыть. Известны слова Петра, сказанные как-то П. А. Толстому: «Голова, голова, как бы не так умна была, давно бы я отрубить тебя велел». Былые грехи П. А. Толстой старался усердно замалчивать. Для того чтобы угодить царю, он, уже далеко не молодой человек, сам вызвался вместе с молодыми волонтерами отправиться в Венецию изучать морское дело (1697). Вообще, во многих рассказах-анекдотах из Петровской эпохи П. А. Толстой всегда рисуется человеком очень умным и в высшей степени коварным, который для достижения намеченной цели не останавливается ни перед чем, даже перед убийством. Он был хорошо образован, отлично знал латинский и итальянский языки (переводил Овидия). В ноябре 1701 г. его назначают послом в Стамбул (до 1714 г.), а по возвращении в Россию — сенатором. Толстой упрочил свое положение, когда сумел добиться возвращения царевича Алексея, чем доказал преданность государю. С этого времени (1718) он один из самых близких и доверенных людей Петра. В 1717—1721 гг. — президент Коммерц-коллегии, в 1718—1726 гг. — начальник Тайной канцелярии. В Персидском походе 1722—1723 гг. возглавлял походную канцелярию Петра I. В 1722 г. получил титул графа. Толстой содействовал возведению на престол императрицы Екатерины I. В 1726 г. стал инициатором создания Верховного тайного совета и был одним из шести его членов. В ходе придворной борьбы и интриг в 1727 г., в возрасте 82 лет, он был арестован и вместе с сыном Иваном сослан в Соловецкий монастырь, где через два года умер.

²⁰ Федор Алексеевич Головин (1650—1706) — боярин, дипломат, крупный государственный деятель, один из близких друзей и сподвижников Петра I. Составил и заключил Нерчинский договор с Китаем (Цинской империей) в 1698 г. Второй (после Ф. Я. Лефорта) полномочный посол Великого посольства в Западную Европу (1697—1698). В 1700 г. назначен начальником Посольского приказа, получил чин генерал-адмирала, стал первым кавалером ордена Андрея Первозванного. Головин был главным руководителем русской внешней политики, вел обширную дипломатическую переписку, руководил действиями русских послов; «первый министр», по словам иностранцев-современников.

²¹ Иностранных специалистов для русской армии и флота нанимали за границей послы. Многие были приглашены, например, во время Великого посольства в Западную Европу. Кроме того, от имени русского правительства за границу посылались специальные манифесты. Так, в 1702 г. в странах Западной Европы распространялся переведенный на немецкий язык манифест Петра I, в котором иностранные офицеры приглашались на службу в Россию.

²² Так, грамота от 3 марта 1711 г., посланная Петром I в Черногорию, которая в то время являлась единственным самостоятельным государством на Балканах, призывала к восстанию «противу неприятеля-бусурмана» все балканские народы, «обретающиеся под игом тиранским турецкого салтана», «подражая... своих предков, древние свои славы возобновити» [35, вып. 1, с. 117—119, 429].

²³ Савва Лукич Рагузинский-Владиславич (1669—1738) — российский государственный деятель, дипломат, крупный коммерсант и финансовый деятель; надворный советник. Один из сподвижников Петра I, он оставил заметный след в истории внешней политики России. Отец С. Л. Рагузинского владел в Дубровницкой республике деревнями, но, преследуемый турками, стал заниматься коммерцией и имел торговые дома в Рагузе и Венеции. Сам Савва еще в юности покинул Рагузу и вел торговлю во Франции, Испании, Венеции, а потом в течение девяти лет, до 1702 г., в Османской империи. В России он впервые появился в 1702 г., а в конце 1704 г. окончательно покинул Порту и переселился в Россию. Политической деятельностью он стал заниматься в конце XVII в., выполняя неофициальные политические

поручения русских дипломатов в Порте; был советником русского правительства по турецким делам. В 1711 г. Рагузинский участвовал в подготовке Прутского похода, в 1713—1722 гг. выполнял обязанности торгового и финансового агента России в Венеции, вел по поручению Петра I переговоры с папой о допуске католической церкви в Россию, наблюдал за обучением русских дворян в Италии, находился в свите царя во время его поездки во Францию. В 1725—1728 гг. он возглавлял русское посольство в Китай; участвовал в подготовке и подписании Буринского договора с Китаем в 1727 г.

²⁴ Лука Барка (Кириков). Рагузинец, служил переводчиком в английском посольстве в Османской империи, тайный информатор русского правительства.

²⁵ Русские дипломаты по долгу службы составляли о своих поездках за границу пространные официальные донесения, план и характер которых определялся правилами Посольского приказа. В связи с тем, что посол в отчете отвечал на статьи наказа (инструкции), и появилось само название — *статейный список*. Он состоял из описания маршрута поездки и всех обстоятельств, связанных с пребыванием посла в чужой стране; в нем подробно излагались дипломатические встречи и переговоры, приводились полные тексты документов. Позже статейный список превратился в журнал, дневник посольства [см.: 7; 38].

²⁶ Имя Петра Сафонова снова встретится нам в связи с делами Ф. Беневени спустя 17 лет, когда он переводил его итальянский журнал в Коллегии иностранных дел. Некий Сафонов (может быть, он же) упоминается в документах и как кабинетный курьер (т. е. чиновник XIV класса по Табели о рангах) в 1710, 1712 гг. [33, с. 184, 342] и 1716 г. [21, ч. 2, с. 39].

²⁷ Гавриил Иванович Головкин (1660—1734) — один из наиболее приближенных к Петру I людей, родственник царицы Наталии Кирилловны Нарышкиной. В 1706 г. он стал начальником посольской канцелярии, а затем Посольского приказа. С 1709 г. — государственный канцлер, первый в России. В 1710 г. он получил графский титул. С 1718 г. — президент Коллегии иностранных дел. Головкин принимал участие в дворцовых переворотах 20-х годов. В 1726—1730 гг. он — член Верховного тайного совета. После смерти Петра II поддержал Анну Иоанновну против «верховников» и стал членом ее кабинета.

²⁸ Петр Павлович Шафиров (1669—1739) происходил из еврейской семьи; как и его отец, он поступил в Посольский приказ и начал службу переводчиком (1691). Отлично знал французский, немецкий, латинский, голландский и польский языки. Способности П. П. Шафирова были замечены Ф. А. Головиным, включившим его в состав Великого посольства в Западную Европу. Во время посольства он был приближен Петром I. Постепенно он втягивается в дипломатические дела: участвует в подготовке русско-датско-польского союза 1699 г. и польско-русского союза 1701 г. С 1703 г. — тайный секретарь при канцелярии Ф. А. Головина. С 1709 г. — вице-канцлер и управляющий почтами. В 1710 г. он получил титул барона. В 1711 г. Шафиров заключил Прутский мирный договор, причем благодаря его дипломатическому таланту договор удалось заключить на более легких для России условиях, чем те, на которые готов был согласиться Петр I. Заключением Адрианопольского договора Россия сумела удержать Порту от новой войны с ней. В 1718 г. Шафиров становится вице-президентом Коллегии иностранных дел. В 1721 г. он участвовал в подготовке Ништадтского мирного договора со Швецией. В начале 20-х годов он примыкает к придворной группировке, выступающей против А. Д. Меншикова. Усилиями последнего против П. П. Шафирова было выдвинуто обвинение в казнокрадстве, и в 1723 г. он был приговорен к лишению чинов, титулов и состояния и смертной казни, замененной пожизненной ссылкой. В 1725 г. возвращен Екатериной I.

Борис Петрович Шереметев (1652—1719) — боярин, русский военный деятель и дипломат. После падения царевны Софьи присоединился к Петру I. Во время Азовских походов 1695—1696 гг. командовал армией, действовавшей на Днепре против крымских татар. В 1697—1699 гг. ездил с дипломатическими поручениями в Польшу, Австрию, Италию и на о. Мальту. В 1701 г. стал первым в России генерал-фельдмаршалом, в 1706 г. полу-

чил титул графа. Участвовал в Северной войне, в Полтавском сражении командовал всей пехотой русской армии. Во время Прутского похода 1711 г. возглавлял основные военные силы России.

²⁹ По условиям Адрианопольского трактата (13 июня 1713 г.), Россия запрещалось иметь при Порте свое посольство.

³⁰ Есть версия, согласно которой, находясь в Париже, Петр I намеревался отправить за царевичем князя Бориса Ивановича Куракина. Затем, уже в Спа, после того как капитан А. И. Румянцев сообщил точное местонахождение Алексея — в Тироле, Петр изменил решение. И, по словам Б. И. Куракина, «через интриги Толстова и Шафирова» за царевичем был отправлен П. А. Толстой [см. 6, с. 90—91]. Заявление спорное. Петр скорее всего сразу выбрал П. А. Толстого, а не кого-либо другого, тем более не Б. И. Куракина, об определенных симпатиях которого к Алексею он знал [44, т. 17, с. 131].

³¹ Как раз в это время на Востоке погибает один из предшественников Флорио Беневени, князь А. Бекович-Черкасский.

³² Любопытно, что именно в этот день, 18 марта, из Москвы в Петербург выехали Петр I с придворными (в Москве он вел следствие по делу царевича Алексея), сам Алексей и оставшиеся в живых сообщники царевича, подлежавшие следствию. Может быть, кареты и повозки царя повстречались с посольскими где-то на дороге.

Среди прочих подарков для хана бухарскому послу были вручены семь крестов (а не девять, как было в просьбе). О девяти шведках упоминания в документах нет. Такая просьба, вероятно, показалась Петру странной: ведь если и были шведки, то они были пленницы, а не рабыни [3, 1719 г., д. 1, л. 83; 1718 г., д. 1, л. 28—29об., 84об.].

³³ То, что Ф. Беневени отправился в качестве посланника, сыграло и определенную отрицательную роль в его приеме при шахском дворе, а затем и в Бухаре. Более официальный характер «великого посла» придал бы ему больший дипломатический вес. В то время считалось, что чем пышнее свита у посла, тем больше значение его и величие пославшего его монарха.

³⁴ Сумма довольно большая. Согласно ценам, рубль тех лет был приблизительно в девять раз дороже рубля начала XX в. [см. 24, с. 232—236]. Но для сравнения скажем, что «великий посол», отправившийся в Китай, Лев Измайлов вез подарков на 8 тыс. руб. (одних мехов на 3,5 тыс.) [1, 1726 г., д. 1, л. 9].

³⁵ Все финансовые дела посольства сопровождалось огромным количеством разнообразных документов. Это были указы, отчеты, письма из одного приказа в другой, снова указы и т. п. Естественно, что помимо чернил и бумаги это требовало времени. Чем крупнее было посольство или экспедиция, тем большая деловая переписка велась вокруг него.

³⁶ Как говорилось в примеч. 10, астраханским губернатором в 1719 г. был назначен А. П. Волинский, возвратившийся из поездки в Персию, но до его прибытия в Астрахань эту должность исполнял казанский вице-губернатор.

³⁷ От Астрахани до Низовой пристани по Каспийскому морю было 500 верст. При хороших кораблях и благоприятной погоде обычно требовалось около двух недель, чтобы покрыть это расстояние.

³⁸ Любопытно, что, как свидетельствуют документы, два «путешественника», волею судеб не разлучившиеся более трех лет, не подружились. Ф. Беневени жаловался: «...не токмо какова вспоможения... не видел, но еще и многие от его злобные противности претерпел...»

³⁹ Первая четверть XVIII в. характеризуется в истории Сефевидской державы глубоким экономическим и политическим кризисом. Из-за упадка земледелия, ремесла и внешней торговли сильно сокращались доходы государственной казны и феодальной знати, что, в свою очередь, вело к росту налогов и податей и ухудшению положения средних и бедных слоев населения страны. Результатом этого стали более частые народные волнения и восстания. Усилению этих выступлений способствовали военно-политический распад и развал военно-административной системы в провинциях Сефевидской державы. Шах Хосейн (1694—1722), правитель жестокий и слабый, полностью находился под влиянием шиитского духовенства. По их

внушению шах вновь начал жестокие гонения на суннитов, которых было много в Восточном Закавказье, Курдистане, Афганистане; ухудшилось и правовое положение христианских народов — армян и грузин. Вот почему очень часто восстания против произвола шахской власти принимали религиозную окраску. В 1711—1722 гг. прошли антисефевидские восстания курдов, шахсевен, белуджей, армян, лезгин. Восстание афганцев-гильзаев и их вторжение в 1720—1722 гг. в Персию практически положили конец правлению Сефевидов. Заняв Исфахан, афганцы провозгласили шахом Мир-Махмуд-Гильзая (Хотак). Кратковременным господством афганцев воспользовались турки-османы, вторгшиеся в 1723 г. в северо-западные и центральные области Ирана.

⁴⁰ Восстание лезгин и других дагестанских народностей началось в 1711 г. Его возглавил суннитский богослов Дауд-бек, знатный, настойчивый и честолюбивый человек, умеющий быстро ориентироваться в политической обстановке. Он был чужд интересам восставших и ставил своей целью создание собственного государства в Северном Азербайджане. Ловко играя на религиозных чувствах простых крестьян и горожан, он объявил себя человеком, призванным Аллахом избавить всех суннитов Азербайджана от сефевидской шиитской тирании, и провозгласил лозунг газавата против шиитов. Дауд-бек проявил большую энергию в расширении восстания и старался придать ему возможную организованность. Ему удалось найти поддержку у Сурхай-хана Казикумухского. Готовясь воспользоваться ослаблением Сефевидской державы — давнего противника Порты, турки-османы установили связь с Дауд-беком; они выступили союзниками и покровителями восстания и всячески разжигали его пожар. В 1711 г. восставшие разбили отряд шемахинского князя, захватили и разорили Шемаху, главный город Северного Азербайджана, учинив резню шиитов. При этом были убиты и ограблены и многие находившиеся в Шемахе иностранные купцы, среди них до 300 русских. Постепенно восстание лезгин шло на убыль, но в 1719 г. оно вспыхнуло с новой силой. В 1720 г. опять была осаждена (число осаждавших достигало 30 тыс.) и взята Шемаха. Свидетелем этой новой «шемахинской трагедии» и стал Ф. Беневени [см. 45а, с. 77—89].

⁴¹ Поход русских войск и флота в 1722—1723 гг. под командованием Петра I в прикаспийские владения Персии. Главной причиной, побудившей русское правительство предпринять этот поход, было стремление не допустить захвата Прикаспия Османской империей, что оказалось бы серьезной угрозой для России и в военном и в торговом отношении. Эта угроза была весьма реальна, так как правительство султана Ахмеда III в Стамбуле явно готовило вторжение в страны Закавказья и в Персию. Таким образом, вмешательство России не было направлено против Сефевидов, а имело целью предупредить турецкую агрессию. Еще в июне 1722 г. Петр I выпустил манифест, в котором заявил, что выступает не против правительства шаха Хосейна (который тогда и не мог рассматриваться как серьезный противник), а для обуздания лезгин, перебивших в Шемахе русских купцов, и для защиты и освобождения христиан — грузин и армян. Успехи русских войск во время похода и вторжение османской армии в Закавказье вынудили Персию заключить 12 сентября 1723 г. в Петербурге мирный договор, по которому к России отошли Дербент, Баку, Решт, провинции Ширван, Гялян, Мазендеран и Астрабад. В дальнейшем, в связи с обострением русско-турецких отношений, русское правительство, не желающее новой войны с Османской империей и заинтересованное в союзе с Персией, по Рештскому договору (1732) и Гянджинскому трактату (1735) возвратило все прикаспийские области Персии.

⁴² Возможно, они были потеряны во время работы над их переводом и расшифровкой или вообще эта работа не была доделана — по халатности ли преемников Петра I (Ф. Беневени доставил меморию уже после смерти императора) либо по неадаптности (многое было описано, измерено и нанесено на карты во время Персидского похода). В имеющемся же единственном журнале на итальянском языке [3, 1718 г., д. 3, л. 182—203об.], переведенный текст которого помещен в настоящем сборнике, описываются только события, связанные с пребыванием Ф. Беневени в Хиве в 1725 г. и обсто-

тельства его отъезда оттуда в Россию. Можно предположить также, что этот журнал являлся составной частью какого-то другого, более обширного документа.

⁴³ Согласно Толковому словарю В. И. Даля, бухарская манна — сгущенный сок винограда. Под «манной» могли понимать и таранджудин — застывшие, закристаллизовавшиеся капли сладкого сока, скапливающиеся на кончиках листьев кустарника акакир. Этот кустарник встречался в горах недалеко от Шахрисябза. Но таранджудина было настолько мало, что просто невозможно было продавать его батманами и фунтами, как о том доносил Николо Минер. Скорее всего в своем рассказе он спутал, смешал две «манны» — сгущенный виноградный сок и таранджудин или ему подобный, о котором слышал [см. 9, с. 20, 30].

⁴⁴ Более 100 лет спустя, в середине XIX в., один из русских военных инженеров посвятил статью современным оценкам минеральных богатств Бухары. «До сих пор, — писал он, — Бухара не была еще исследована в горном отношении надлежащим образом». И далее автор приводил существовавшие уже столетие слухи о богатых золотых россыпях по берегам Амударьи, правда, не преувеличивая их: «...все-таки нельзя надеяться на открытие богатых россыпей» [см. 12].

⁴⁵ Конфликты с иностранцами, бывшими на русской службе, по финансовым вопросам посвятил статью современным оценкам минеральных богатств Бухары. «До сих пор, — писал он, — Бухара не была еще исследована в горном отношении надлежащим образом». И далее автор приводил существовавшие уже столетие слухи о богатых золотых россыпях по берегам Амударьи, правда, не преувеличивая их: «...все-таки нельзя надеяться на открытие богатых россыпей» [см. 12].

⁴⁶ Его имя мы встречаем в документах 1732 и 1733 гг. Но это только челобитные купцов о выдаче им из казны одолженных когда-то давно Флорио Беневени денег [40, с. 369—370].

⁴⁷ Поручение построить крепость на Зайсане осталось невыполненным, но на обратном пути И. М. Лихарев построил на Иртыше, выше Семипалатинска, крепость Усть-Каменогорск, последнюю в цепи русских укреплений на Иртыше.

⁴⁸ Федор Иванович Соймонов (1692—1780) — русский гидрограф, государственный деятель. В 1708—1715 гг. учился в Московской математико-навигационной школе. Участвовал в морских кампаниях 1718—1719 гг., Персидском походе русских войск 1722—1723 гг. Произвел первое картографирование Каспийского моря. С 1739 г. — генерал-кригс-комиссар. В 1740—1742 гг. находился в ссылке в Охотске по делу А. П. Волянского (был одним из его «конфидентов»). В 1753 г. руководил Нерчинской экспедицией. В 1757—1763 гг. был сибирским губернатором. Основал в Нерчинске в 1754 г. Навигацкую школу, в Тобольске в 1758 г. — Геодезическую школу. В 1763—1766 гг. — сенатор. Автор ряда научных сочинений по географии, а также по истории (в том числе «Истории Петра»). Составил первую русскую печатную карту, атлас и дюжию Каспийского моря (1720—1731), а также атлас Балтийского моря (1734).

⁴⁹ Мнение о силе и значении пиратов было преувеличено. К началу XVIII в. былых пиратов на Мадагаскаре уже не было — их могущество кончилось. Но об этом еще не знали в Европе. Продолжали жить легенды и слухи о владычестве флибустьеров в океанах мира.

Письма, реляции, журналы Ф. Беневени и Приложение

¹ В текстах документов во многом сохранена старая орфография, хотя, например, осовременено написание следующих типов слов «стараяца» изменено на «стараться»; «ево», «какова» — на «его», «какого» и т. п.; также поставлен дефис в предложениях («из-за», «из-под») и перед частицами («что-нибудь», «кое-как» и т. п.). Следует оговорить, что мы не стали унифицировать встречающиеся в текстах разночтения одного и того же слова, например: аудиенция — аудиэнция — авднэнция, действительно — девствительно, турецкой — турской, именно — имянно, комиссар — камисар, реляция — релация, резолюция — ресолюция — ресолюция, генерально — дженерально — женерозно, ныне — ноне, грек — гречанин — греченин, серебряный — серебряный и т. д.

² От Москвы до Астрахани посла провожали девять солдат Московского гарнизона [3, 1718 г., д. 1, л. 39].

³ Архиа тер (архиятер) — высший управляющий медицинскими делами в России в 1716—1763 гг.

⁴ Род морского судна.

⁵ Немногим позже пошлина была ему все-таки возвращена [3, 1719 г., д. 1, л. 1—10].

⁶ Чюлфяне, или джульфяне, джульфинцы. Здесь: армяне из Джульфы.

⁷ Недружественные отношения Персии и Бухары явились в определенной мере причиной задержки бухарского посла в Шемахе (а также Ф. Беневени: ведь они следовали вместе).

⁸ Имеретия (Имерети) — историческая область в Западной Грузии (с XV в. — Имеретинское царство) со столицей в Кутанси. С середины XVI в. находилась в вассальной зависимости от Османской империи. Определенную роль в политической жизни Имеретии играло шахское правительство Персии.

⁹ Шамхал (шавкал) — титул правителей кумыков в Дагестане с XIV в. до 1867 г. Резиденция шамхала находилась в разное время в селениях Тарки, Буйнак и Казя-Кумыхе.

¹⁰ Эта часть фразы написана цифирью.

¹¹ На зп р(ь) — дворецкий, управляющий шахскими именьями.

¹² Ихтима т-де влет (ихтима тде влет, эхтема девлет) — искаж. перс. «э́тмад од-доуле» — «капцлер» или «первый министр шаха» (со всей полнотой власти).

¹³ Кулар-агасы (куларагасы) — один из придворных чинов; согласно А. П. Волюнскому, генерал и управитель шахскими слугами и невольниками.

¹⁴ Имеется в виду Дмитрий Петричис — грек, бывший толмач посольства А. П. Волюнского, отправленный в Персию в июне 1719 г. с грамотами Петра I и канцлера Г. И. Головкина к персидскому шаху — ответами на грамоты шаха, присланные с А. П. Волюнским. В Низовую он прибыл 31 октября, затем, так же как и Ф. Беневени, 20 дней ожидал подвоз для дальнейшего проезда до Шемахи. Там его продержали еще пять месяцев (в это время он и повстречался с Ф. Беневени). Лишь по прибытии в апреле 1720 г. в Шемаху нового хана Дмитрий Петричис получил разрешение на выезд к шаху. 24 мая шах принял его как гонца. 2 декабря 1720 г., исполнив порученную миссию, он возвратился в Петербург [см. 13, с. 241—243].

¹⁵ Здесь и далее заглавия, отмеченные звездочкой, приводятся в документе.

¹⁶ Ески-кагасы (ескикасы) — придворный чин, начальник или хранитель шахских архивов.

^{16a} Аюка (ум. 1724) — хан волжских калмыков, которые кочевали вверх по Волге (от Астрахани до Саратова) и находились в российском подданстве.

¹⁷ Имеется в виду А. П. Волюнский.

¹⁸ Т. е. поступок Д. Петричиса не должен быть оставлен без внимания, тем более что он был официальным лицом. Спустя некоторое время после возвращения Д. Петричиса в Россию по жалобе Ф. Беневени его судили и наказали.

¹⁹ Кизилбаш (кызылбаш) — дословно «красноголовый». Так называли персов, потому что они красили головы и бороды хной.

²⁰ Эта копия не сохранилась.

²¹ Даруга — один из административных чинов: староста, старшина.

²² Тюфячи (тюфяки) — стрелок из тюфяка — маленькой пушечки или пищали.

²³ Муханский (муганский), т. е. из Мугани, области степных равнин в Восточном Закавказье.

^{23a} Луты (луты, лоты от перс. «лут» — «голый», «нагой») — босаяк, бродяга, т. е. деклассированная часть беднейшего городского населения.

²⁴ Курчи-башни (курчибаши) — придворный чин, начальник личной шахской гвардии, корпуса стрелков; согласно А. П. Вольнскому, вторая персона после икхтимат-девлета.

²⁵ Туфенкчи-агасы (туфенкчиагасы) — придворный чин; начальник, глава всех оружейников.

²⁶ Испасалар — искаж. «спихасалар» — «главнокомандующий».

²⁷ Ясырь — невольник, раб; добыча в виде невольников.

²⁸ Дивитар (от «дафтар» — «запись») — придворный писарь.

²⁹ Тефтердар (от «дафтар») — чиновник, ведавший записью и сбором недоимок и налогов.

³⁰ «...После взятия Морен от венецианов... [и] после для приключившейся беды турецкой с немецкой стороны...» — Имеются в виду войны Османской империи: с Венецианской республикой в 1715—1718 гг., в ходе которой туркам-османам удалось захватить часть Пелопоннесского полуострова (Морен) и ряд островов в Эгейском море, и с Австрией в 1716—1718 гг., принесшая Османской империи ряд территориальных потерь на Балканах.

³¹ Вероятно, имеется в виду, что они — сунниты.

³² «...Я рассказывал [про] полученную прошедшей кампании викторию над шведами, также показывал присланные ко мне фигурные листы...» — Вероятно, Ф. Беневени имел в виду победу русского флота у о-ва Гренгам 27 июля (7 августа) 1720 г., о которой ему было сообщено скорее всего в одном из посланий Коллегии иностранных дел (она не сохранилась), с ним же были присланы и фигурные листы — какие-либо гравюры или рисунки (чаще они назывались «фряжские листы»), изображавшие это сражение. Заранее предполагалось, наверное, что посол будет показывать их за границей и вид больших боевых кораблей, пушек, флагов и т. п. произведет впечатление как на друзей, так и на недругов России.

³³ Аталык (букв. «подобный отцу», «замещающий отца», в переносном смысле — «опора эмиров») — один из высших чинов в бухарской придворной иерархии.

³⁴ Хан Муса был убит в ходе заговора феодальной знати, возведшей на престол Ширгазы. Все сыновья Мусы по его смерти находились в Бухаре. Тимур-султан (Темир Султан), как сын убитого хана, претендовал на ханство и был, конечно, противником Ширгазы.

³⁵ В XVII — начале XVIII в. область у Аральского моря в низовьях Амударьи часто отделялась от Хивинского ханства, выбирала своих ханов и становилась самостоятельным владением. Аральцы, враждующие с южными хивинцами, приглашали к себе ханов то из ставленников Бухары (таким, например, был Тимур-султан), то из казахских султанов, то из каракалпаков. Эти ханы воевали с хивинцами и посягали, иногда не без успеха, на хивинский престол. Тимур-султану в итоге так и не удалось подчинить себе все ханство.

³⁶ Реляция Ф. Беневени была отправлена 10 марта, т. е. незадолго до весеннего равноденствия, которым всегда считался день 21 марта. Говоря о шатком положении Ширгазы, Ф. Беневени мог предполагать, что этот хан продержится недолго, например «до сего равноденствия».

³⁷ Очевидно, одновременно с Ф. Беневени в Бухару прибыли персидский посол и при нем — для ведения торговых переговоров — купец.

³⁸ «...Стали, олова и стволов на фузеи... И я хотел отобрать такой заповедной товар...» — вывоз этих товаров из России был запрещен и осуществлялся только контрабандным путем.

³⁹ Ляпис-лазурь (лазурит) из всех синих камней, известных в древние времена, отличился к наиболее высоко ценным и использовался для изготовления амулетов, ваз, шкатулок и т. п., а также как материал для мозаик и инкрустаций. Порошок ляпис-лазури применялся и для получения прочной ультрамариновой краски. Самые старые и наиболее известные месторождения ляпис-лазури расположены в труднодоступном районе Афганистана — Бадахшане, где были найдены также рубин и шпинель. Эти месторождения разрабатываются уже на протяжении тысячелетий.

⁴⁰ Лал — старорусское название рубина и шпинели.

⁴¹ К а л ч а, точнее, галча или гальча (от «гар» — «гора») — горцы, жившие в областях верховьев Мургаба и Зеравшана.

⁴² М е н з и л (мензиль; дословно «цель», «рубеж») — расстояние, равное одному переходу от стоянки до стоянки. Естественно, что мера эта была довольно условна. Более точно расстояния измерялись в фарсах (приблизительно 6—7 км).

⁴³ Вероятно, Ф. Беневени имеет в виду слух о том, что у Амударьи было раньше два рукава, впадавшие и в Аральское и в Каспийское море.

⁴⁴ Ч е р н ы е к а л м ы к и (их называли также контайшинцами, джунгарами и ойратами) — население Джунгарского (Ойратского) ханства (государство, сложившееся у кочевников в 30-х годах XVII в. на Алтае и существовавшее до 1757 г.). Верховные ханы джунгаров носили титул хунтайджи (хуан тай-цзы — дословно «августейший»), трансформировавшийся в России в контайши.

⁴⁵ В этой реляции при ее расшифровке (вероятно, в спешке) писарем были допущены некоторые ошибки: иногда смешиваются будущее и прошедшее время (мы по возможности исправили такие места для облегчения работы с документом), есть недостаточно понятные переходы в содержании повествования, многие слова написаны неразборчиво (они отмечены в тексте отточием).

⁴⁶ Так в тексте; вероятно, имеется в виду Абул-Фейз.

⁴⁷ К у ш б е г и — первоначально это звание принадлежало начальнику ханской охоты; один из высших чинов в бухарской придворной иерархии.

⁴⁸ Имеется в виду правитель Шахрисябза Ибрагим-бек. В ходе непрекращающейся придворной и междоусобной борьбы, как ставленник Хивы, он выступил против хана Абул-Фейза, захватил в 1722 г. Самарканд с его богатейшим округом и провозгласил ханом своего зятя, двоюродного брата хивинского хана Ширгазы — Раджаба (Реджепа). Сам Ибрагим-бек стал при нем «эмиром над эмирами». Раджаб-хан, к которому присоединились многие узбекские беки, с большим войском двинулся на Бухару (в это время Ф. Беневени как раз находился там), но городом овладеть не смог. В следующие годы, уже после отъезда Ф. Беневени, продолжая борьбу с Бухарой, Раджаб попытался воспользоваться помощью казахов, обещая кочевникам богатую добычу в завоеванных областях. Казахи, вытесненные со своих кочевий калмыками-джунгарами в 1723 г. и находившиеся в бедственном положении, охотно откликнулись на призыв идти походом на богатые области Бухары. Голодные и обнищавшие кочевники явились со всеми кибитками к Самарканду, откуда разошлись до Бухары. Раджаб-хан совершенно утратил контроль над событиями и быстро сошел со сцены. Хан Абул-Фейз отсиживался за стенами столицы, не смея показаться за городом. В течение семи лет казахи продолжали опустошительные набеги. Иранский шах Надир воспользовался политической раздробленностью узбекских ханств и их экономической слабостью и с 1736 г. начал отбирать одну за другой бухарские и хивинские провинции, подчинив полностью Бухару и Хиву в 1740 г. Только со смертью Надир-шаха в 1747 г. они вновь стали самостоятельными. Междоусобицы продолжались в Бухаре до 1753 г., когда власть перешла от Аштарханидов (1599—1753) к династии Мангыт (1753—1920), представители которой называли себя эмирами [подробнее см.: 45; 23; 48].

⁴⁹ В датировке документа писарем была допущена ошибка; следует читать: 1723 г.

⁵⁰ Имеется в виду Карл VI из австрийской ветви Габсбургов, в 1711—1740 гг. император Священной Римской империи.

⁵¹ См. примеч. 30.

⁵² Имеется в виду Ништадтский мир России со Швецией, заключенный 30 августа 1721 г.

⁵³ Ранее в делах следовал документ, озаглавленный: «Выписка из реляции посланника Флориа Беневени из Бухар от 10-го апреля 1723-го году» [I, 1723 г., д. 1, л. 16—20об.]. Мы не воспроизводим его, так как он частично повторяет указанную реляцию, а также словесные показания Н. Минера, публикуемые ниже.

⁵⁴ Кермес (перс.), или кошениль (франц.), — красящее вещество красного цвета.

⁵⁵ Жагряные ружья (от «жагра» — «запальное отверстие», «запал») — фитильные ружья.

⁵⁶ Мехмандар — дипломатический чиновник, встречавший и сопровождавший иностранного посла.

⁵⁷ Далее в тексте пропуск, обозначенный двумя строчками точек.

⁵⁸ См. примеч. 44. Цэван Рабтан был «контаяши» в 1697—1727 гг. В 1723—1724 гг. в России находился посол из Джунгарского ханства Дорджи, прибывший вместе с И. Унковским [37 а, с. 186, 197].

⁵⁹ Речь идет о хакиме (управляющем) Ибрагиме.

⁶⁰ Джугара — род сорго; продовольственная и кормовая культура.

⁶¹ В тексте Ф. Бенвени — «*salpitrichi di Dorgi*». Доржи — один из улусных владетелей волжских калмыков.

⁶² Подобное требование было принципиальным и не случайно нашло место в таком важном документе, как инструкция. В Российском государстве свято чтити правила дипломатического церемониала, заимствованные еще у татар. Посольский приказ (позже — Коллегия иностранных дел), хранитель и носитель этих старорусских традиций, считался с ними даже в мелочах, допуская отступления от правил лишь в крайних случаях и только на основе взаимности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики России, ф. Сношения России с Бухарой, оп. 109/1. 1720—1727 гг.
2. Архив внешней политики России, ф. Внутренние коллежские дела, оп. 2/6.
3. Центральный государственный архив древних актов, ф. 109. Сношения с Бухарой.
4. Центральный государственный архив древних актов, ф. 89. Сношения с Турцией.
5. Центральный государственный военно-исторический архив СССР, ф. 450, д. 4.
6. Архив князя Ф. А. Куракина. Кв. 1 (Бумаги князя Бориса Ивановича Куракина, 1676—1727). СПб., 1890.
7. *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. 4. М., 1902.
8. *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России.— Сочинения. Т. 9. М., 1977, с. 199—484.
9. *Беггер Е. К.* Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма Ибн-Хаукаля.— Труды Среднеазиатского государственного университета. Вып. 111. Таш., 1957.
10. *Богоявленский С. К.* Связи между русскими и сербами в XVII—XVIII вв.— Славянский сборник. М., 1947, с. 248—254.
11. *Боднарский М. С.* Очерки по истории русского землевладения. Т. 1. М., 1947.
12. *Бутнев К. Ф.* Минеральные богатства Бухарии.— Горный журнал. СПб., 1842, ч. 4, кн. II, с. 137—148.
13. *Бушев П. П.* Посольство Артемия Волянского в Иран в 1715—1718 гг. М., 1978.
14. *Бэр К. М.* Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний о России и пограничных с нею земель Азии. Ч. 2.— Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1850, кн. 4, с. 260—283.
15. *Веселовский Н. И.* Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях.— Журнал Министерства народного просвещения. 1884, июль, с. 68—105.
16. *Веселовский Н. И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. СПб., 1877.
17. *Вольтер.* История Карла XII, короля шведов. Т. 2. СПб., 1909.
18. *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. 2-е изд. Т. 1—15. М., 1837—1843.
19. *Давидсон А. Б., Макрушин В. А.* Зов дальних морей. М., 1979.
20. *Жуковский С. В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915.
21. Журнал, или Поленная записка государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштадтского мира. Ч. 1—2. СПб., 1770—1772.
22. *Заозерский А. И.* Экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом.— Россия и Запад. Т. 1. Пг., 1923, с. 91—102.
23. *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI—середина XIX в.). М., 1958.
24. *Ключевский В. О.* Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к внешнему.— Сочинения. Т. 7. М., 1959.

25. *Лебедев Д. М.* География в России петровского времени. М.—Л., 1950.
26. *Миллер Г. Ф.* Известия о песочном золоте.—Сочинения и переводы о пользе и увеселении служащие. СПб., 1760.
27. *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра I. М., 1984.
28. *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971.
29. *Павленко Н. И.* Петр Первый. М., 1975.
- 29а. *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984.
30. *Павленко Н. И.* Савва Лукич Владиславич-Рагузинский.—Сибирские огни. 1978, № 3, с. 155—168.
31. *Павлов-Сильванский Н. П.* Очерки по русской истории XVIII—XIX вв.—Сочинения. Т. 2 СПб., 1910.
32. Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. 2. СПб., 1885.
33. Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева.—Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 25. СПб., 1878.
34. *Перри Д.* Состояние России при нынешнем царе.—Чтения в Обществе истории и древностей российских. Т. 1. М., 1871.
35. Письма и бумаги Петра Великого Т. 11, вып. 1, 2. М., 1964.
36. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1-е. Т. 5. СПб., 1830.
37. *Попов А. Н.* Спошения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом.—Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1853, кн. 9, с. 237—424.
- 37а. Посольство к зюнгарскому хун-тайчи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы. (Под ред. Н. И. Веселовского).—Записки Императорского Русского географического общества по Отделению этнографии. СПб., 1887, т. 10, вып. 2.
38. Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. (Под ред. Д. С. Лихачева). М.—Л., 1954.
39. *Пушкин А. С.* История Петра.—Полное собрание сочинений. 4-е изд., Т. 9. Л., 1974.
- 39а. Русский посол в Стамбуле: (Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в.). М., 1985.
40. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. I. М., 1833.
41. *Соймонов Ф. И.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваниях...—Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. СПб., 1763.
42. *Соколов А. П.* Описи Каспийского моря с начала осьмнадцатого века по настоящее время.—Записки Гидрографического департамента морского министерства. СПб., 1852, т. 10, с. 1—69.
43. *Соколов А. П.* Русская морская библиотека.—Записки Гидрографического департамента морского министерства, СПб., 1852, т. 10, с. 485—656.
44. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. VIII (т. 15—16); кн. IX (т. 17—18). М., 1963.
45. *Тали Абдурахман-и.* История Абдулфейз-хана. Пер., предисл., примеч. А. А. Семенова. Таш., 1959.
- 45а. *Тамай А.* Восстание 1711—1722 гг. в Азербайджане.—Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1957, т. 3.
46. *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 1—6. СПб., 1865.
47. *Фрайденберг М. М.* Дубровка и Османская империя. М., 1984.
48. *Чехович О. Д.* К истории Узбекистана в XVIII в.—Труды Института востоковедения АН УзССР. Таш., 1954, вып. 3, с. 43—82.
49. *Чулков М.* Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего... Т. 2, кн. 2, 3. М., 1785.
50. *Шугой В. Е.* Введение.—Турция пакануне и после Полтавской битвы (глазами австрийского дипломата). М., 1977.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдулат бей 43
 Абдулах 123
 Абул-Фейз (Абдул Фесс, Гусейн) 11, 21, 77—79, 107, 126, 139, 140, 148
 Авайкатар 87
 Адама 42, 43
 Аивас Баки 87
 Акап Ходжа 97
 Алдигирей 45
 Алексей Петрович 15, 16, 141, 143
 Али-паша (Али Паша) 56
 Амремзей см. Юнусов М.
 Анна Иоанновна 139, 142
 Аран 74
 Арешкин 33
 Ахмед III 144
 Ачерби 7
 Аштарханиды 140, 148
 Аюка 43—46, 67, 70, 77, 87, 88, 119, 146
- Байбембет 87
 Баки 128
 Барка Л. (Кириков) 13, 142
 Бартольд В. В. 23
 Бекович-Черкасский А. (Бекович, Черкасский) 7—9, 17, 18, 21, 25, 26, 34, 67, 69, 72, 85, 88, 91, 92, 95, 97, 98, 100—102, 104, 106, 107, 109—111, 114—119, 124, 131—133, 137—140, 143
 Бекмай 87
 Бирон Э. 139
 Брагим Бей см. Ибрагим-бек
 Бухгольц И. Д. 7, 9, 29, 138
- Вахтанг 38, 40
 Великий Могол 5, 21, 30, 95, 97, 126
 Венден фон 36
 Веселовский А. 15
 Веселовский П. И. 22, 140
 Вильстер Д. 30
 Вольтер 30
 Вольнский А. П. 9, 26, 44, 56, 139, 143, 145—147
- Габсбургн 148
 Гагарин М. П. 6, 7, 28, 29, 138
 Гиурджи Хан 116
 Голицын Б. А. 138
 Головин Ф. А. 12, 141, 142
- Головкин Г. И. 14, 32, 41, 140, 142, 146
 Дарья 140
 Дауд-бек (Дауд-Хаджи, Даут Бей, Дауд-бей) 50, 51, 71, 144
 Дементьев И. 24, 65
 Димитракий (Димитраки, Димитрей) см. Петричис Д.
 Дмитриев К. 34
 Дмитриев М. 27, 34, 65
 Дмитриев П. 47
 Дорж 117, 149
 Доржи 149
 Достум Бай 91, 92, 99—101, 103, 106, 108, 110, 113, 115
 Дури-эфенди (Дури Эфенди) 20, 56
 Дурсун Кочек 87
- Евреиннов М. 84, 86
 Екатерина I 27, 134, 141, 142
- Ибрагим (Имбрайгот) 97, 149
 Ибрагим-бек (Ибрагим-Бек, Ибрагим-бий) 78, 148
 Иван Алексеевич 141
 Измайллов Л. 143
 Имбрайгот см. Ибрагим
 Исмаил 87
 Исми 50
- Карл VI 15, 148
 Карл XII 30
 Керван 134
 Кожин А. 8, 9, 138
 Колуму 76
 Кор 66
 Кочак 87
 Котелев 30
 Кули-бек см. Хан-Кули-бек
 Куракин Б. И. 143
- Левашов 82
 Лефорт Ф. Я. 141
 Лихарев И. М. 28, 29, 138, 145
- Маленький С. 5, 29, 138
 Мангыт 72, 148
 Махомет (Мухаммед) 133
 Мейбст 87
 Мелик Махмуд (Милик Мамут) 83, 86

- Меншиков А. Д. 142
 Милнк Мамут см. Мелик Махмуд
 Милославские 141
 Минер Н. (Николай, Nicolo Miner)
 23, 24, 80, 85—87, 145, 148
 Мир-Махмуд-Гильзай (Хотаки) 144
 Мирар 73
 Михря 53, 54
 Могол см. Великий Могол
 Моли Максуд см. Юнусов М.
 Мулагидай 87
 Мула Магамасй 87
 Мурза 111
 Муса 60, 65, 67, 78, 148
 Мяснов 30
- Надир 148
 Накиб Ходжа см. Ходжа Раим
 Нарышкина Н. К. 142
 Нарышкины 141
 Нефес Ходжа 7
 Николаев 134
- Овидий 141
 Остерман А. И. 139
- Перри Д. 10, 26, 139, 145
 Петр I 5, 8, 9, 11, 12, 14—16, 18, 20,
 24, 25, 29, 34, 39, 60, 64, 65, 138—
 144, 146
 Петр II 27, 28
 Петриче Дмитрий (Димитракий, Ди-
 митраки, Димитряка, Димитрей)
 41—46, 48, 49, 146
 Попов А. Н. 31
 Попов В. 84
 Пулатов М. 87
 Пушкин А. С. 9, 29, 30
 Рагузинский-Владиславич С. Л. 13,
 141, 142
- Раджаб-хан (Реджеп, Ререб) 78, 79,
 88, 95, 96, 123—127, 148
 Рукляцев А. И. 15, 143
- Сафонов П. (Софонов) 13, 31, 117,
 142
 Семевский М. 140
 Семенов А. 29, 138
 Сефевиды 144
 Соймонов Ф. И. 29, 145
 Соловьев С. М. 5, 7
 Софонов см. Сафонов П.
 Софья Алексеевна 141, 142
 Султан см. Темир-султан
 Сулхан Кули 114—117
 Сурхай-хан (Сурхай) 50, 144
- Тамерлан 96
 Тевкелев 139
 Темир Аксак 123
- Темир (Тимур)-султан (Темир Сул-
 тан, Шах Темир Султан, Султан)
 65, 67, 69, 70, 76—78, 87, 88, 92,
 98, 100, 105, 114, 115, 125, 147
 Толстой А. В. 141
 Толстой И. П. 141
 Толстой П. А. 12—16, 26, 28, 141,
 143
 Трушников Ф. 6
- Убайдулла-хан 140
 Угримов 29
 Унковский И. 29, 149
 Урусов В. 9
 Устачарок 87
- Фатх Али-хан Дагестани 55
 Федор Алексеевич 141
 Фераст 66, 78
- Хаджа 86
 Хаджа Раим (Хаджа Накип, Накиб
 Ходжа) 85, 86, 120
 Хаджа (Ходжа) Улфет 22, 79—81,
 119—122, 127, 128
 Хан-Кули-бек (Хан Кулий, Хан Кули
 Баши, Ханкулы, Хан Кулы, Кули-
 бек) 10, 11, 16, 18—20, 26, 75, 86,
 107, 118, 119, 123, 133, 140
 Хасан Паша 59
 Хафисбей (Хафис, Хафизбей, Хафиз-
 бек, Хафисбег) 58—62, 119
 Ходжа, законник 77
 Ходжа, наип 104—106, 109, 110, 112,
 114, 117
 Ходжа, старшина 109
 Ходжа Нефес см. Нефес Ходжа
 Ходжа Улфет см. Хаджа Улфет
 Ходжа Шекирум 87
 Хосейн 33, 143, 144
 Худай Верди 87
- Цэван Рабтан 96, 149
- Чагатай 96
 Чапдержап (Чапдерджаб) 43, 44, 70
 Чаршамба 87
 Чебышев П. 111
 Черкасский А. см. Бекевич-Черкас-
 ский А.
- Шафиров П. П. 14, 16, 32, 41, 139,
 140, 142, 143
 Шеймемет 87
 Шах Темир Султан см. Темир-султан
 Шельтрон 6
 Шереметев Б. П. 14, 142
 Шереметев М. Б. 14
 Ширгазы (Ширгасы, Ширгази) 12, 25,

26, 65, 67—70, 76—78, 82, 88,
90—94, 97—101, 103, 105—108, 110,
114, 117, 118, 125, 126, 140, 147,
148

Шулснгур А. Г. 59

Юнусов М. (Амремзей, Мула Максуд,
Моли Максуд, Мола Максу) 24, 80,
87, 95

Ядняр 87

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абкенд 124
Австрия 142, 147
Адрианополь (Эдирне) 12
Азара 124
Азарис 92, 99, 125
Азербайджан 144
Азия 5
Акирмес 40
Актам 8
Алтай 148
Америка 29, 30
Амударья (Аму, Амудерия, Аму-
Дарья, Дарья) 6—9, 22, 23, 67, 73,
74, 83, 84, 88—90, 92—95, 99, 100,
105, 109, 119, 121, 126, 130—132,
137, 145, 147, 148
Англия 139
Анджикан (Индиджан, Индикан,
Идизан, Дизан) 23, 81, 84, 124, 138
Анхой (Анхой, Анкуй) 72, 83, 123,
124
Аравия (Аравия) 57
Арал (Арали, Аралы, Аральские
острова) 67—69, 72, 74, 76, 78, 88,
92, 98, 105, 125, 126, 131, 132
Аральское море 6, 8, 23, 84, 119, 126,
129, 131—133, 147, 148
Арес 41
Астрабад (Астрабат) 18, 30, 32, 33,
35, 72, 81—84, 109, 114, 130, 139,
144
Астрабадский залив 29
Астраханское ханство 5
Астрахань 5, 7, 8, 11, 16—20, 24, 26,
27, 29, 32, 34—37, 41, 44—46, 58,
64, 67, 70, 72, 77, 79—82, 86, 88, 90,
100, 106—110, 114, 116—120, 132,
133, 136, 139, 143, 146
Афганистан 144, 147
Африка 30
Багдад (Богдат) 59
Бадахшан (Бадаксан, Бадакшан,
Водокшан) 23, 29, 73, 74, 81, 83,
84, 123, 124, 126, 130, 147
Баку (Бакус) 47, 108, 144
Балканы 140, 141, 147
Балтийское море 5
Балх 23, 29, 64, 69, 72, 73, 81, 83, 84,
87, 123, 124, 126
Батфав 73
Башкиры 132
Белуджистан (Былиштан) 40
Бенгалия 30
Бендер-Абас (Бендер-Аббас) 38, 40
Берлин 15
Богдат см. Багдад
Бона-Эксперанца (Доброй Надежды),
мыс 29
Буйнак 146
Бухара (Бухар, Бухары), 1. 20, 24,
26, 50, 66, 73, 75, 78, 80, 82, 83,
85—87, 91, 92, 94, 95, 98, 103, 105,
106, 112, 117—121, 123—126,
128—131, 133, 134, 148
Бухарское ханство (Бухара, Булария,
Бухарская земля, Бухаратша, Бу-
харщина) 7, 11, 16—18, 20—26,
28—31, 34, 36, 59—62, 64—67, 69,
70, 72—79, 84—86, 90, 92—100, 102,
103, 105, 107, 109—111, 114, 116—
121, 123—125, 127, 130, 135, 137—
140, 143, 145—148
Былиштан см. Белуджистан
Вена 15, 27
Венецианская республика 147
Венеция 15, 141, 142
Водокшан см. Бадахшан
Волга 6, 18, 146
Восточный Туркестан см. Синьцзян
Генжа см. Гянджа
Герат (Ират, Ирад, Герад, Гират,
Хиред) 38, 61, 62, 76, 82, 95
Гилян (Гилян) 30, 52, 60, 81, 82,
118, 144
Гиокча 73
Гисар (Хисар, Ихиссар) 123, 124, 130
Гренгам 147
Греция 42
Грузия 146
Гурьев 26, 117, 134
Гянджа (Генжа) 38
Дагестан 146

- Дарья см. Амударья
 Дербент 46, 144
 Джульфа 146
 Джунгарское (Ойратское) ханство 148, 149
 Дизан см. Андижан
 Дубровник (Дубровницкая республика) см. Рагуза
 Европа (Эвропа) 5, 15, 24, 30, 56, 101, 141, 142, 145
 Ески Оргенч 125
 Зайсан 29
 Закавказье 5, 144, 146
 Зеравшан 139, 148
 Зинзилинский залив 29
 Имеретия (Имерети) 146
 Индижан (Индиджан, Илизан) см. Андижан
 Индия (Индия, Индийская земля, Мунгалы) 5, 6, 8, 9, 23, 29, 30, 53, 83, 84, 95, 126, 129, 139
 Ирад см. Герат
 Иран см. Персия
 Иртыш 29, 138, 145
 Испаган(ь) см. Исфахан
 Испания 141
 Исфахан (Испаган, Испагань, Испогань) 5, 40, 53, 56, 58, 59, 63, 76, 116, 144
 Италия 15, 142
 Ихссар см. Гисар
 Кабул 23, 76, 84
 Казанское ханство 5
 Казаль 35, 139
 Казаки (Казахстан) 87, 119
 Казвин (Казвин) 37—40, 43, 46, 48—50, 52, 55
 Кази-Кумых 146
 Калмыки (Калмуки) 75, 117, 134
 Камчатка 29
 Капаха 125
 Кандагар (Кандегар) 73, 95
 Карагюл (Каррагюл) 100, 124
 Каракалпаки 68, 78, 87
 Каракол (Караколь) 85
 Карши (Карсий) 23, 85, 124
 Каспийское море (Каспий, Каспичское море) 6—9, 23, 36, 56, 71, 74, 84, 105, 109, 119, 130—132, 136, 143, 145, 148
 Кашгар (Каскар) 84, 85, 124
 Кашкадарья 139
 Керия 29
 Кизилбаши см. Персия
 Кермани (Кермине) 124
 Китай (Цинская империя) 5, 6, 139, 141—143
 Коканд (Кокан) 124
 Константинополь см. Стамбул
 Красноводский залив (Красные воды) 8, 130
 Крошлот 137
 Кура 29, 50—52
 Курдистан 144
 Курленд 125
 Кутаиси 146
 Кутнам 123, 124
 Кюрам 73, 74
 Лахор 76, 81
 Либавя 8, 140
 Лондон 139
 Мавр см. Мерв
 Мадагаскар 30, 145
 Мазендеран (Мезандаран, Мизандрон) 82, 118, 119, 144
 Малая Бухария см. Снньцзян
 Малая Кабарда 138
 Мальта 142
 Маргилян (Маргилян, Мергалац) 23, 81, 84, 124
 Мары см. Мерв
 Маура см. Мерв
 Мезандаран см. Мазендеран
 Мекка (Мека) 62, 80, 133
 Мерв (Мавр, Маура, Мары) 38, 67, 86, 89, 91—93, 120, 130
 Мергалац (Мергалам) см. Маргилян
 Мечет см. Мешхед
 Мешхед (Мешед, Мешет, Мешеть, Мечет, Мечеть) 32, 38, 59, 63, 76, 82, 83, 86, 89—94, 98, 100, 105, 130
 Мизандрон см. Мазендеран
 Морея см. Пеллопоннес
 Москва 6, 11, 16—18, 24, 25, 27, 33, 34, 53, 60, 63, 64, 80, 84, 96, 136, 143, 146
 Москва, р. 18
 Мугаль 146
 Мунгалы см. Индия
 Мургаб 148
 Намджан 124
 Неаполь 15, 27
 Нёрчянск 138, 145
 Низовая пристань (Низовая, Низовое, Низабад) 19, 35, 36, 42, 47, 56, 118, 119, 143, 146
 Нурата 124
 Оргенч (Ургенч) 131
 Османская империя (Порта, Турция, Турецкая земля) 5, 9, 12—15, 26, 140—144, 146, 147
 Охотск 145

- Париж 143
 Пелопоннес (Моря) 56, 147
 Переяславль 16
 Персидский залив (Персицкое море) 38, 56
 Персия (Персида, Персицкое государство, Иран, Кизилбаш) 5, 6, 9, 18—20, 25, 26, 32, 33, 40, 66, 72, 76, 77, 81, 82, 86, 90, 105, 107, 109, 118, 119, 125, 126, 129, 133, 139, 143, 144, 146
 Петербург 6, 7, 11, 15, 16, 20, 24, 26, 33—35, 39, 41, 47, 50, 80, 92, 118, 134, 138, 143, 144, 146
 Польша 142
 Порта см. Османская империя
 Преснуха 7
 Прикаспье 144
 Пяндж 23

 Рагуза (Дубровник, Дубровницкая республика) 14, 27, 28, 140, 141
 Решт 144
 Рига 15
 Рим 15
 Россия (Российское государство, Русь) 5—8, 10—21, 23—26, 28, 30, 31, 50, 56, 58, 69, 71, 77, 84—86, 100, 107, 123, 128, 131, 132, 138—149

 Самарканд (Самархан) 30, 69, 78, 79, 88, 96, 123, 124, 127, 139, 148
 Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Санкт-Питербурх, Санктпетербург) см. Петербург
 Саратов 11, 70, 77, 146
 Священная Римская империя 148
 Семипалатинск 145
 Сибирь (Сибирская сторона) 8, 28, 84, 85, 107, 126, 138
 Синьцзян (Восточный Туркестан, Малая Бухария) 7, 29
 Соловецкий монастырь 141
 Спа 15, 143
 Средняя Азия 5, 6, 8, 11, 17, 22, 27, 29
 Стамбул (Константинополь, Цареград) 12, 14, 15, 20, 26, 27, 56, 57, 59, 80, 133, 139, 141, 144
 Сырдарья (Сыр, Сырдерья, Сыр-Дарья, Сыр-река, Свир) 23, 81, 95, 96, 126, 129, 130, 133

 Тара 6
 Тарим (Тарим-Дарья) 7
 Тарки 146
 Ташкент (Ташенд, Тошанд, Таскент) 84, 85, 96, 123, 124
 Тегеран (Тихран) 5, 20, 50, 52, 53, 58—60, 63, 64, 118

 Терик 77
 Тироль 143
 Тихран см. Тегеран
 Тобольск 6, 7, 29, 84, 86, 96, 145
 Тошанд см. Ташкент
 Трухменские степи 82
 Турция см. Османская империя
 Туркестан (Турк(х)истан) 114, 117, 120, 123, 124
 Тшарджов см. Чарджоу

 Усть-Каменогорск 145
 Уфа 86
 Уфимский уезд 80

 Филиппины 29
 Франция 38, 141, 142

 Хива 9, 26, 71, 84, 88, 99, 101, 112, 114—117, 124—126, 129—134
 Хивинское ханство (Хива, Хивинская земля) 7, 9, 18, 21, 23, 24, 26, 31, 32, 41, 42, 64, 65, 67—72, 75—81, 85—87, 90—94, 97, 98, 100, 102—105, 107—113, 118—121, 125, 126, 139, 140, 144, 148
 Хиред см. Герат
 Хисар см. Гисар
 Ходжент 123, 126, 130
 Хорасан (Хоразань, Хоросан) 118, 119
 Хорасан, провинция 30, 83, 84, 119

 Царьград (Цареград) см. Стамбул
 Церехенд 96
 Цинская империя см. Китай

 Чарджоу (Чарджов, Чаржов, Тшарджов) 20, 32, 88, 89, 120, 124, 130
 Чебоксары 65
 Черногория 141
 Черный Иртыш 29
 Черный Яр 18, 32
 Чикчи 89

 Шамаха см. Шемаха
 Шахрисябз (Шахрисабз, Шехризаб) 124, 139, 145, 148
 Шведия 12, 30, 142, 148
 Шегистан 83
 Шеджелильские (Шехджелильские) горы (Шейх-Джели) 74, 131
 Шемаха (Шамаха) 18—20, 32, 33, 35, 36, 38, 39, 41—43, 46—48, 50, 52, 59—61, 71, 80, 118, 144, 146
 Шехризаб см. Шахрисябз
 Шираз 53
 Ширван 39, 47, 48, 54, 59, 62, 71, 108, 118, 144

Эгейское море 146
Эриванская провинция 56, 57
Эркет см. Яркенд

Югославия 140

Яик 26, 109, 113, 117, 129, 134, 135
Яицкий городок 132
Яйкчи 124
Ямышевое озеро 7, 138
Япония 6, 29
Яркенд (Эркет, Эркетъ) 6—9, 23, 29

SUMMARY

The documentary collection *Peter I Envoy to the East (Florio Beneveny's Journey in Persia and Bokhara in 1718-1725)* published in the series "Asia and Africa in the Sources and Materials of Modern Times" contains letters, reports and journals of the Russian envoy Florio Beneveny.

The materials published in the collection are an important source on the history the biggest khanates of Central Asia in the past, Bokhara and Khiva, partially Persia, also on the history of Russia in the first third of 18th c. Part of those documents are published for the first time.

Travels from Russia to the East were difficult and dangerous (on account of a big distance between them, hard natural conditions in this part of the world and the traditional harsh treatment of foreigners by the people inhabiting the region) and were therefore few. This is why each travel was an event in itself attracting keen interest. Scanty materials about such travels — notes, diaries of travellers, letters, reports, reminiscences preserved to these days are unique.

The contents of the reports, letters, journals published in the collection and of the Instruction, placed in the Supplement, give the reader an idea of the contacts between Russia and the Central Asia Khanates, Bokhara and Khiva, about the role and the significance of trade between them, about the attempts of Russian government to maintain and widen these connections in the 18th century. Florio Beneveny's journey to the East represents a definite stage in Russia's policy in Central Asia, testifying a desire to activate it.

Florio Beneveny's reports and journals show clearly the position of the countries. The documents cover different aspects of life in Central Asia and also in Persia. A vivid picture of acute political struggle in these countries is given by the author, the political and economical connections of the countries of this region are described, many interesting facts are given.

The book is supplied with an introductory article and comments, amplifying the documents with the necessary information about the epoch and events in Russia and in the East in the considered period. Thus the introductory article contains the information and data about Florio Beneveny which were recently found in the archives and are published for the first time.

There are geographical and name indexes.

The scientific community and readers at large, having interest in the past of our country and East, have an opportunity to get acquainted with very interesting, unique archive documents in this book.

СОДЕРЖАНИЕ

ПО ДОРОГАМ ВОСТОКА И ВРЕМЕНИ (ВВЕДЕНИЕ)	5
«И ВРУЧЕННУЮ МНЕ КОМИССИЮ НУЖНЕЙШУЮ ПО ВОЗМОЖНОСТИ ИСПРАВИЛ...» (ПИСЬ- МА, РЕЛЯЦИИ, ЖУРНАЛЫ ФЛОРЦО БЕНЕ- ВЕНИ)	32
ПРИЛОЖЕНИЕ	136
ПРИМЕЧАНИЯ	138
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	150
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	152
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИИ	154
SUMMARY	158

**ПОСЛАННИК ПЕТРА I
НА ВОСТОКЕ**

**Посольство Флорно Беневени
в Персию и Бухару
в 1718—1725 годах**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *А. А. Кожуховская*
Младший редактор *Л. А. Добродеева*
Художник *А. Н. Жданов*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Е. Сименко*
Корректор *А. В. Шандер*

ИБ № 15437

Сдано в набор 31.07.85. Подписано к печати 17.01.86. А-04127. Формат 60×90^{1/8}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 10,0. Усл. кр.-отт. 10,38. Вч.-изд. л. 11,29. Тираж 20 000 экз. Изд. № 5918. Зак. № 281. Цена 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12-1

Набрано в Московской типографии № 13
ПО «Периодика» ВО «Союзполиграфпром»
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли
107005, Москва Б-5, Дежневский пер., 30

Отпечатано во 2-й типографии издательства
«Наука». Зак. 2447 121099, Москва, Шу-
бинский пер., 6

«В 8 день прошедшего апреля, не сказывая никому [опасаясь, чтоб не было явно], кроме единого купца российского, и то в последний день... немедленно с провожатым татаринном, нарочно для того при мне бывшим, послал я тайно четырех верблюдов водовозных. На том в полночь с двадцатью семью человеками из Бухары выбрался, поскакал колико силы было, пока выехал из жилья и из деревень в степь, и уже стал быть день, где при воде сыскал я моего провожатого с четырьмя верблюдами, на которых положи воды (и напоив лошадей, и вручив себя Богу) оттоле ехал по степи песочной, безводной, жаре нестерпимой».